

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

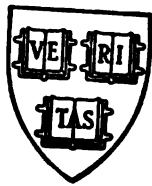
WIDENER

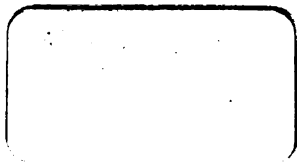
HN ZT7L 3

3 2044 022 731 715

May 26 11 154, 15

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

4162 n/66

О ЛѢТОПИСЯХЪ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ.

ВЫПУСКЪ 1-й.

А. Маркевича.

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІА П. А. ЗЕЛЕНАГО, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-й.

1883.

"O LETOPISIANKH"

1-2

О ЛѢТОПИСЯХЪ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ.

ВЫПУСКЪ 1-й.

А. Маркевича.

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІА П. А. ЗЕЛЕНАГО, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-й.

1888.

Slav 3227.434.15 (1-2)

✓

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ С. П. Ярошенко.

67*2

(Изъ XXXVI тома записокъ Императорскаго новороссійскаго университета).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемыя лекціи о лѣтописяхъ представляютъ нѣсколько распространенную часть спеціального курса Русской исторіографіи, читаннаго мною въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1880 по 1882 годъ. Оба года я читалъ собственно объ источникахъ русской исторіи, присоединивъ къ этому на второй годъ и очеркъ развитія науки русской исторіи. Обзорніе источниковъ начато было съ лѣтописей, почему онѣ раньше всего и были мною обработаны для печатанія. Въ выходящемъ нынѣ 1-мъ выпускѣ напечатаны лекціи о лѣтописяхъ вообще и о Древнемъ лѣтописномъ сводѣ, обыкновенно называемомъ Несторовскою лѣтописью. Дальнѣйшее печатаніе лекцій по русской исторіографіи можетъ появиться, при благопріятныхъ условіяхъ, безъ перерыва, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. лекціи объ остальныхъ лѣтописяхъ, почти готовы для печати.

При чтеніи лекцій мнѣ приходилось, конечно, дѣлать большія выдержки изъ лѣтописей; но я не рѣшился напечатать эти выдержки, замѣнивши ихъ большею частью краткимъ пересказомъ, иногда даже указаніемъ, если лѣтописныя мѣста казались мнѣ слишкомъ извѣстными.

Чтенію лекцій объ источникахъ предшествовало введеііе въ курсъ исторіографіи, посвященное исторической критикѣ и инымъ исторіографическимъ вопросамъ; но прочитано оно было не съ тою полнотою и обработанностію, которыя сдѣлали бы возможнымъ его напечатаніе. Впрочемъ, не теряю надежды современнымъ напечатать и эту часть моего курса.

О лѣтописяхъ.

Изъ лекцій по Русской историографіи

Магистра А. И. Маркевича.

Лѣтописью или временникомъ ¹⁾ называется погодный рассказъ о событіяхъ, имъ современный.

Этимъ названіемъ опредѣляется и самая форма лѣтописи: совершившіяся событія изображены въ ней исключительно въ хронологическомъ порядкѣ и вносились ежегодно, по мѣрѣ того какъ происходили.

Лица, занимавшіяся составленіемъ лѣтописей, называются лѣтописцами.

Главнѣйшимъ свойствомъ лѣтописи надобно считать ея современность изображаемымъ въ ней событіямъ; составители заносили событія въ то время, какъ они происходили, или развѣ немногимъ позже, но по свѣжей памяти.

Очень долго существовало мнѣніе о полной объективности лѣтописцевъ, особенно древнѣйшихъ, и объ отсутствіи съ ихъ стороны оцѣнки событій, чѣмъ лѣтопись будто-бы различается отъ мемуаровъ (историческихъ записокъ). Но въ послѣднее время доказано было субъективное отношеніе лѣтописцевъ, даже древнѣйшихъ (изъ извѣстныхъ нынѣ), къ изображаемымъ ими событіямъ, такъ что объективность не можетъ считаться свойствомъ лѣтописи.

¹⁾ Иногда лѣтописцемъ; всѣ эти термины представляютъ переводъ съ греческаго *ἔτεογραφία*, *ἔτεογράφος*, *χρονογραφία*, *χρονογράφος*, *χρονικόν* и т. п.

Русскія лѣтописи начинаются, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ русскою письменностью и доходятъ до XVIII в.

Строго говоря, лѣтописями имѣютъ право называться и тѣ погодныя записки, которыя, можетъ быть, ведутся кое-гдѣ и въ настоящее время, но такъ какъ съ XVIII в. лица, желающія сохранить въ память потомству свои воспоминанія о прошломъ, несравненно чаще избираютъ форму мемуаровъ, т. е. систематизируютъ извѣстія, не стѣсняя себя строго хронологическимъ порядкомъ, то принято считать начало XVIII в. временемъ окончанія лѣтописанія въ Россіи.

Считать предѣломъ лѣтописанія XVIII в. удобно еще и потому, что господствующій въ XV и XVI в. видъ лѣтописей — лѣтопись официальная — въ XVIII в. сливается все болѣе и болѣе съ инымъ видомъ историческихъ источниковъ — съ такъ называемыми разрядными книгами, которыми затѣмъ и поглощается; онѣ же въ свою очередь переходятъ частью въ такъ называемыя камерфурьерскіе журналы, частью въ иные официальные акты. Въ свое время мы будемъ имѣть случай говорить объ этихъ переходахъ обстоятельнѣе.

Потерявши официальное значеніе, лѣтописи кое-гдѣ продолжаютъ, и нерѣдко встрѣтить указаніе на какой нибудь деревенскій лѣтописецъ, доведенный до весьма близкаго къ намъ времени (см. о такихъ лѣтописцахъ статью въ Истор. Вѣстн. 1880 г. № 11).

Нѣкоторые писатели, большею частью изъ духовныхъ лицъ, особенно въ послѣднее время, называютъ лѣтописями, сдѣланныя ими о какомъ либо краѣ, городѣ или монастырѣ и т. п. выборки изъ всевозможныхъ источниковъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы не называть ихъ исторіей, такъ какъ это названіе налагало бы на авторовъ извѣстныя обязательства, въ ихъ трудахъ невыполненныя. Разумѣется, нельзя ничего возразить противъ такого фигуральнаго употребленія термина лѣтопись, но такія лѣтописи не могутъ подойти въ настоящее время подъ понятіе историческаго источника.

Происхожденіе лѣтописей.

Происхожденіе русских лѣтописей, по общепринятому мнѣнію, находится въ несомнѣнной зависимости отъ лѣтописей византійскихъ, существованіе которыхъ въ свою очередь обусловлено существованіемъ римскихъ лѣтописей. Генезисъ же этихъ послѣднихъ ученые нынѣ склонны возводить къ вліянію иныхъ народовъ древности. Въ виду этого, а въ особенности въ виду того, что происхожденіе русских лѣтописей представляетъ вопросъ еще недостаточно разъясненный, не бесполезны будутъ указанія на существованіе лѣтописей вообще въ государствахъ древняго міра.

Лѣтописями въ примѣненіи къ народамъ древняго востока называются реляціи царей о своихъ дѣяніяхъ. Ихъ можно сравнивать не столько съ лѣтописями, сколько съ такъ называемыми историческими сказаніями, которыя почти вездѣ явились первѣмъ матеріаломъ для составленія настоящихъ лѣтописей.

Для писанія такихъ реляцій въ восточныхъ государствахъ существовали официальные писцы — какъ бы статсъ-секретари.

Таковы именно такъ называемыя лѣтописи ассирійскихъ царей, столь интересующія въ настоящее время весь образованный міръ особенно потому, что лучшее, чѣмъ прежде, чтеніе клинообразныхъ надписей дало возможность чрезвычайно полно познакомиться съ исторіей царей ассирійскихъ.

Лучшее изданіе этихъ лѣтописей—*Menant. Annales des rois d'Assyrie* 1874. О нихъ можно найти подробныя свѣдѣнія на русскомъ языкѣ, новѣе чѣмъ у кого либо, въ статьяхъ Астафьева: Лѣтописи ассирійскихъ царей (Ж. М. Н. Пр. 1879 г. № 6 и 1880 г. № 1; также въ Вѣстн. Евр. 1881 г. № 5).

Вотъ какъ отличаетъ г. Астафьевъ ассирійскія лѣтописи отъ нашихъ:

«Лѣтописи эти никакъ нельзя сравнить съ нашими лѣто-

писанными сказаніями, расположенными въ строго-хронологическомъ порядкѣ и въ болѣе или менѣе связномъ изложеніи; отъ нихъ нельзя ожидать и полноты нашихъ лѣтописей: Это царскія лѣтописи, т. е. реляціи о подвигахъ ассирійскихъ царей, куда бытовая сторона входитъ только случайно въ той лишь мѣрѣ, въ какой дѣянія царей соприкасаются съ ней.

Лѣтописи ассирійскихъ царей наиболѣе извѣстны; но, конечно, таковыя были и въ древнемъ Египтѣ ¹⁾ и въ другихъ государствахъ древняго Востока. Кромѣ того вездѣ были преданія, записанныя въ храмахъ, которыя были въ полной зависимости отъ греческой мудрости и ея религіознаго характера. Отсюда брали матеріалы для своихъ трудовъ египетскій историкъ Манеонъ, ассиро-вавилонскій Берозъ, финикійскій Санхоніатонъ (впрочемъ, подлинность его не доказана), историки еврейскіе. Тоже самое было у зендовъ (уже въ зависимости непосредственно отъ ассирійскаго вліянія) и т. д. Всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія можно отыскать въ изданной г. Коршемъ Исторіи всеобщей литературы, въ монографіяхъ, посвященныхъ литературамъ отдѣльныхъ народовъ древности.

Профессоръ Паткановъ (въ изданіи Корша) указываетъ еще и на армянскихъ лѣтописцевъ, но они уже подражали греческимъ хронистамъ христіанскаго времени.

Долго держалось мнѣніе о древности и достовѣрности древней лѣтописи Китая; но извѣстный знатокъ китайской исторіи профессоръ Васильевъ (въ изданіи Корша) считаетъ рассказъ о древней лѣтописи Китая ложью. Позднѣе были историографы для записыванія дѣяній царя и его изреченій. Обрывки около VII в. до Р. Хр. вошли въ лѣтопись Чунь-цю, изданную Конфуціемъ (перев. Монастыревыхъ Спб. 1876 г.). Вообще же историческая литература Китая отличается отъ

¹⁾ Одну такую лѣтопись, относящуюся къ царствованію царя Манеона и состоящую изъ картинъ съ пояснительнымъ іероглифическимъ текстомъ вокругъ, въ которомъ говорится о нападеніи на Египетъ приморскихъ народовъ (сардинцевъ, сидонцевъ, ахейцовъ), перевелъ и издалъ немецкій ученый Лаугъ. Но это тоже не лѣтопись, а историческое сказаніе.

иныхъ древне восточныхъ только странными способами изложенія, наприѣръ біографіи лицъ излагаются въ іерархическомъ порядкѣ.

У индусовъ существовали исключительно родословныя исторіи

Все, приведенное выше, очевидно, не можетъ служить для разъясненія вопроса о происхожденіи лѣтописи.

Какъ мы увидимъ ниже, древне-еврейская историографія въ свое время имѣла нѣкоторое вліяніе на христіанскія лѣтописи, но она не обусловила собою ихъ происхожденія. У евреевъ, какъ и вездѣ, были писцы, обязанные записывать особенно важныя событія изъ народной жизни. Такіе писцы были, можетъ быть, сперва при Скиніи Завѣта (по мнѣнію Дороеа мученика, жившаго въ IV ст. ¹⁾). Конечно, какъ здѣсь, такъ и въ позднѣйшихъ храмахъ записывались преданія, вѣроятно, на основаніи генеалогическихъ источниковъ. Изъ такихъ записокъ составлялись позднѣе обычныя на Востоцѣ лѣтописи.

По еврейскимъ преданіямъ, не лишеннымъ основанія, писателемъ или издателемъ книги Судій былъ пророкъ Самуиль.

Такіе же писцы, но уже сановники при царскомъ дворѣ, обязаны были записывать важнѣйшія событія изъ государственной и придворной исторіи. Они существовали напр. при царѣ Соломонѣ (см. 3 кн. царствъ гл. 4, 3), также при царѣ Іезекиѣ (4 кн. царствъ гл. 18, 18 и 37 ²⁾), и при иныхъ царяхъ іудейскихъ, причѣмъ изъ контекста видно, что это были лица очень важныя.

Записи этихъ писцовъ по всей вѣроятности послужили матеріаломъ для составленія 1 и 2 книги царствъ. Еврейское преданіе приписываетъ ихъ составленіе пророку Самуилу; но опъ могъ быть авторомъ лишь первой книги, и то не всей. Событія же послѣ смерти Самуила описаны, по свидѣтельству 1-й книги Паралипоменаона, Наваномъ и Гадоомъ.

¹⁾ Впрочемъ его церковное списаніе признается нынѣ позднѣйшею поддѣлкою.

²⁾ Они переводятся на церковно-славянскій языкъ словомъ воспоминаый, воспоминагель и т. п.

Въ 3 и 4 книгѣ царствъ много разъ упоминаются лѣтописи царей іудейскихъ. Можно даже указать слѣды этихъ лѣтописей — такъ сказать буквальныя выдержки (напр. въ 3 кн. царствъ гл. 8, 8, въ 4 кн. ц. гл. 8, 22), — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда, по поводу разсказываемаго событія, дѣлается указаніе и на настоящее время, напр. «И отступи Едомъ изъ подъ руки Іудины до дне сего». Полагаютъ, что эти лѣтописи могли быть составлены однимъ лицомъ, жившимъ незадолго до вавилонскаго плѣна. Эти лѣтописи были источникомъ и для хроники или Паралипоменона, составленнаго, кажется, уже позднѣе, по возвращеніи изъ Вавилона.

Но и еврейскія лѣтописи были въ сущности лишь историческими сказаніями, поэтому и онѣ, подобно исчисленнымъ выше историческимъ сказаніямъ иныхъ народовъ древняго Востока, не могутъ рѣшить вопроса о происхожденіи лѣтописи въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Тѣмъ важнѣе для вопроса о происхожденіи лѣтописей открытіе такъ называемаго канона ассирійскихъ эпонимовъ (по ассирійски Лумму¹⁾), т. е. списка ежегодно смѣнявшихся чиновниковъ, по имени которыхъ и назывался годъ. При именахъ сдѣланы приписки о совершившихся въ этотъ годъ событіяхъ. Кажется, Берозъ пользовался и такими списками и слилъ ихъ со сказаніями, но сочиненіе его извѣстно лишь по небольшимъ отрывкамъ.

Съ большою достовѣрностью можно видѣть въ этихъ спискахъ начало лѣтописанія, такъ какъ совершенно аналогичныя явленія встрѣчаются и въ древней Греціи и Римѣ, гдѣ ассирійская культура могла вліять хоть и непосредственно, но черезъ вліяніе семитическихъ государствъ. Извѣстно, какое огромное вліяніе новѣйшіе историки приписываютъ финикіянамъ (и Картегену) не только на религію и бытъ грековъ, но даже на древне-римское государственное устройство.

Есть мнѣніе, что подобные списки были и у египтянъ и

¹⁾ Канонъ есть тоже у Menant'a, см. Астафьевъ.

оттуда заимствованы ассирианами. Это нѣсколько доказывается тѣмъ, что у египтянъ были списки правителей съ показаніемъ лѣтъ ихъ царствованія (ими пользовался Манеонъ) и времясчисленіе производилось по годамъ правленія царей. Но эти доказательства не настолько еще рѣшительны, чтобы искать въ египетской историографіи происхожденіе ассирійскаго канона эпонимовъ, который, такимъ образомъ, и остается пока первымъ памятникомъ лѣтописанія. Надо полагать, что подобныя ассирійскіе списки послужили образцомъ и для иныхъ народовъ древности, напр. для грековъ.

Древне греческая историографія тоже началась жреческими преданіями. У древнихъ грековъ исторія была скорѣе полупоэтическая, чѣмъ научная. Но въ то же время были и подобныя восточнымъ историческія сказанія — анаграфы, — о которыхъ Діонисій Галикарнаскій говоритъ слѣдующимъ образомъ: «Въ мѣстахъ священныхъ и въ мѣстахъ свѣтскихъ употреблялись древними греками разнаго рода анаграфы, которые принадлежатъ къ древнему времени и изъ которыхъ древніе историки почерпали свои свѣдѣнія». О подобныхъ анаграфахъ, бывшихъ еще до Ликурга, упоминаетъ, приводя многое изъ нихъ, и Плутархъ.

Но въ то же время у грековъ были и списки именъ, къ которымъ приписывались замѣтки о событіяхъ. Вѣроятно, раньше другихъ велись списки жрецовъ и жрицъ, составившіеся при храмахъ жрецами и жрицами, конечно, подъ влияніемъ знакомства съ восточною мудростью. У греческаго историка Гелланика былъ хронологическій списокъ жрицъ храма Геры въ мѣстечкѣ недалеко отъ Аргоса. Списокъ этотъ былъ веденъ особою жрицею, приписывавшею къ нему замѣтки объ аргосскихъ событіяхъ, связанныхъ съ именами этихъ жрицъ. Особенно рано при спискахъ жрецовъ и жрицъ начали отмѣчать высылку колонистовъ для основанія новыхъ колоній:

За списками жрецовъ явились и иные. Таеъ были списки спартанскихъ царей и эфоровъ, а въ другихъ государствахъ

списки сѣнявшихъ другъ друга представителей общины ¹⁾. Курціусъ относитъ ихъ къ половинѣ VIII вѣка. Къ тому же времени относятся и списки побѣдителей на олимпійскихъ играхъ и т. п.

Всѣ такіе списки являются важною опорой для хронологіи грековъ: Фукидидъ часто опредѣляетъ время именемъ жрицы или архонта.

Списки эти, дополненные извѣстіями изъ историческихъ сказаній и жреческой традиціи, и образовали греческія лѣтописи. Одна такая лѣтопись, составленная по самымъ древнимъ анаграфамъ и начертанная на мраморныхъ плитахъ, была найдена путешественникомъ Ле-Шевалье на островѣ Паросѣ. Она начинается съ царствованія Кекропса; здѣсь выставлены и годъ, и правитель, и мѣстность.

Лѣтописцевъ своихъ греки называли то горографами (лѣтописцами), то логографами. Трудно сказать, была ли между ними какая либо разница, но во всякомъ случаѣ не во времени, такъ какъ горографъ Харонъ, написавшій лѣтопись (*βρομ-ανнаles*) своего роднаго города Лампсака, повторяющую, какъ и труды всѣхъ горографовъ, жилъ уже послѣ знаменитѣйшаго логографа Гекатея Милетскаго. Фукидидъ называетъ логографами всѣхъ своихъ предшественниковъ. Логографъ Геллапикъ, о которомъ было говорено, современникъ уже Геродота, составилъ списокъ побѣдителей на музыкальныхъ и поэтическихъ состязаніяхъ въ Спартѣ, въ честь Аполлона Карпейскаго, и писалъ тоже о современныхъ ему событіяхъ, но, по словамъ Фукидида, сухо (и не вѣрно); значитъ, онъ именно былъ лѣтописецъ, горографъ. Можетъ быть логографами назывались лѣтописцы болѣе систематическіе, которые, хотя и придерживались хронологическаго порядка, но соединяли въ своихъ трудахъ исторію съ географіей (особенно съ этнографіей) За ними слѣдовалъ Геродотъ и другіе знаменитые историки, которые, и заслонили лѣтописъ.

¹⁾ У Гелланна были списки аттическихъ царей.

Краткія свѣдѣнія о началѣ греческой исторіографіи можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Курціуса *Исторія Греціи* (есть въ русскомъ переводѣ), равно какъ и въ указанномъ выше изданіи Корша. О логографахъ былъ особый мемуаръ Курціуса въ 1866; а на русскомъ языкѣ можно прочесть довольно обстоятельно у Дьячана: *Геродотъ и его музы* (Варшава 1877 г.).

Лучше разъясненъ ходъ лѣтописнаго дѣла у римлянъ, такъ какъ, благодаря извѣстному консерватизму римскаго народа, лѣтопись въ Римѣ отличалась гораздо большею устойчивостью, а позже приобрѣла тамъ важное значеніе.

Національная исторіографія въ Римѣ началась составлявшимися понтифексами календарями, въ которыхъ присоединялась ежегодная таблица (*liber annalis*), причѣмъ записывались имена ежегодно сѣвняющихся магистратовъ. Въ спискахъ этихъ (такъ называемыхъ *фастахъ*¹⁾) были приписки о ежегодныхъ выдающихся событіяхъ изъ государственной и общественной жизни Рима. Ученые видятъ таковыя приписки въ тѣхъ, очень короткихъ замѣткахъ о какомъ либо годѣ, которыя встрѣчаются у позднѣйшихъ историковъ, напр. у Тита Ливія (большею частью въ концѣ каждаго года) и касаются или освященія храмовъ, или установленія праздниковъ, или выбора диктатора съ какою либо цѣлью, или, наконецъ, какихъ либо случайныхъ событій, напр. паденія мачты въ циркѣ, уронившей при этомъ и статую. Изъ списковъ этихъ взяты и приводимые Т. Ливіемъ ежегодно имена консуловъ.

Списки сановниковъ — *libri magistratum*, какъ доказываетъ Моммзенъ, называются еще *libri lintei* — по матеріалу (льну), на которомъ онѣ были писаны. О нихъ нѣсколько разъ упоминается у Т. Ливія.

Веденіе этихъ списковъ могло начаться не только въ

¹⁾ Часть ихъ, такъ называемые Капитолійскіе фасты, были вырѣзаны на мраморѣ и выставлены Имп. Августомъ для общаго пользованія. Во время же республики они хранились въ храмѣ Юноны Монеты подъ надзоромъ особыхъ дуумвировъ; тамъ ихъ видѣлъ Цицеронъ.

первое время республики, т. е. когда магистратура приобрѣла выдающееся значеніе, но и раньше. Въ царскую эпоху, вмѣстѣ съ началомъ календаря, могли явиться списки какихъ либо жрецовъ въ родѣ эпонимовъ для годового счета (какъ въ Ассиріи), хотя тогда счетъ, конечно, шелъ и по годамъ правленія царей, почему потомъ и першелъ на консуловъ. Цицеронъ и другіе писатели относятъ начало списковъ именно къ началу римскаго государства.

Уже въ республиканскую эпоху изъ фастовъ, по мнѣнію ученыхъ, въ рукахъ понтифексовъ выросла лѣтопись—*Annales pontificum* или *Annales maximi*. Она отличалась краткостью, сухостью, полною официальностью относительно внесенныхъ событій. Великій понтифексъ выставлялъ ее, какъ и календарь, въ передней комнатѣ въ видѣ таблицы (сперва деревянной, окрашенной бѣлою краскою), на которой были написаны происшествія каждаго года.

Вотъ что говоритъ объ этихъ анналахъ Цицеронъ: *Erat enim historia nihil aliud, nisi annalium confectio cujus rei memoriaeque publicae retinendae causa ab initio rerum Romanorum... res omnes singularum annorum mandabat literis pontifex maximus efferenbatque in album et proponebat tabulam domi, potestas ut esset populo cognoscendi.*

Извѣстенъ еще сохранный Авломъ Гелліемъ отзывъ Катона о лѣтописи, которымъ начинались его Начала: неприятно повторять то, что читается на таблицѣ у великаго понтифика: когда хлѣбъ былъ дорогъ, когда свѣту луны или солнца помѣшало затменіе, или что либо другое.

Знакомый съ лѣтописями иныхъ европейскихъ народовъ, напр. съ русскими, уже изъ этихъ словъ легко можетъ заключить о сходствѣ ихъ съ римскими лѣтописями; но это сходство было еще полнѣе. Вотъ какими словами проф. Модестовъ характеризуетъ римскую лѣтопись (въ Исторіи римской литературы):

«Предметомъ лѣтописи были наиболѣе важныя событія: начало и исходъ войны, триумфы полководцевъ, заключеніе

союзныхъ договоровъ, а сверхъ этого и особенно поразительныя явленія природы, какъ то: затмѣніе солнца и луны, разныя небесныя знаменія, появленіе чудовищъ, слышаніе неизвѣстныхъ голосовъ, возвѣщавшихъ волю боговъ, далѣе — необыкновенная дороговизна съѣстныхъ припасовъ, появленіе повальной болѣзни, однимъ словомъ все — что свойственно всѣмъ древнимъ лѣтописямъ, не исключая и нашихъ».

Анналы эти не погибли всецѣло во время извѣстнаго галльскаго пожара¹⁾ и извѣстіе Т. Ливія — *litteræ in urbe sensa plegasque interiere* — говорятъ лишь о гибели многихъ, но не всѣхъ памятниковъ, и анналами воспользовались позднѣе многіе римскіе писатели.

Благодаря тому, что, какъ было сказано, въ лѣтописи заносились всякія, по мнѣнію римлянъ, сверхъестественныя явленія, или то, что у римлянъ называлось продігіи, — сохранился, такъ сказать, слѣдъ великихъ annalovъ, именно компиляція изъ нихъ — *De prodigiis*, сдѣланная, по всей вѣроятности, Юліемъ Обсеквентомъ, писателемъ едва-ли не христіанскимъ²⁾.

При большемъ развитіи римской общественной жизни (напр. въ эпоху 2-й пунической войны) лѣтопись становилась все полнѣе и полнѣе: въ нее могли вноситься цѣлыя оффиціальныя акты, напр. донесенія магистратовъ, рѣшенія коммицій, также некрологи и т. п. Все это имѣло оффиціальныя свойства, хотя иногда, какъ извѣстно, и въ ущербъ истинѣ. Въ то же время лѣтопись въ рукахъ жрецовъ пополнялась матеріаломъ изъ молитвъ, изъ жреческихъ преданій, вѣроятно, имѣвшихъ видъ отдѣльныхъ историческихъ сказаній, равно какъ и изъ преданій народнаго эпоса такого-же свойства, почему ихъ можно было вставить въ любое мѣсто лѣтописи. Жрецы

¹⁾ Замѣтимъ, что въ последнее время сомнѣваются даже въ самомъ этомъ пожарѣ.

²⁾ О Юліѣ Обсеквентѣ и о дополненіяхъ къ нему можно прочесть на русскомъ языкѣ у Ав. Попова: Обзоръ хронографовъ русской редакціи вып. 1-ый стр. 111.

изъ среды знатнѣйшихъ родовъ могли вносить въ нее, даже въ интересахъ самаго патриціата, преданія о своихъ предкахъ, заимствованныя изъ хроникъ и сказанія знатныхъ родовъ и изъ ихъ родословныхъ, изъ надгробныхъ рѣчей и похоронныхъ стиховъ (неній), изъ застольныхъ пѣсенъ и т. п. Въ результатъ въ Римѣ создавалась лѣтопись въ современномъ значеніи этого слова.

Въ 133 г. до Р. Хр. при pontifex'ѣ maximus'ѣ Муціѣ Сцевола великіе анналы были обработаны и изданы въ 80 книгахъ. Продолжались-ли они дальше, неизвѣстно. Но консульскіе фасты продолжались все время имперіи, даже при дворѣ христіанскихъ императоровъ до VI вѣка. Къ нимъ по прежнему могли дѣлаться присписки.

Хотя имѣются указанія лишь на оффиціальную лѣтопись, но нельзя отрицать существованія и иныхъ ея редакцій. Г. Модестовъ отрицаетъ обычное объясненіе annales maximі отъ pontifex maximus, и думаетъ, что названіе annales maximі предполагаетъ существованіе анналовъ и не главныхъ.

Почти навѣрное существовали семейныя хроники. Могли вестись въ первое время республики по образцу лѣтописей патриціанскихъ и лѣтописи плебеевъ въ ихъ храмахъ; кромѣ римскихъ могли быть лѣтописи иныхъ городовъ Лаціума; наконецъ могли быть и частныя лѣтописи, которыя велись любознательности ради лѣтописца. Т. Ливій говоритъ, что онъ не можетъ иногда разобрать, въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ консулы и въ какомъ году что случилось, такъ какъ источники его разногласятъ въ этомъ.

Лѣтописная форма такъ крѣпко укоренилась у римлянъ, что слова annales и historia (позднѣе и слово chronica) долго были равнозначительными (см. у Модестова passim), и первые извѣстные намъ римскіе историки, такъ называемые историки анналисты (напр. Фабій Пикторъ и др.), сохранили лѣтописную форму для своихъ исторій. Цицеронъ цитированное выше мѣсто продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: hunc similitudinem scribendi multo seculo sunt, qui sine ullis orna-

mentis monumenta solum temporum, hominum, locorum gestarumque rerum reliquerunt, и называетъ нѣсколько именъ. Лѣтописная форма изложенія была усвоена не только современниками Цицерона (Гортензіемъ, Аттикомъ), но и позднѣйшими и притомъ уже столь художественными писателями: Т. Ливіемъ и Тацитомъ. Она сохранилась даже у очень позднихъ писателей, напр. у Амміана Марцеллина, такъ что римскія сочиненія—хроники доходятъ до конца существованія римскаго государства и переживаютъ паденіе римской государственной религіи¹⁾. Позднѣе счетъ годовъ отъ основанія Рима и обозначеніе ихъ именами консуловъ встрѣчается даже у христіанскихъ историковъ западныхъ и византійскихъ, напр. у Проспера Аквитанскаго, у Кассиодора, или въ такъ называемой Пасхальной хроникѣ.

На русскомъ языкѣ о римской анналистикѣ можно прочесть въ переводѣ Римской исторіи Моммзена, также въ сочиненіяхъ Модестова: Римская письменность въ эпоху царей (въ нѣмецкомъ переводѣ этого сочиненія вопросъ объ анналахъ изложенъ еще обстоятельнѣе) и Исторія римской литературы, а особенно въ сочиненіи В. Пирогова: Изслѣдованія по римской исторіи преимущественно въ области 3-й декады Ливія 1878 г. Въ иностранной литературѣ кромѣ Моммзена очень важны еще: Викторъ Лезлеръ мемуаръ объ анализахъ, Ниссенъ объ источникахъ Ливія въ 4 и 5 декадахъ, Nitzsch—Die Römische Annalistik 1873 г. и Peter Historium romanorum reliquæ 1870 и Zür Kritik der Quellen der älteren römischen Geschichte 1879.

Принятіе христіанства отразилось на современной историографіи, главнымъ образомъ, усвоеніемъ Священнаго Писанія, поэтому историческія сочиненія христіанскихъ писателей, какъ западныхъ, такъ и византійскихъ, очень часто начинаются

¹⁾ Впрочемъ, были попытки отдѣлаться отъ лѣтописной формы довольно рано, напр. Семпроній Азеллионъ, жившій еще до Цицерона, требовалъ для исторіи прагматической обработки.

исторіей Вѣтхаго Завѣта, къ которой примыкаетъ уже исторія времени, спеціально описываемаго авторомъ. Такова напр. Исторія временъ отъ начала міра и до никейскаго собора (извѣстная болѣе подъ именемъ Хроника), написанная Евсевіемъ Памфиломъ, извѣстнымъ церковнымъ писателемъ начала IV вѣка, а также и многія болѣе позднія историческія средневѣковыя сочиненія.

Но историческій матеріалъ въ своихъ сочиненіяхъ христіанскіе историки по прежнему располагали по спискамъ магистратовъ (консуловъ, можетъ быть префектовъ города Рима), а потомъ по сдѣланнымъ по образцу языческихъ списковъ таблицамъ различныхъ духовныхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ (вѣроятно важнѣйшихъ) церквяхъ велись записки, въ которыхъ (болѣе или менѣе кратко или подробно) намѣчались церковныя событія по преемствамъ епископовъ, т. е. въ нихъ въ преемственной связи указывалось время вступленія въ должность каждаго епископа, отмѣчались наиболѣе важныя событія, падавшія на то или другое епископство, напр. возникновеніе извѣстныхъ ересей, появленіе наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, соборы и пр. Эти частныя лѣтописи современемъ были объединяемы въ болѣе общія церковныя лѣтописи.

По всей вѣроятности, первая (хотя можетъ быть и не особенно полная) общая церковная лѣтопись была составлена историкомъ Юлемъ Африканомъ, жившимъ въ половинѣ III в. ¹⁾, о которомъ свѣдѣній почти не сохранилось. Любопытно, что въ хроникѣ Юлія Африкана счетъ шелъ по олимпиадамъ, такъ что христіанская церковная историографія какъ бы примыкаетъ къ греческой географіи ²⁾. Хроника Юлія Африкана легла

¹⁾ Хотя и упоминается церковный историкъ Егевийъ, жившій еще во II вѣкѣ, но его Воспоминанія мало извѣстны, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Иные историки приписываютъ имъ апологическій характеръ, другіе считаютъ ихъ путешествіями и т. п.

²⁾ Сочиненіями греческихъ писателей, считавшихъ по олимпиадамъ пользовались Евсевій, авторъ Chronicon Paschale и еще нѣкотор. византійскіе историки.

въ основаніе знаменитой церковной исторіи Евсевія, который ее распростанилъ и дополнилъ свѣдѣніями относительно своего времени.

Кромѣ этой исторіи Евсевій составилъ названную выше Хронику, гдѣ есть пѣлая часть, извѣстная подѣ именемъ хронологическихъ каноновъ, въ которой содержатся сравнительныя хронологическія таблицы разныхъ царствъ съ отмѣтками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій. Въ этихъ отмѣткахъ сообщаются свѣдѣнія о греческихъ богахъ и герояхъ, о построеніи городовъ, о философахъ, поэтахъ, и вообще обо всемъ наиболѣе, по мнѣнію автора, достопримѣчательномъ. Хроника эта была продолжаема Іеронимомъ Блаженнымъ и др. писателями, а исторія церкви сперва историками Сократомъ и Созоменомъ, а позднѣе (въ полов. V вѣка), помимо ихъ, Θεодоритомъ, епископомъ Кирскимъ. Вообще церковныя христіанскіе историки постоянно брали себѣ за образецъ Евсевія и Іеронима; хотя существовали и инныя подобныя хроники, напр. Иполита изъ Порто (въ полов. III в.), которая легла въ основаніе такъ называемаго Хронографа 354 г., ее продолжающаго, и Фредегарія. Впрочемъ, многіе болѣе образованные христіанскіе писатели, какъ напр. самъ Іеронимъ Блаженный подражали и классическимъ писателямъ, напр. Светонію.

Свѣдѣнія о древнихъ христіанскихъ лѣтописцахъ собраны въ соч. Ad. Ebert'a *Geschichte der Christlich lateinischen Literatur* T. I. 1874, Mommsen'a *Ueber den Chronographen vom Jahre 354* и Wattenbach'a *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*; а на русскомъ языкѣ о древней христіанской хронографіи есть замѣчанія въ сочиненіи Розанова Евсевій Памфилъ и особенно въ рецензіи на это сочиненіе Муретова въ *Правосл. Обзор.* 1881 г. № 12.

Хотя западно-европейскіе народы утвердились на римской почвѣ и рано познакомились съ римской цивилизаціей, а слѣдовательно и съ римской исторической литературой, по средне-вѣковыя монастырскія лѣтописи, тоже называемыя анналами, не смотря даже на сходство въ формѣ съ римскими анналами,

все-таки, по общепринятому мнѣнію, имѣютъ иное происхожденіе. Они возникли въ самыхъ монастыряхъ и произошли изъ замѣтокъ на такъ наз. пасхальныхъ таблицахъ.

Какъ извѣстно, праздникъ Пасхи переходный. По окончательномъ опредѣленіи времени его празднованія на первомъ никейскомъ вселенскомъ соборѣ, являлась надобность въ заблаговременномъ опредѣленіи дня Пасхи на послѣдующіе годы; вычисляшіе составляли готовые таблицы съ датами; эти таблицы и назывались пасхальными. Такими вычислениями занимались многіе христіанскіе писатели IV и V вв., преимущественно александрійскіе, напр. еп. Теофилъ, архіеп. Кириллъ и др. Извѣстнѣе другихъ таблицы, составленныя монахомъ Діонисіемъ Малымъ (556 г.), по образцу александрійскихъ, и пазывающіяся *Tabulis paschalis*. Позднѣе составленіемъ пасхальныхъ таблицъ занимались многіе западно-европейскіе монахи, особенно Беда Достопочтенный († 735; знаменитый англо-саксонскій историкъ¹⁾). Таблицы Діонисія, Беды и др. распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы, гдѣ о празднованіи дня Пасхи бывали тоже большіе споры, напр. между англосаксонскими и ирландскими миссіонерами.

На пасхальныхъ таблицахъ, кромѣ ряда пасхальныхъ строчекъ, по краямъ оставались свободныя мѣста, на которыхъ и приписывались замѣтки о почему либо интересовавшихъ составителя событіяхъ. Кажется, такія замѣтки раньше всего дѣлались англосаксонскими миссіонерами, такъ какъ въ самыхъ раннихъ записяхъ являются извѣстія о смерти англо-саксонскихъ королей. Изъ этихъ записей съ теченіемъ времени и развилось въ монастыряхъ стройное лѣтописное повѣствованіе.

Такимъ образомъ происхожденіе средневѣковыхъ анналовъ весьма напоминаетъ происхожденіе лѣтописей у древнихъ народовъ. Случился своего рода атавизмъ.

Всякій монастырь или церковь старались имѣть пасхаль-

¹⁾ См. Сухомяновъ, О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, стр. 35; тамъ и литература этого вопроса.

ную таблицу. Доставши экземпляръ таковой, ее переписывали, а вмѣстѣ съ тѣмъ переписывали и замѣтки, прибавляя иногда что нибудь свое. Извѣстія эти были первоначально очень кратки, напр. записано имя города и имя короля, что обозначаетъ, что въ этомъ году король встрѣчалъ Пасху въ этомъ городѣ. Но любовь къ историческимъ занятіямъ, особливо если рѣчь идетъ объ исторіи своей родины, и монастырскій досугъ, обуславливали несравненно большую полноту записей, для которыхъ пришлось употреблять уже цѣлыя тетради, особенно когда въ нихъ стали заноситься историческія сказанія или народныя преданія.

Западно-европейскія анналы собраны Пертцомъ въ Monumenta Germaniæ Historica. Scriptorum. Самыя раннія изъ нихъ начинаются концомъ VII или началомъ VIII в., т. е. временемъ, когда пріобрѣтаетъ важное значеніе фамилія Карловинговъ. Такъ annales Sancti Amandi начинаются съ 687 г. (съ битвы при Тестри), тоже и ann. Laubacenses и Petavianes. Съ 687 г. начинаются и ann. Laurissenses minores и Mettenses. С. Галленскія начинаются съ 691 г. и т. д.

Хотя въ изданіи Пертца есть анналы, начинающіяся раньше, напр. ann. Iuvavenses maiores—съ 550 г. (De hoc pascha Victor Caruanus scripsit), или ann. Salisburgenses — съ 449; но въ первыхъ до 687 г. записано всего 7 лѣтъ, а во вторыхъ 8, и въ полномъ безпорядкѣ. Chronicon moissiacense начинается даже съ IV в., но рассказъ составленъ не въ лѣтописномъ порядкѣ, а по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; впрочемъ годы кое-гдѣ отмѣчаются, иногда даже ab urbe condita, лѣтопись же начинается съ 710 года.

Хроника аббата Регино начинается даже съ Рождества Христова и идетъ погодно, хотя съ большими пропусками. Но это уже выборка изъ различныхъ сочиненій, какъ и предыдущая хроника. Притомъ аббатъ Регино — одинъ изъ позднѣйшихъ анналистовъ (IX—X в.).

Развитіемъ изъ пасхальныхъ таблицъ объясняется происхожденіе лишь болѣе раннихъ анналовъ (VII—IX в.). Да и

то на лучшихъ средневѣковыхъ лѣтописцахъ, знакомыхъ съ римскою литературой, отразилось ея вліяніе: они даже подражали древнимъ, какъ напр. Эгингардъ (VIII—IX в.) — Светонію; Луитпрандъ (X в.) даже былъ очень хорошо классически образованъ. Конечно, труды такихъ лѣтописцевъ далеко оставляютъ за собою монастырскія анналы.

На сѣвѣрѣ форма анналовъ сохранилась довольно долго, особенно у англо-саксовъ.

Подъ вліяніемъ западно-европейской средневѣковой анналистики сложилась и лѣтописная дѣятельность у западныхъ славянъ; такъ лѣтописаніе въ Польшѣ Войцеховскій (см. ниже) выводитъ отъ франконской лѣтописи. Польскія лѣтописи находятся въ изданіи Августа Бѣлевскаго *Monumenta historica Poloniae vetustissima*. Чешскія лѣтописи, изъ которыхъ древнѣйшая Козьмы Пражскаго, относятся къ XII вѣку и собраны Палацкимъ въ изданіи *Starí letopisové čeští (Scriptores rerum bohemicarum т. III)*.

По отношенію къ древне русскому лѣтописанію вопросъ о вліяніи на него, какъ западно-европейскихъ, такъ и западно-славянскихъ лѣтописей, можно сказать, даже и не затронуть современной наукой. А онъ не лишень важности, особенно для вопроса о происхожденіи русскихъ лѣтописей (см. ниже). Любопытно, что древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали извѣстія изъ русскихъ лѣтописей. Извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ. Мы не говоримъ пока о вліяніи, начиная съ XV вѣка, польской историографіи на русскую историографію, замѣтномъ и на русскихъ лѣтописяхъ, такъ какъ это совершенно иной вопросъ.

Западно-европейскія анналы, какъ и наши лѣтописи, страдаютъ большою запутанностью въ хронологіи. Во первыхъ извѣстія о многихъ событіяхъ могли быть внесены прямо по памяти, особенно если въ веденіи анналовъ въ монастырѣ почему либо случился перерывъ, напр. монастырь могъ запустѣть, а потомъ опять былъ обновленъ какимъ нибудь ревнителемъ

церкви; это напр. случилось съ Гильдесгеймскимъ аббатствомъ, что отразилось и на гильдесгеймскихъ анналахъ, гдѣ записи цѣлыхъ 70 лѣтъ—время запустѣнія монастыря—внесены прямо изъ майнцскихъ. Едва-ли не главная причина такой путаницы, также какъ и у насъ (см. ниже), заключается въ разверсткѣ событій по годамъ. Напримѣръ иногда при запискѣ событій, такъ какъ пустаго мѣста противъ каждой пасхальной строчки оставалось мало и строчки поставлены были тѣсно (по дороговизнѣ пергамента), анналистъ продолжалъ эту запись и подъ слѣдующимъ годомъ. Если съ такой таблицы дѣлались списки, то переписчики могли записанное событiе занести по своему усмотрѣнiю подъ любой годъ. Отъ этого одно и тоже событiе въ разныхъ анналахъ является подъ различными годами. Послѣдующiй анналистъ, если онъ напр. пользовался нѣсколькими лѣтописями, могъ увидѣть тутъ два событiя и т. п. Или анналистъ могъ разсказъ объ одномъ событiи (особенно если имѣлъ подъ руками обширное сказанiе) распредѣлить подъ нѣсколькими годами.

Сухомлиновъ (Древняя лѣтопись) приводитъ хотя и позднiй, но очень рельефный примѣръ такого распредѣленiя изъ списка XIV в. хроникъ Козьмы Пражскаго. Перiодъ, заключающiй въ себѣ извѣстiе о событiи одного года, разбитъ на 6 частей, помѣщенныхъ подъ 6-ю годами. Козьма Пражскiй говоритъ, что у Болеслава Чешскаго родился сынъ того-же имени, но вовсе не похожiй на отца; противоположность между ними онъ выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненiй, а именно: *De rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fraticida prodit christocola, de lupo agnus, de tyranno modestus, — de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus.*

Въ списокѣ же пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno Dominicæ incarnationes 952. de rubo uva, de spinis rosa.

A. D. i 953. de tribulis ficus gignitur generosa.

A. D. i 954. videlicet de fraticida prodit christocola.

A. D. i 955. de lupo agnus.

A. D. i 956. de tyranno modestus.

A. D. i 957. de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus.

Какъ и наши лѣтописи, средневѣковныя анналы были не безызвѣстны правительству; нѣкоторые изъ монастырей пользовались особенною благосклонностью своихъ сеньоровъ, и потому могли точнѣе другихъ знать о событіяхъ своего времени; но, можетъ быть, это окрашивало приводимое событіе извѣстною тенденціозною окраскою; хотя трудно допустить, чтобы въ силу этого анналы становились вполне оффиціальными. Хроника маленькихъ и отдаленныхъ монастырей, хоть были и безпристрастнѣе, но за то страдали недостаткомъ извѣстій.

Съ средневѣковою западно-европейскою анналистикой на русскомъ языкѣ можно познакомиться по извѣстной христоматіи Стасюловича — *Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ*, а на нѣмецкомъ по предисловіямъ къ отдѣльнымъ анналамъ у Пертца, по Ваттенбаху *Deutschland's Geschichts Quellen im Mittelalter* и по извѣстному сочиненію Гизебрехта *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. Библиографію лѣтописей западно-славянскихъ можно найти въ сочиненіи Спасовича и Пыпина *Исторія славянскихъ литературъ т. II*; причѣмъ какъ наилучшее сочиненіе по древней польской историографіи Спасовичъ указываетъ Zeissberg *Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters* 1873 г. О краткихъ польскихъ лѣтописныхъ замѣткахъ (rocznikach), начиная съ X в., издалъ обширное изслѣдованіе О. Войцеховскій въ трудахъ Краковской Академіи наукъ т. IV (Рецензія Макушева въ *Ж. М. Н. Пр.* 1881 г. № 5). Обзоръ чешскихъ лѣтописей сдѣлано Палацкимъ въ сочиненіи *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber* 1830 г.

Обращаясь къ историографіи греко-византійской, мы находимъ, что многія сочиненія византійскихъ историковъ, напр. хроника Георгія Синкелла (около 800 г.) и продолжателя его

Θεοφана, отчасти даже хроника Кедрина (XI в.) очень похожи на анналы; такъ что и ихъ можно-бы производить отъ пасхальныхъ таблицъ и церковныхъ лѣтописей¹⁾. Но трудно допустить въ Византіи, гдѣ отнюдь не было паденія всякихъ умственныхъ интересовъ и гдѣ уже въ VI вѣкѣ были систематическія историческія сочиненія (напр. Прокопія), такое паденіе историческаго искусства, какъ это могло случиться на Западѣ. Какимъ образомъ могли настолько забыться знаменитыя греческія и римскія сочиненія, чтобы грекамъ пришлось опять дѣлать первые шаги въ историографіи? Это тѣмъ болѣе невозможно допустить, что греческіе хронисты всегда имѣютъ передъ собою лучшіе образцы: они постоянно ссылаются на приводимыхъ ими классическихъ авторовъ. Въ греческихъ хроникахъ скорѣе можно видѣть лишь нѣкоторое, сравнительно съ прежнимъ; пониженіе историческаго искусства при сохраненіи прежней формы; тѣмъ болѣе, что лучшіе хронисты соблюдаютъ, собственно говоря, порядокъ времени, а не порядокъ годовъ. «Они, говоритъ Голубинскій (Ист. церкви I), не ставятъ хронологіи и неупустительной хронологической послѣдовательности на первый планъ и не подчиняются ей съ безусловною обязательностью; не связывая себя въ порядкѣ изложенія неизмѣнною послѣдовательностью годовъ, они соблюдаютъ только порядокъ царствованій. Они описываютъ въ хронологическомъ порядкѣ одно за другимъ правленія государей, но въ изложеніи событій каждаго правленія, то соблюдаютъ, то нарушаютъ этотъ порядокъ, какъ этого требуетъ удобство изложенія, и вообще не вмѣняютъ его себѣ въ непрѣмную обязанность». Такая система соблюдается очень долго, напр. у Нивиты Акмината (Хоніата).

Но нельзя отрицать, что и въ Византіи какой нибудь малообразованный монахъ могъ приспособлять записываемыя имъ извѣстія въ пасхальнымъ таблицамъ, составляя такимъ

¹⁾ Синкеллъ несомнѣнно пользовался хроникой Юлія Африкана.

образомъ пасхальную хронику, т. е. что и здѣсь былъ нѣкотораго рода атаквизмъ. Могло даже случиться, что извѣстія, записанныя такимъ лѣтописцемъ, доставались образованному хронисту и вносились имъ въ свой трудъ, нося слѣды своего происхожденія.

Большая часть византийскихъ историческихъ писателей помѣщена въ изданіи *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*; послѣднее Боннское изданіе 1825—1845 г. На русскій языкъ переведены многіе историкъ, см. Вестужевъ-Рюминъ Русск. ист. т. I. Введеніе стр. 169—171 и примѣчанія. Русскихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ византийскихъ историкахъ есть очень мало (см. Вестужевъ-Рюминъ тамъ-же).

Мы ограничиваемся здѣсь относительно византийскихъ хронистовъ лишь нѣсколькими словами, потому что намъ придется говорить о нихъ еще разъ по поводу вліянія ихъ на русское лѣтописаніе.

Полагають, что съ нѣкоторыми изъ византийскихъ историковъ познакомились русскіе лѣтописцы по южно-славянскимъ переводамъ. Въ Болгаріи уже въ IX—X в. существовали переводы именно тѣхъ хроникъ, которыя извѣстны были составителю древней русской лѣтописи, напр. хроники Малала (перев. пресвитера Григорія), Аматтола, лѣтописца Никифора патр. царградскаго, о которыхъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Можно допускать, что несомнѣнно существовавшія болгарскія лѣтописи тоже могли вліять на русскія лѣтописи, но до сихъ поръ почти не удалось открыть ихъ остатковъ.

Единственный, но весьма замѣчательный, остатокъ древней болгарской лѣтописи сохранился въ хронографѣ XV вѣка, назыв. Еллинскимъ лѣтописцемъ, и напечатанъ Ал. Поповымъ (Обз. хр. I, 25). Онъ заключаетъ хронологическій перечень болгарскихъ царей съ древнѣйшаго времени до 2-й половины VIII вѣка. Толкованіе его представляетъ большую трудность.

Отъ времени втораго болгарскаго царства слѣдовъ болгарскихъ лѣтописей сохранилось больше.

Лѣтописи сербскія и хорватскія, уже сложившіяся въ зависимости отъ византійской исторографіи, кажется, не оказали на русскія лѣтописи никакого вліянія, исключая развѣ сербскаго Родослова и нѣкоторыхъ хронографовъ сербской редакціи; но о нихъ скажемъ тогда, когда будемъ говорить о Степенной книгѣ и о хронографахъ.

О южно-славянскихъ лѣтописяхъ и хронографахъ на русскомъ языкѣ можно найти обстоятельныя свѣдѣнія у Пыпина *Ист. слав. лит. т. I*¹⁾ и у Ягича *Ист. сербо-хорватской литературы* (перев. Казань 1871 г.²⁾), а о хорватскихъ особенно въ статьѣ В. Каченовскаго *Хорватскія лѣтописи* (*Ж. М. Н. Пр.* 1881 г.; здѣсь и библиографія вопроса). Свѣдѣнія о южно-славянскихъ лѣтописяхъ и хронографахъ сообщены и Шафарикомъ въ *Geschichte der Süd-slavische Literatur*. Многія изъ лѣтописей напечатаны Шафарикомъ въ *Ramátky dĕ. písmn. juho-slovanův* 1851 г.

Еще менѣе важны для вопроса о русскихъ лѣтописяхъ лѣтописи румынскія; хотя онѣ сложились подъ вліяніемъ Византіи, а можетъ быть даже Болгаріи (мнѣніе В. И. Григоровича), но происхожденія онѣ уже поздняго.

Румынскія лѣтописи изданы Когольничано; библиографія же ихъ есть въ статьѣ о путешествіяхъ румынскихъ ученыхъ въ *Ж. М. Н. Пр.* 1880 г. № 8.

Послѣ этого бѣглаго обзора лѣтописанія вообще мы переходимъ къ спеціально интересующему насъ въ настоящее время русскому лѣтописанію. Но раньше, чѣмъ говорить о происхожденіи русскихъ лѣтописей, необходимо остановиться еще на библиографіи лѣтописнаго вопроса.

¹⁾ Здѣсь и библиографія всѣхъ южно-славянскихъ лѣтописей; на стр. 90 собраны всѣ указанія о древнихъ болгарскихъ лѣтописяхъ.

²⁾ Ему же принадлежитъ много статей о лѣтописяхъ въ издаваемомъ имъ *Archiv für slavische Philologie*. Напр. *Ein Beitrag zur Serbische Appalistik* (*Arch.* II).

Библиографія русскихъ лѣтописей.

Я укажу здѣсь лишь на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія и притомъ очень кратко, такъ какъ то, что въ этихъ сочиненіяхъ особенно важно, должно найти себѣ мѣсто далѣе въ систематическомъ обзорѣни лѣтописей. Замѣтимъ еще, что, вообще говоря, интереснѣе сочиненія новыя, такъ какъ авторы ихъ могли пользоваться и новыми источниками и болѣе полною литературою предмета, почему и библиографическая сторона въ нихъ полнѣе. Исключеніе, по вопросу о лѣтописяхъ, составляетъ лишь знаменитое сочиненіе прошлаго вѣка: Несторъ—Шлецера, безъ котораго невозможно обойтись и въ настоящее время.

Мы не указываемъ здѣсь библиографіи лѣтописей западно-русскихъ и южно-русскихъ позднихъ (временъ казачества): она не велика и мы скажемъ о ней при систематическомъ обзорѣни этихъ лѣтописей.

Болѣе полную библиографію лѣтописей можно найти у Вестужева-Рюмина Русская Исторія т. I. Введеніе стр. 18, прим. I, приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ — до 1872 г.; дополнить ее можно нѣкоторыми библиографическими указаніями изъ предисловія къ первому выпуску Сводной лѣтописи изд. Лейбовичемъ въ 1876 г. стр. XXXIV—XXXIX (но въ порядкѣ). Впрочемъ ни у Вестужева-Рюмина, ни у Лейбовича нѣтъ оцѣнки сочиненій.

Недурная оцѣнка нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сочиненій о лѣтописяхъ есть въ сочиненіи Сухомлинова Древняя лѣтопись, какъ памятникъ литературный. Но оно вышло еще въ 1857 г., а многіе важные труды о лѣтописи вышли позднѣе.

Вопросъ о лѣтописяхъ давно уже занималъ нашихъ историковъ, но изъ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ ему историками XVIII в., нынѣ важно только одно: Авг. Л. Шлецера Несторъ, вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ въ 1803—1809 г. въ 5 томахъ, а въ русскомъ переводѣ Д. Языкова въ 1809—1819 г. въ 3 томахъ.

Бстати скажемъ, что въ I томѣ (русскій переводъ), Вступленіе, отдѣлъ V, въ главѣ, посвященной исторіи русской исторіи, сдѣланъ очеркъ исторіи изученія русскихъ лѣтописей до выхода сочиненія Шлецера о Несторѣ съ строгой оцѣнкой всѣхъ предыдущихъ трудовъ, впрочемъ крайне элементарныхъ. Здѣсь же пунать 3-й посвященъ самому Шлецеру и рассказано, какъ готовился его капитальный трудъ о Несторѣ, какіе были предыдущіе труды Шлецера по лѣтописямъ и т. д. Занимался Шлецеръ лѣтописями 40 лѣтъ.

Сочиненіе Шлецера можетъ быть раздѣлено на двѣ части. Въ первой заключается обзорѣніе лѣтописнаго вопроса во всемъ его объемѣ; слѣдовательно, оно важно для всякаго изслѣдователя, какою бы стороною вопроса онъ ни занимался. Такъ въ I т. въ Предувѣдомленіи указаны списки лѣтописи (см. еще II, 146) и описанъ характеръ работы Шлецера по возстановленію текста древней русской лѣтописи; въ Вступленіи вкратцѣ рассказана исторія Кіево-Печерскаго монастыря, сведены извѣстія о Пр. Несторѣ лѣтописцѣ и его сочиненіяхъ, о его продолжателяхъ, о лѣтописныхъ сборникахъ и лѣтописяхъ позднѣйшихъ; сдѣлано небольшое сопоставленіе извѣстій Нестора съ извѣстіями западныхъ лѣтописцевъ, касающихся исторіи сѣверо-восточныхъ европейскихъ народовъ, съ цѣлью указать на преимущества русской лѣтописи; примѣнены правила малой исторической хроники къ русскимъ лѣтописямъ (см. еще II, 224—231); указаны иные источники русской исторіи, кромѣ современниковъ, и, наконецъ, сдѣланъ очеркъ исторіи русской исторіи, о которомъ сказано выше. Вся эта часть занимаетъ въ русскомъ переводѣ I т. стр. I—XII и а—рое.

Отнесемъ сюда же и прибавленіе (I, 359 — 433), гдѣ приводятся примѣры обработки русской исторіи иностранными и русскими учеными, главнымъ образомъ съ цѣлью показать ихъ нецѣлостность, и, какъ слѣдствіе этого, указать на необходимость заняться Несторомъ, и даны правила, какъ съ нимъ обращаться: необходимо имѣть такое критическое изданіе Нестора, гдѣ бы онъ былъ изданъ отдѣльно отъ всякихъ вставокъ.

Особнякомъ стоятъ въ сочиненіи Шлецера нѣсколько обзоровъ извѣстныхъ періодовъ русской исторіи, впрочемъ въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, напр. во II т., стр. 145—193.

Вторую часть сочиненія Шлецера составляетъ древній русскій временникъ, авторство котораго было приписываемо Пр. Нестору, переведенный и объясненный Шлецеромъ. Методъ Шлецера таковъ: онъ беретъ изъ этой лѣтописи послѣдовательно по нѣсколько строчекъ, сличаетъ ихъ по всѣмъ имѣвшимся у него спискамъ, причемъ большею частью за основной текстъ принять такъ называемый Радзивиловскій списокъ древней лѣтописи (особенно отъ Святослава), сводитъ варианты и составляетъ одно, по его мнѣнію, правильное чтеніе — уже по русски. Кое гдѣ, напр. при переводѣ договоровъ русскихъ съ греками, находящихся въ этой лѣтописи, Шлецеромъ приведены переводы договоровъ, сдѣланные и предыдущими историками. Когда варианты далеко расходятся, Шлецеръ приводитъ нѣсколько и чтеній.

Затѣмъ слѣдуютъ комментаріи на объясняемое мѣсто, взятые изъ всевозможныхъ источниковъ. Обиліе ихъ и общепризнанная добросовѣстность Шлецера въ приведеніи источниковъ дѣлаютъ эту сторону труда его и донынѣ весьма цѣнною. Иныя объясненія Шлецера разрастаются въ цѣлыя монографіи, напр. о варягахъ, о деньгахъ въ древней Руси, о венграхъ, о Кириллѣ и Меѳодіѣ, о принятіи Ольгою христіанства и т. п. Съ предшественниками своими Шлецеръ постоянно полемизируетъ и иногда очень рѣзко.

То, что кажется Шлецеру не принадлежащимъ къ составу лѣтописи Нестора, а внесеннымъ въ нее поздыѣе, онъ такъ и означаетъ вставкою.

Такъ, слово за словомъ, изъяснены лѣтописныя извѣстія въ I т. до пришествія Рюрика (862 г.), во II — до смерти Олега и въ III — до смерти Ярополка, чѣмъ сводъ и оканчивается.

Послѣ Шлецера нескоро опять явились серіозныя труды по лѣтописному вопросу; интересны лишь отдѣльныя замѣчанія

по различнымъ вопросамъ, разбросанныя по исторіи Н. М. Карамзина, который и самъ открылъ, и впервые воспользовался массою лѣтописныхъ списковъ. Но замѣчанія Карамзина слишкомъ кратки и представляютъ лишь догадки автора, иногда очень мѣткія (напр. по вопросу, гдѣ и когда записано извѣстное лѣтописное свидѣтельство), но большею частью не сопровождающіяся доказательствами.

Важнѣе двѣ статьи П. М. Строева; первая—Предисловіе къ I т. изданнаго Строевымъ въ 1820 г. Софійскаго временника, гдѣ трактуется вопросъ о составѣ лѣтописей и въ первый разъ высказана мысль, что лѣтописи суть сборники; и вторая—О византійскихъ источникахъ Нестора (Труды Общ. Ист. и Др. т. IV кн. I, 1828 г.), гдѣ и указаны эти источники. Теперь обѣ статьи уже устарѣли.

Во время дѣятельности такъ называемой скептической школы въ русской исторіографіи написано было нѣсколько статей и о недостоверности нашей древней лѣтописи М. Т. Каченовскимъ и С. М. Строевымъ; но теперь эти статьи тоже потеряли всякую цѣну. Даже если что либо и было въ нихъ вѣрнаго, напр. предположеніе о существованіи раннихъ монастырскихъ замѣтокъ, то все это было поставлено очень элементарно. Труды историковъ скептической школы важны лишь вообще, какъ заявленіе необходимости приѣненія въ русской исторіографіи научныхъ методовъ, въ то время уже практикуемыхъ западно-европейскими учеными.

Статьи, написанныя въ духъ скептической школы, можно отыскать по указаніямъ Бестужева-Рюмина (см. выше) или Лейбовича (см. въ его списокѣ № № 35, 36, 41 и 33), также у Погодина: Исслѣдованія, замѣтки и лекціи т. I стр. 333—446, гдѣ содержаніе ихъ изложено очень обстоятельно.

Въ защиту древности лѣтописи, оспариваемой скептиками, очень много писалъ извѣстный ученый М. П. Погодинъ; но ранніе труды его (см. Лейбовичъ № 16, 32 и 26) уже не представляютъ важности, такъ какъ всѣ результаты своихъ работъ Погодинъ свелъ въ такъ называемыхъ Исслѣдованіяхъ,

замѣчаніяхъ и лекціяхъ изд. 1846—1859 г. въ VII томахъ. Лѣтописямъ посвященъ весь I т.—объ источникахъ древней исторіи, преимущественно о Несторѣ. Здѣсь сперва (гл. I) доказывається достовѣрность русской исторіи независимо отъ лѣтописей, потомъ (II и III гл.) авторъ разбираетъ, гдѣ и когда началась лѣтопись, причеъ очень обстоятельно указываетъ слѣды того, что извѣстія заносились въ лѣтопись очевидцами, чѣмъ опровергается мнѣніе скептиковъ. Въ III гл. Погодинъ такъ же обстоятельно доказываетъ, что лѣтописцемъ древнѣйшей лѣтописи былъ Преп. Несторъ. Аргументами Погодина впоследствии пользовались и другіе приверженцы этого мнѣнія. Затѣмъ въ гл. IV онъ доказываетъ, вопреки Шлецеру, что лѣтопись Нестора дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, отнюдь не испорченная, какъ думалъ Шлецеръ, переписчиками и продолжателями, и V глава посвящена вопросу объ источникахъ Несторовой лѣтописи; но эта глава уже устарѣла, такъ какъ вопросъ объ источникахъ въ ней трактуется вообще, безъ точнаго историческаго ихъ анализа. Заимѣтимъ, что мнѣніе о болѣе раннихъ (монастырскихъ и иныхъ) запискахъ Погодинъ принимаетъ; онъ допускаетъ даже и существованіе болѣе древнихъ, чѣмъ Пр. Несторъ, лѣтописцевъ,—но все это было обработано самостоятельнымъ образомъ Пр. Несторомъ по образцу греческихъ лѣтописей.

Глава VI трактуетъ о подлинности договоровъ русскихъ съ греками, VII — передаетъ (очень поверхностно) содержаніе лѣтописи Нестора до Владиміра Святаго, VIII—о сказкахъ въ несторовской лѣтописи — передаетъ лишь ихъ содержаніе. Всѣ эти главы теперь цѣны не имѣютъ.

Глава IX — о достовѣрности извѣстій Нестора, въ виду согласія ихъ съ иными историческими свидѣтельствами. Здѣсь выборка изъ источниковъ довольно любопытна. Но, какъ извѣстно, вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій вообще стоитъ нынѣ внѣ доказательствъ, и обыкновенно лишь по подходящему поводу разбирается то или другое лѣтописное извѣстіе.

Остальная часть I тома посвящена инымъ источникамъ

древней русской исторіи и борьбѣ съ скептиками по вопросу о ихъ достовѣрности.

Затѣмъ лѣтописи посвящены двѣ главы IV тома Исслѣдованій Погодина, именно стр. 1 — 144. Въ главѣ I довольно бѣгло оцѣнены лѣтописи и лѣтописцы вообще, и сдѣланы замѣтки о лѣтописныхъ спискахъ. Кромѣ древней (Несторовской) есть нѣкоторыя соображенія и о другихъ лѣтописяхъ: Кіевской, Волынской, Суздальской, лѣтописи по Воскресенскому списку, Софійскомъ временникѣ и лѣтописи по Никоновскому списку. Глава II посвящена хронологіи въ русскихъ лѣтописяхъ, но говорится лишь о нѣкоторыхъ (Несторовской, Кіевской, Суздальской, Воскресенской и Новгородскихъ). Кончается эта глава статью о затменияхъ, имѣющей отношеніе къ хронологіи лѣтописей и написанной на основаніи наблюденій извѣстнаго математика Д. Перевощикова ¹⁾.

Наконецъ въ V томѣ Исслѣдованій (стр. 317—350) есть исслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ.

Въ одно время съ защитою древности лѣтописи Погодинымъ появилась и другая, совершенно самостоятельная ея защита, сдѣланная П. Г. Бутковымъ въ сочиненіи Оборона лѣтописи русской, несторовой, отъ навѣта скептиковъ 1840 г. Сочиненіе это и донинѣ пользуется извѣстностью, хотя оно уже устарѣло. Цѣль его, какъ видно изъ самого заглавія, чисто полемиическая: оно направлено противъ цѣлаго ряда сочиненій скептиковъ (которыя Бутковъ перечисляетъ въ своемъ предисловіи). Бутковъ желаетъ доказать: 1) достовѣрность лѣтописи и 2) что она написана Пр. Несторомъ. Сообразно съ этимъ планомъ сочиненіе и раздѣляется на двѣ части. Въ первой части доказывается, что состояніе культуры въ Россіи въ XI в. даетъ полную возможность объяснить существованіе лѣтописи (гл. I; сюда же можетъ быть отнесена и гл. VI — о Новгородѣ и его торговлѣ). Затѣмъ авторъ разбираетъ всѣ

¹⁾ По этому вопросу была еще статья Мельникова: Солнечныя затменія видныя въ Россіи до XVI в. Отеч. Зап. 1842 г. № 6.

тѣ мѣста лѣтописи Нестора, которыя считались скептиками сомнительными, и доказываетъ достовѣрность занесенныхъ въ эту лѣтопись событій, которыя казались скептикамъ или не достовѣрными, или недоказанными (гл. II). Это приводитъ автора къ необходимости разобрать вообще вопросъ о Руссахъ (гл. III—V и прибавленія).

Вторая часть посвящена спеціально вопросу о Несторѣ. Въ I главѣ сведены данныя о просвѣщеніи въ Россіи и о самомъ Несторѣ; во II-й главѣ разобрано мнѣніе о древнихъ монастырскихъ запискахъ, существованіе которыхъ Бутковъ не признавалъ (хотя и несовсѣмъ послѣдовательно); III глава посвящена соотношенію лѣтописи Нестора къ инымъ его сочиненіямъ; въ IV-ой указаны способы, благодаря которымъ могъ получить Несторъ матеріалы для своей лѣтописи; V—посвящена Василю и Сильвестру, предполагаемымъ лѣтописцамъ, а также защитѣ Татищева по поводу Якимовской лѣтописи; наконецъ въ VI-й сведены данныя о томъ, что авторомъ древней русской лѣтописи всегда считали Нестора, и объяснено, почему онъ неизвѣстенъ иностранцами. Къ этому прибавлено нѣсколько опроверженій скептиковъ по разнымъ мелкимъ вопросамъ.

Сочиненіе Буткова солиднѣе соответствующаго изслѣдованія Погодина, оно написано съ большою ученостью и на половину состоитъ изъ примѣчаній. Средневѣковные писатели ему хорошо извѣстны и, такъ какъ при книгѣ приложенъ обстоятельный указатель, то ею очень удобно пользоваться. Но помимо того, что сочиненіе Буткова устарѣло, въ немъ мало оригинальныхъ выводовъ; оно даетъ лишь практическую подкладку подъ уже существующія мнѣнія Карамзина и иныхъ современныхъ ему изслѣдователей. Есть впрочемъ мѣста, болѣе или менѣе сохранившія интересъ и до сихъ поръ, напр. въ III главѣ доказательства достовѣрности договоровъ Олега и Игоря.

Въ одно время съ сочиненіями Погодина и Буткова явились теперь уже устарѣвшія но нѣкогда полезныя сочиненія о лѣтописяхъ Перевощикова, Кубарева и Иванова.

Сочиненіе В. М. Перовщикова: О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г. было издано въ 1836 г. (потомъ перепечатано въ Труд. Росс. Акад. 1841 г. т. IV). Въ немъ описаны нѣкоторые лѣтописные списки и есть недурная попытка характеризовать лѣтописцевъ на основаніи самихъ лѣтописей.

А. М. Кубаревъ написалъ статью—Несторъ, первый писатель российской исторіи (Русск. Истор. Сборникъ т. IV, 1842). Выводы Кубарева тѣ же, что и Погодина и Буткова, но достигаются они слѣдующимъ образомъ. Сперва авторъ доказываетъ, что извѣстныя формальныя доказательства принадлежности древней лѣтописи Пр. Нестору еще не могутъ признаваться за таковыя. Съ другой стороны и аргументы противъ этой принадлежности, — кажущіяся противорѣчія между различными сочиненіями Нестора, — тоже не убѣдительны; отсюда слѣдуетъ выводъ лишь о вѣроятности авторства Пр. Нестора относительно лѣтописи. Окончательная же увѣренность получается путемъ внутренняго убѣжденія, для чего Кубаревъ и приводитъ выдержки изъ различныхъ сочиненій пр. Нестора.

Во всей статьѣ интересно было только соглашеніе нѣкоторыхъ противорѣчій въ предполагаемыхъ произведеніяхъ Пр. Нестора; но въ настоящее время этотъ вопросъ сталъ на болѣе научную почву.

Дополненіемъ къ этой статьѣ, по вопросу о сочиненіи Пр. Несторомъ житій святыхъ, находящихся въ Печерскомъ патерикѣ, служить другая статья А. Кубарева о Патерикѣ печерскомъ (въ первый разъ напеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1838 г. т. XX, во второй съ исправленіемъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1847 г. № 9).

Н. А. Иванову принадлежатъ двѣ статьи: а) краткій обзоръ русскихъ временниковъ (Учон. Зап. Казанск. Универс. 1843 г. кн. II и III), въ которомъ описано 52 лѣтописныхъ списка, и б) Общее понятіе о хронографахъ (*ibid.* кн. III), гдѣ сведены мнѣнія о лѣтописномъ вопросѣ предыдущихъ изслѣдователей.

Нѣсколько позднѣе И. Д. Вѣляевъ посвятилъ лѣтописямъ рядъ статей: 1) Хронологія Нестора и его продолжателей (Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 2); здѣсь идетъ рѣчь о мартовскомъ и сентябрьскомъ счетѣ въ лѣтописяхъ¹⁾; 2) О несторовой лѣтописи (ibid. 1847 № 5), гдѣ сдѣланъ бѣглый обзоръ древней русской лѣтописи съ указаніемъ кое гдѣ на источники ея—съ цѣлью выставить важность лѣтописи Нестора и его литературный талантъ; 3) Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку съ 1111 г. по 1169 г. (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. 2-ая 1849 г.) — посвящена вопросу о соотношеніи двухъ лѣтописныхъ списковъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, и направлена противъ мнѣнія, выраженного въ предисловіи къ полному собранію русскихъ лѣтописей, издав. Археографической комиссіей, что первый списокъ есть сокращеніе втораго. Авторъ дѣлаетъ очень обстоятельное сличеніе извѣстій съ 1111 по 1169 г. по обоимъ спискамъ; и 4) О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей (ibid. 3, 1850 г.), гдѣ весьма интересна классификація лѣтописей, и затѣмъ теорія частныхъ лѣтописей. Сюда же относится и краткое предисловіе къ напечатанному въ той же книжкѣ Временника лѣтописцу Норматскаго.

Статьи Вѣляева довольно элементарны, но содержатъ много остроумныхъ соображеній, такъ что пользоваться ими необходимо; притомъ Вѣляевъ часто пользовался источниками, одному ему лишь доступными.

Въ пятидесятыхъ годахъ вопросъ о лѣтописи получилъ новое оживленіе: проф. П. С. Казанскимъ была напечатана статейка: Еще вопросъ о Несторѣ (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. 1-я), снова отвергавшая принадлежность лѣтописи Пр. Нестору въ виду противорѣчій ея извѣстій съ извѣстіями житій, написанныхъ несомнѣнно Несторомъ²⁾; древность же

¹⁾ Этому же вопросу посвящено еще изслѣдованіе В. Ундольскаго о врудцѣлѣтъ (Временникъ № 4, 1849 г.).

²⁾ Къ ней было еще дополненіе: къ вопросу о Несторѣ (ibid. 3, 1849 г.)—такого же характера.

лѣтописи Казанскій признавалъ. Статья Казанскаго возбудила цѣлую полемику: ему возражалъ Бутковъ: Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ (Соврем. 1850 г. № 9), коснувшись кстатн и аргументовъ Кубарева. Въ подтвержденіе первой своей статьи Казанскій написалъ еще три: 1) Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о лѣтописи Нестора (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. Кн. 7, 1850); 2) Разборъ отвѣта г. П. Б. (т. е. Буткова) на новый вопросъ о Несторѣ (Отеч. Зап. 1851 № 1), и 3) Объясненіе нѣкоторыхъ недоразумѣній касательно Нестора (Врем. 1852 г. кн. 13). Кромѣ Казанскаго и Буткова въ полемикѣ принялъ участіе С. П. Шевыревъ, написавшій замѣчанія на критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о лѣтописи Нестора (*ibid* V, 1851 г.), конечно, въ защиту установившихся на лѣтописи взглядовъ.

Въ то же время лѣтописямъ были посвящены еще слѣдующія статьи по болѣе специальнымъ вопросамъ: П. А. Лавровскаго—О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей 1850 г.; Д. П. Прозоровскаго—Кто былъ первый писатель первой новгородской лѣтописи Ж. М. Н. Пр., 1852 г. т. LXXV, и Милосича—*Ueber die sprache der ältesten Russischen Chronisten vorzüglich Nestor's* 1855 г. Сухомлиновъ считалъ это сочиненіе лучшимъ изъ всѣхъ, посвященныхъ языку древней лѣтописи, но другіе ученые, напр. Колосовъ, даютъ о немъ иной отзывъ.

Со второй половины пятидесятихъ годовъ начинается рядъ изслѣдованій о лѣтописяхъ, которыя по своему значенію далеко заслонили всѣ предыдущія. Таковы сочиненія: П. А. Лавровскаго: Изслѣдованіе о Іоакимовской лѣтописи; М. И. Сухомлинова: о древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, и о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи; Костомарова: Лекціи по русской исторіи вып. 1-й; П. С. Билярскаго: Замѣчанія о языкѣ сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи; И. И. Срезневскаго: Чтенія о лѣтописяхъ; К. Н. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца

XIV вѣка, вып. 1-й, и наконецъ кн. М. А. Оболенскаго: О первоначальной русской лѣтописи (съ приложеніемъ).

Мы скажемъ по нѣсколько словъ о вѣдомъ сочиненіи, кромѣ перваго и послѣдняго, такъ какъ сочиненіе П. А. Лавровскаго (Уч. Зап. II Отд. Ак. Н. т. II, 1856 г.) представляетъ единственное изслѣдованіе, специально посвященное Іоакимовской лѣтописи, почему въ свое время намъ прійдется изложить результаты этого изслѣдованія очень обстоятельно; сочиненіемъ же кн. М. Оболенскаго — О первоначальной русской лѣтописи 1870 г. и приложеніемъ 1875 г. мы, къ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться, а знаемъ лишь по цитатамъ, изъ которыхъ видна его важность. Мелкіе же труды кн. М. Оболенскаго по частнымъ лѣтописнымъ вопросамъ будутъ нами указаны на своемъ мѣстѣ. Не могли мы познакомиться и съ изслѣдованіемъ: Критическій разборъ Ипатьевской лѣтописи Исидора Шарневича.

Сочиненіе М. И. Сухомятина: О древне-русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ (Учон. Зап. II Отд. Ак. Н. т. III 1857 года), представляетъ едва-ли не самое капитальное изслѣдованіе по вопросу о лѣтописи. Оно раздѣляется на нѣсколько главъ; изъ нихъ первая посвящена вопросу о спискахъ лѣтописи и сравнительно менѣе важна. Вторая — начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи, гдѣ выставлена извѣстная теорія происхожденія русскихъ лѣтописей изъ пасхальныхъ таблицъ, о чемъ скажемъ ниже. Третья — источники древней лѣтописи: часть заимствованная, — въ высшей степени важное изслѣдованіе, результаты котораго тоже будутъ подробно изложены ниже. Четвертая — самостоятельная часть лѣтописи. Здѣсь особенно любопытны сравненія древней русской лѣтописи съ средневѣковыми западно-европейскими; и шестая — языкъ и слогъ древней лѣтописи, гдѣ продолжена предыдущая параллель.

Тѣмъ же авторомъ напечатана въ Основѣ за 1861 г. № 6 статья о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, гдѣ указаны источники лѣтописныхъ преданій и нѣкоторые преданія сравнены съ преданіями иныхъ народовъ.

Въ 1861 г. была опубликована часть лекцій, читанныхъ въ 1860 г. въ С. Петербургскомъ университетѣ Н. И. Костомаровымъ—вып. 1-й, посвященный лѣтописямъ. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній о лѣтописяхъ вообще, Костомаровъ разсматриваетъ отдѣльно каждую лѣтопись (независимо отъ ея списковъ), анализируетъ ея составъ, отмѣчаетъ, гдѣ это возможно, авторовъ и въ связи съ этимъ кое гдѣ дѣлаетъ замѣчанія о способѣ изложенія. Древнѣйшая лѣтопись, признаваемая имъ за сводъ, составленный Сильвестромъ, южно-русскія, новгородскія и псковскія лѣтописи разсмотрѣны гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ лѣтописи Руси сѣверо-восточной; напр. Воскресенская разсмотрѣна очень кратко, Никоновской же совсѣмъ нѣтъ. Вѣроятно авторъ былъ стѣсненъ недостаткомъ времени, такъ какъ онъ лѣтописямъ посвятилъ всего 4 лекціи, отсюда понятна и нѣкоторая бѣглость изложенія, нѣтъ почти никакихъ библиографическихъ указаній, ни обычнаго учоваго критическаго аппарата; такъ что важны исключительно наблюденія надъ составомъ лѣтописи самого автора, отличающагося, какъ извѣстно, всегда тонкимъ историческомъ чутьемъ.

Въ 1862 г. была напечатана статья П. С. Билярскаго замѣчанія о языкѣ сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи (Зап. Имп. Ак. Н. 1862 г. кн. 2). Хотя эта статья касается вопроса спеціальнаго, но она весьма важна, такъ какъ въ этомъ вопросѣ имѣла рѣшающее значеніе.

Вмѣстѣ съ статьею Билярскаго были напечатаны (приложеніе № 4) еще Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Изм. И. Срезневскаго.

И. Срезневскій незадолго до того напечаталъ двѣ статьи: Исслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ (Изв. Ак. Н. по отд. Русс. яз. и Слов. за 1853 г. II) и Памятники X вѣка до Владиміра Святого (ibid. за 1854 г. III), въ которыхъ намѣчены были тѣ мысли, которыя были развиты въ чтеніяхъ. Въ свое время эти статьи обратили на себя мало вниманія.

Чтеній о лѣтописи 3¹⁾. Въ 1-мъ авторъ обстоятельно, чѣмъ въ предыдущихъ статьяхъ, доказываетъ существованіе у насъ лѣтописей въ X в.; во 2-мъ пытается возстановить ихъ содержаніе и, наконецъ, 3-е посвящено чертамъ быта русскаго народа по предполагаемымъ лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка. Хотя эти чтенія и не велики и вовсе не выдають громаднѣйшей учености автора, но представляютъ хорошій примѣръ внимательнаго наблюденія надъ лѣтописными извѣстіями.

Весьма капитальный трудъ, посвященный изученію лѣтописей, представляетъ сочиненіе К. Н. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. (въ Лѣт. зап. Археогр. Комм. вып. 4-й 1868 г., и отдѣльно). Напечатанъ 1-й выпускъ, касающійся лѣтописи первоначальной и южно-русскихъ, лѣтописи же новгородскія и суздальскія до сихъ поръ еще не напечатаны.

Относительно Повѣсти временныхъ лѣтъ (т. е. древне-русской лѣтописи) Бестужевъ-Рюминъ доказываетъ, что это лѣтописный сводъ, составленный въ XII в., и опредѣляетъ его источники. Методъ, которымъ авторъ достигаетъ такого опредѣленія, будетъ сообщенъ ниже. Тоже самое доказываетъ онъ и относительно лѣтописей южно-русскихъ, причемъ лѣтопись Волынско-Галицкая анализируется сравнительно короче.

Къ сочиненію приложены: а) выборка извѣстій, относящихся ко времени до 1110 г. и не вошедшихъ въ составъ первоначальнаго лѣтописнаго свода, и б) очень обширная выборка русскихъ извѣстій до 1386 г., извлеченныхъ изъ сочиненія польскаго историка Длугоша, жившаго въ XV в. и почерпнувшего эти извѣстія, главнымъ образомъ, изъ русскихъ лѣтописей; притомъ Бестужевъ-Рюминъ изрѣдка сопоставляетъ извѣстія Длугоша съ лѣтописными.

Работа проф. Бестужева-Рюмина весьма цѣнна потому, что выводы автора отличаются его всегдашнею крайнею осто-

¹⁾ Было продолженіе; имъ въ рукописи пользовался Бестужевъ-Рюминъ для своего сочиненія о лѣтописяхъ, но напечатано оно не было.

рожностью. Но чтеніе этого сочиненія довольно утомительно, такъ какъ авторъ опубликовалъ не только выводы изъ своей работы, но и самый, такъ сказать, процессъ работы. За то повѣрка его съ лѣтописями въ рукахъ была бы, безъ сомнѣнія лучшимъ способомъ серьезно познакомиться съ лѣтописью.

Почти въ одно время съ книжкою Бестужева-Рюмина вышло еще двѣ статьи о лѣтописяхъ, но уже менѣе важныя.

А. Разсудовъ напечаталъ нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ (Моск. Ун. Изв. 1868 г. № 9). Статья эта, главнымъ образомъ, полемическаго характера: Разсудовъ старается опровергнуть мнѣніе Срезневскаго о существованіи лѣтописи до XI в., что заставляетъ его разобрать вопросъ о хронологіи древней лѣтописи. Допуская, что лѣтопись есть сводъ XII в., и именно Сильвестровскій, авторъ отстаиваетъ принадлежность первой кіевской лѣтописи Пр. Нестору,

Въ Кіевскихъ унверс. извѣстіяхъ, начиная съ 1869 г., началъ печататься рядъ статей И. В. Лашнюкова: Очерки русской истеріографіи (въ 1874 г. они вышли отдѣльнымъ изданіемъ). Это собственно говоря лекціи проф. Лашнюкова, изданныя уже послѣ его смерти, почему и явились онѣ въ печати безъ необходимыхъ въ такихъ случаяхъ дополненій или исправленій.

Лѣтописей касаются лишь двѣ статьи—тѣ, которыя напеч. въ 1869 г. № 8 и 1872 г. № 5. Въ первой изъ нихъ Лашнюковъ говоритъ о характерѣ нашего лѣтописанія, хотя и бѣгло, но очень рельефно; затѣмъ онъ сводитъ результаты важнѣйшихъ изслѣдованій о Несторовой лѣтописи и критикуетъ ихъ, отстаивая участіе въ древней лѣтописи Преп. Нестора. Даже допуская, что древняя лѣтопись есть сборникъ древнерусской письменности, авторъ приписываетъ Нестору его литературную обработку. Впрочемъ, несистематичность изложенія и нѣкоторая отрывочность неведѣ позволяютъ ясно угадывать мысль автора.

Вторая статья посвящена краткому обзорѣнію Кіевской лѣтописи (тоже не принимаемой Лашнюковымъ за сводъ), Суз-

дальскаго свода, Галицко-Волынской лѣтописи и совершенно бѣглому обзору остальныхъ лѣтописей, и не имѣеть особеннаго значенія.

Въ самыхъ общихъ чертахъ, но съ полною библіографіею вопроса выводы современной науки относительно лѣтописей прекрасно сведены К. Н. Бестужевнѣмъ-Рюминнѣмъ въ Русской Исторіи т. I. Введеніе стр. 18—35 (1872 г.).

Новое оживленіе лѣтописному вопросу придало появленіе статьи Д. И. Иловайскаго о мнимомъ призваніи Варяговъ. Хотя это вопросъ и не лѣтописный, но ясно само собою, что для рѣшенія его необходимъ пересмотръ древней русской лѣтописи, особенно ея первыхъ страницъ, гдѣ говорится объ этомъ призваніи и о Варягахъ вообще. Специально лѣтописямъ, собственно говоря, было посвящено мало изслѣдованій; большинство же авторовъ касалось лѣтописи по какому нибудь подходящему случаю.

Уже въ первой своей статьѣ Иловайскій коснулся лѣтописи, а потомъ чуть не въ каждой статьѣ ему приходилось къ ней обращаться. Часть этихъ статей собрана и издана имъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ: Розысканія о началѣ Руси; инія же, напечатанныя послѣ 1876 г., разсыпаны по историческимъ журналамъ; впрочемъ онѣ менѣе важны.

Обстоятельнѣе всего высказался о лѣтописи Д. И. Иловайскій въ статьѣ: Еще о норманизмѣ (сперва въ Русск. Вѣстн. 1872 г. № 11), въ главахъ IV—наши соображенія о лѣтописномъ сводѣ и сближеніе двухъ Рюриковъ, и V—характеръ лѣтописнаго дѣла.

Не отдѣляя вовсе Повѣсти временныхъ лѣтъ отъ Кіевскаго свода, Иловайскій относитъ составленіе этого свода къ XII или началу XIII вѣка, почему многія извѣстія, считаемыя обыкновенно за достовѣрныя, кажутся ему легендарными.

Выводы автора вошли потомъ и въ его исторію Россіи (часть I, гл. VII и прил. 59, 1876 г.).

Какъ бы въ дополненіе къ Иловайскому Н. И. Костомаровъ напечаталъ 3 статьи о преданіяхъ первоначальной рус-

ской лѣтописи (Вѣстн. Евр. 1873 г. № 1—3, потомъ въ XIII т. его Исслѣдованій), гдѣ прослѣженъ и частью объясненъ легендарный матеріалъ лѣтописи до Владиміра Святого включительно, приче́мъ за легенду было имъ сочтено то, что нѣкогда считалось вполне достовернымъ¹⁾.

Д. И. Иловайскій написалъ на эти статьи рецензію: Еъ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси (сперва въ Русс. Арх. 1873), гдѣ онъ указываетъ на византійскій ученый источникъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ преданій, считае́мыхъ за народныя.

Статьи противниковъ Д. И. Иловайскаго, даже самаго М. П. Погодина²⁾ не представляютъ ничего новаго по отношенію къ лѣтописному вопросу.

Во время этой полемики по поводу Несторовой лѣтописи напечаталъ свои соображенія еще одинъ изслѣдователь лѣтописнаго вопроса — Н. Ламбинъ, который давно уже изучалъ нашу древнюю лѣтопись и еще въ 1860 г., по поводу мнѣнія Костомарова о жудскомъ происхожденіи варяговъ — основателей русскаго государства, напечаталъ полемическую брошюру: Объясненіе сказанія Нестора о началѣ Руси. Позднѣе Ламбинъ написалъ рядъ сочиненій; Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи ч. I (удостоилось Уваровской преміи, но не было напечатано. См. отчетъ о 14-мъ присужденіи наградъ Гр. Уварова); Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ сказка? (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 17); о Тмутараканской Руси (ibid. 1874 г. № 1³⁾); Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси (ibid. №№ 6 и 7) и Славяне на сѣверномъ Черноморьи (ibid. 1877 г. №№ 5 и 6 и 1879 г. № 12). Кажется, въ послѣднюю статью вошло многое изъ Опыта воз-

¹⁾ Согласно съ этимъ Н. И. Костомаровъ свои очерки изъ Русской исторіи начинаетъ Владиміромъ Свѣтымъ.

²⁾ Всѣ замѣчанія Погодина на статьи Иловайскаго, а также и на статью Костомарова: Преданія русской лѣтописи, собраны были позднѣе имъ въ книгѣ: Борьба не на животь, а на смерть съ учеными ересями 1874 г.

³⁾ Это отрывокъ изъ перваго сочиненія. Здѣсь возстановленъ текстъ нѣсколькихъ строчекъ изъ договора Игоря—о Корсунской странѣ.

становленія и объясненія Несторовой лѣтописи, такъ какъ и тамъ и здѣсь много мѣста отведено вопросу о Свѣнольдѣ и угличахъ.

Непосвященныя спеціально древней лѣтописи, статьи Н. Ламбина по самымъ темамъ своимъ заключаютъ пересмотръ первыхъ ея страницъ. Въ пересмотрѣ этомъ Ламбинъ заявилъ себя послѣдователемъ Шлецера и пытался возстановить древній (очищенный) текстъ лѣтописи, признаваемой имъ за Несторову, путемъ сличенія разныхъ списковъ. Конечно, выводы его не всегда безусловно доказаны, но въ нихъ очень много остроумія. При этомъ Ламбинъ очень часто и весьма оригинально (какъ увидимъ ниже) указываетъ источникъ того или другаго лѣтописнаго извѣстія; интересны также и его хронологическія замѣтки.

Затѣмъ еще нужно отмѣтить четыре небезынтересныхъ сочиненія по спеціальнымъ вопросамъ:

М. А. Колосовъ: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV ст. (Варш. 1872 г.), гдѣ разсмотрѣнъ языкъ нѣкоторыхъ лѣтописей.

Н. Н. Янинъ: Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки (Чтэн. Моск. Общ. Ист. и Др. 1874 г. кн. 2 и отдѣльно). Весьма любопытные выводы этой статьи будутъ сообщены въ свое время.

И. Тихомировъ: О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 2) и

Ф. И. Терновскій — Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси (два выпуска, Кіевъ 1875 и 1876 — оттискъ изъ К. универ. изв.), гдѣ сдѣланы выдержки изъ греческихъ источниковъ, вошедшихъ въ нашу древнюю литературу и, въ томъ числѣ, въ наши лѣтописи.

Еще нѣкоторыя сочиненія, правильнѣе небольшія статьи различныхъ авторовъ, имѣющія какое либо отношеніе къ лѣтописному вопросу, отмѣчены будутъ въ свое время.

Мы не указали здѣсь, ради мелочности указаній и безкопечности ихъ, такъ какъ всякій, желающій заниматься лѣто-

писнымъ вопросомъ, обязанъ заранѣе ознакомиться со всѣмъ сочиненіемъ, а не съ отрывками его, — иѣсть, посвященныхъ лѣтописямъ въ сочиненіяхъ общаго характера, напр. въ сочиненіяхъ по русской исторіи вообще. У Н. И. Полевого можно, пожалуй, отмѣтить II томъ, гдѣ много замѣчаній о лѣтописяхъ, впрочемъ уже устарѣлыхъ; у С. М. Соловьева очень интересны тѣ страницы т. III главы 1-ой, которыя посвящены характеристикѣ древняго лѣтописца вообще и представляютъ оригинальную и цѣнную работу; у И. Е. Забѣлина въ Исторіи русской жизни ч. 1-ая 1876 г. глава V посвящена русской лѣтописи и ея сказаніямъ о древнихъ временахъ и тоже содержитъ нѣсколько меткихъ наблюденій. Соответствующія мѣста въ исторіяхъ Погодина, Вестужева-Рюмина и Иловайскаго перенесены изъ ихъ же работъ.

Изъ сочиненій по исторіи русской литературы можно указать на извѣстное сочиненіе С. П. Шевырева: Исторія русской словесности, гдѣ въ лекціи VII разсмотрѣна литературная сторона лѣтописи¹⁾. Но эта сторона гораздо лучше разсмотрѣна въ указанномъ уже сочиненіи Сухолинова.

Словарь русскихъ духовныхъ писателей митр. Евгенія и Филарета еп. харьковскаго (впослѣдствіи архіеп. черниговскаго) Обзоръ русской духовной литературы. Часть 1-ая (сперва въ Уч. Зап. II Отд. Ак. Н. III)—оба сочиненія каталогическія. Въ нихъ можно найти много замѣчаній о лѣтописцахъ; но труды эти уже устарѣли.

Въ Исторіи церкви Преосв. Макарія, митрополита московскаго, и особенно въ новѣйшей Исторіи русской церкви Е. Голубинскаго есть весьма много важнаго о лѣтописяхъ и лѣтописцахъ, но тоже разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ ихъ сочиненій. Кое что намъ прійдется впослѣдствіи и указать.

Книжка А. Старчевскаго: Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина (1845) для вопроса о лѣтописяхъ въ настоящее время совершенно не пригодна.

¹⁾ И въ другихъ лекціяхъ Шевырева есть замѣчанія о лѣтописяхъ, впрочемъ неособенно важныя. Ихъ легко отыскать по оглавленіямъ лекцій.

Наконецъ очень много весьма вѣскихъ замѣчаній о лѣтописяхъ можно найти въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, посвящен-ныхъ разнаго рода вопросамъ, источникомъ изученія которыхъ служатъ лѣтописи. Такія замѣчанія находимъ напр. въ сочи-неніи Гедеонова *Варяги и Русь* и въ примѣчаніяхъ къ нему Буника, въ статьяхъ Васильевского и многихъ другихъ. Ниже мы увидимъ, что, за исключеніемъ указаннаго выше изслѣдо-ванія П. Лавровскаго, вся литература вопроса о Іоакимовской лѣтописи состоитъ изъ замѣчаній, разбросанныхъ по различ-нымъ сочиненіямъ.

Укажемъ еще на два сочиненія, хотъ не касающіяся не-посредственно лѣтописей, но написанныя по поводу такихъ вопросовъ, которые имѣютъ съ лѣтописями весьма тѣсное со-прикосновеніе:

И. П. Хрущовъ — О древне-русскихъ историческихъ по-вѣстьяхъ и сказаніяхъ XI и XII столѣтія (Кіевъ 1878 г.; сперва было напечатано въ Кіевск. универс. извѣстіяхъ).

Сказанія и повѣсти¹⁾ наиболѣе сохранились въ лѣтопис-ныхъ сводахъ, такъ что сочиненіе Хрущова очень важно для вопроса о составѣ лѣтописей.

Менѣе касается лѣтописей знаменитый трудъ Ан. И. По-пова: *Обзоръ хронографовъ русской редакціи* (2 вып. 1866 и 1869 г. съ *Изборникомъ*, изд. 1869 г.), но для вопроса о составѣ лѣтописей, особенно позднѣйшихъ лѣтописныхъ сбор-никовъ, это сочиненіе очень важно.

Другія менѣе важныя для лѣтописей сочиненія по вопро-су о хронографахъ, а также объ историческихъ сказаніяхъ, житіяхъ святыхъ и иныхъ памятникахъ, являющихся въ лѣ-тописяхъ въ видѣ вставокъ, указаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Изданія лѣтописей мы тоже укажемъ въ свое время, когда рѣчь пойдетъ о самихъ лѣтописяхъ. Отмѣтимъ только самое

¹⁾ Разница между сказаніемъ и повѣстью вообще не точно установлена; Хрущовъ считаетъ сказаніемъ непосредственный рассказъ современника, а повѣстью рассказъ уже позднѣйшаго сочиненія. Это отличіе могло бы быть принято въ науку.

важное и наиболѣе распространенное изданіе: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, издаваемое по Высочайшему повелѣнію Археографическою комиссіей подъ редакціей сперва Я. И. Бередникова, потомъ А. Ѳ. Бычкова. Этого изданія вышло 10 томовъ (I—IX и XV), причѣмъ нѣкоторые томы (изъ первыхъ) имѣютъ по нѣсколько изданій (см. ниже). Къ нимъ составляется и указатель лицъ, тоже очень медленно; нынѣ онъ доведенъ до буквы I.

Недостатокъ указателя до нѣкоторой степени пополняется IV и VI т. Изслѣдованій Погодина, въ которыхъ находятся выборки извѣстій изъ лѣтописей относительно городовъ въ различныхъ княжествахъ (IV т.) по княжествамъ, но не въ алфавитномъ порядкѣ; а также и князей въ видѣ краткихъ біографій (въ VI т.) Хотя указатель составленъ по степенямъ и старшинству, какъ обыкновенно оставляются родословныя, но къ нему приложенъ азбучный списокъ русскихъ князей, съ обозначеніемъ страницъ, и списокъ ихъ по княжествамъ и удѣламъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что пользоваться имъ удобно. V и VII т. до нѣкоторой степени могутъ служить предметнымъ указателемъ. Къ сожалѣнію, всѣ списки касаются лишь удѣльнаго періода, притомъ есть много невѣрностей и пропусковъ.

Географическимъ указателемъ можетъ служить еще сочиненіе Н. П. Барсова: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи (1865 г.).

Для самой процедуры изданія Полнаго собранія русскихъ лѣтописей очень любопытны сочиненія Н. И. Барсукова: П. М. Строевъ (1878 г.), тѣ главы, гдѣ объ этомъ изданіи идетъ рѣчь (что видно изъ оглавленія), и Русскіе Палеологи (Др. и Н. Р. 1880 г. № 2 и 3 в отдѣльно). Вообще же о ходѣ изданія лѣтописей можно получить свѣдѣнія изъ записки А. Ѳ. Бычкова: Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1860 г. № 1). Очень любопытны еще свѣдѣнія, сообщенныя въ статьѣ Д. В. Полѣнова: О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ Святѣйшаго Синода (Зап. Ак. Н. 1863 г., т. IV, кн. 2), гдѣ рѣчь идетъ объ изданіяхъ лѣтописей въ XVIII в.

Библиографическаго обзорѣнія всѣхъ изданныхъ лѣтописей нѣтъ. Таковое существуетъ только для изданій до 1849 г. Д. В. Полѣнова: Библиографическое Обзорѣніе русскихъ лѣтописей (Ж. М. Н. Пр. 1849 г. часть LXIV стр. 31—180 и отдѣльно). Здѣсь довольно обстоятельно описано 18 изданій лѣтописей, въ томъ числѣ и такъ называемая Степенная книга. Пользоваться книгою Полѣнова по ея краткости очень удобно; но, къ сожалѣнію, какъ Ж. М. Н. Пр. за 1849 г., такъ и отдѣльный оттискъ сочиненія Полѣнова давно уже исчезли съ книжнаго рынка и находятся только въ серьезныхъ библиотекахъ. Желательно было бы новое изданіе этого сочиненія, или, еще лучше, переработка съ дополненіемъ библиографическаго описанія позднѣйшихъ изданій. Въ дополненіе къ своему основному сочиненію Полѣновымъ было напечатано очень обстоятельное обзорѣніе лѣтописи Переяславля Суздальскаго (Уч. Зап. II Отд. Ав. Н. I), когда была въ 1851 г. издана эта лѣтопись.

Почти каждое изданіе лѣтописей сопровождается предисловіемъ, гдѣ заключается описаніе рукописей, которыми пользовались издатели, а также изложеніе правилъ, которыя ими соблюдались при изданіи. Иногда это предисловіе разрастается въ цѣлое изслѣдованіе, напр. у П. Строева при изд. Софійскаго временника, у Погодина—Псковской лѣтописи, у кн. Оболенскаго при изданіи Супряльской рукописи и лѣтописи Переяславля Суздальскаго, у Лейбовича при изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ (1876 г.) и пр.

Происхожденіе русскихъ лѣтописей.

Происхожденіе русскихъ лѣтописей представляетъ собою вопросъ далеко не выясненный; по крайней мѣрѣ ученые никакъ не могутъ согласиться на счетъ его рѣшенія. Теоретическія его рѣшенія не согласуются съ указаніями практики, практическія легко опровергаются теоретическими аргументами.

Какъ христіанская религія, такъ и вся образованность заимствована нами изъ Византіи, по крайней мѣрѣ насколько

можно судить при нынѣшнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о древне-русской исторіи. Византійскіе источники или образцы можно найти почти для всей нашей древне-русской литературы. Весьма возможно, что русскіе знали ихъ въ формѣ южно-славянскихъ переводовъ или подражаній, это разницы не дѣлаетъ — все же источникъ тотъ же самый. Поэтому само собою напрашивалась мысль, что и лѣтопись наша имѣетъ себѣ образецъ въ византійской хронографіи. Образецъ этотъ не былъ найденъ ни въ византійской, ни въ южно-славянской редакціи, — многое не найдено и современемъ отыщется.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній уже Шлецеръ высказалъ мнѣніе, что временникъ Нестора, признаваемый имъ за древнѣйшую лѣтопись, составленъ по образцу византійскихъ хроникъ¹⁾; имъ подражалъ Несторъ въ формѣ изложенія; многое внесъ онъ изъ византійскихъ историковъ цѣликомъ. Но при этомъ Шлецеръ, какъ увидимъ ниже, не могъ указать этихъ византійскихъ образцовъ: теорія не подтверждалась практикой.

Долгое время мнѣніе Шлецера было общепризнаннымъ, такъ какъ видѣ его нѣтъ выхода, и вопросъ шолъ лишь о степени вліянія византійскихъ историковъ на русскую лѣтопись.

Рѣшительнѣе всѣхъ о зависимости русской лѣтописи отъ византійской высказался кн. Оболенскій: «Первый авторъ древней лѣтописи былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ византійскихъ хронографовъ. Затѣмъ онъ присоединилъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ народныя и монастырскія преданія и обозначилъ главныя происшествія, случившіяся въ его монастырѣ²⁾».

¹⁾ Въ своей автобіографіи Шлецеръ выражается еще сильнѣе: въ Русскихъ лѣтописяхъ все было по византійски и т. д. См. Сборн. Отд. Русск. яз. и Слов. Имп. Ак. Н. XIII, стр. 107.

²⁾ Таково, между прочимъ, было происхожденіе древнихъ сербскихъ лѣтописей, впрочемъ довольно позднихъ (См. Ягичъ Ист. Серб. хорв. литер. стр. 229).

Такого же мнѣнія, повидимому, держался и Сахаровъ, считая переводы греческихъ историковъ съ прибавленіемъ славяно-русскихъ событій (т. е. такъ называемые хронографы русской редакціи) за главный источникъ нашей лѣтописи, не открытый Шлецеромъ потому, что, зная подлинныхъ историковъ, онъ не зналъ о существованіи съ нихъ переводовъ (Др. и Н. Россія 1880 г. № 3. Письмо Сахарова, стр 520).

Разумѣется, это мнѣніе можетъ быть доказано еще труднѣе, чѣмъ мнѣніе Шлецера, такъ какъ того историка, котораго переводилъ бы древній лѣтописецъ, не знаетъ никто.

Въ послѣднее время было доказано, что для хронологическихъ датъ составитель дошедшаго до насъ древняго лѣтописнаго свода (древней лѣтописи) пользовался такъ называемымъ «Лѣтописцемъ вскорѣ», т. е. краткимъ, приписываемымъ Никифору патр. цареградскому (о доказательствахъ этого сказано будетъ въ свое время); но кромѣ хронологіи заимствовать изъ этого лѣтописца составитель могъ очень немного, а сходства съ нашею лѣтописью «Лѣтописецъ вскорѣ» не имѣетъ никакого, такъ какъ это просто имена ветхо и ново-завѣтныхъ лицъ, равно какъ и византійскихъ государей, съ обозначеніемъ, сколько лѣтъ они жили, или сколько лѣтъ царствовали, или сколько лѣтъ прошло отъ извѣстнаго событія.

Противъ мнѣнія кн. Оболенскаго говорятъ еще и вотъ что: всякій, знакомый съ древнею лѣтописью, легко замѣтитъ, что, кромѣ первыхъ, такъ сказать, строкъ ея, византійскій источникъ во всемъ остальномъ изложеніи чувствуется слабо и извѣстія изъ византійскихъ источниковъ являются въ видѣ вставокъ, очень рельефно выдѣляющихся изъ остальнаго изложенія. И что еще любопытно, — что позднѣйшіе лѣтописные своды гораздо обильнѣе византійскими заимствованіями, чѣмъ древнія лѣтописи. Конечно, говоритъ Срезневскій (Чтенія), не русскими событіями умножена лѣтопись византійско-болгарская, а, напротивъ, лѣтопись русская, событіями византійскими и болгарскими. Поэтому гораздо справедливѣе общепринятое мнѣніе, что древній лѣтописецъ дѣйствительно имѣлъ передъ

собою византійскіе образцы, но вовсе не копировалъ ихъ. При чемъ всетаки остается необъясненнымъ вопросъ о точномъ обозначеніи этихъ образцовъ и въ особенности въ виду того, что въ нашей древней лѣтописи не замѣтно знакомство съ собственно византійскими лѣтописцами (Георгіемъ Синкелломъ и др.), а, напротивъ, очевидно знакомство съ византійскими историками (съ Амартоломъ и др.), которые, какъ я говорилъ выше, соблюдаютъ порядокъ времени, а не порядокъ годовъ.

Голубинскій избраніе нашимъ лѣтописцемъ столь первичной формы историческаго изложенія, какою представляется лѣтопись, приписываетъ его скромности и неувѣренности въ своихъ силахъ, или сознательному его выбору; но и это предположеніе мало объясняетъ дѣло. Словомъ, хотя мнѣніе Шлецера въ самомъ умѣренномъ его толкованіи и остается господствующимъ, но вопросъ, какъ совершился переходъ изъ византійскихъ хроникъ къ русскимъ, все еще остался не выясненнымъ.

Тогда какъ большинство историковъ считало русскую лѣтопись составленною по образцу византійскихъ, Бутковъ, напротивъ, самую идею о составленіи лѣтописи («мысль къ дѣянію») считаетъ національною, опираясь на то, что Св. Θεодосій требовалъ отъ иноковъ, чтобы они занимались между прочимъ преданіями отеческими. Затѣмъ уже Пр. Несторъ могъ подражать въ частности византійскому хронографу. Но, не говоря уже о неясности самого выраженія—преданія отеческія, даже если допустить толкованіе Буткова (Оборона лѣтописи стр. 172 и прим. 402), всетаки этимъ не устраняется вопросъ о византійскомъ вліяніи, такъ какъ и самая мысль Св. Θεодосія—заниматься въ монастыряхъ отечественною исторіей, вовсе не чужда Византіи, и образцы для такихъ занятій могли быть заимствованы изъ Греціи.

Мы увидимъ сейчасъ же, что мнѣніе Буткова принимаютъ: Срезневскій, Вестужевъ-Рюминъ и другіе, но въ совершенно иной, болѣе правильной редакціи.

При невозможности совершенно точно выяснитъ вопросъ о

византійскомъ происхожденіи русской лѣтописи, была попытка найти для нея иной источникъ.

Уже Шлецеръ замѣтилъ тотъ фактъ, что наши лѣтописи по формѣ сходны не съ византійскими лѣтописями, а съ средне-вѣковыми анналами, именно съ англо-саксонскими. Особенно же это сходство подчеркнуто Срезневскимъ (Исслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ) и выяснено сличеніемъ лѣтописей съ апалами Сухомлиновымъ. Оказывается, что, какъ тамъ, такъ и у насъ извѣстіе о какомъ нибудь событіи расчленяется подъ разными годами, существуютъ пустые годы, какъ напр. въ Вейнгартенской лѣтописи и т. д. (см. ниже въ параграфѣ о формѣ лѣтописи). Но Сухомлиновъ и Срезневскій по вопросу о происхожденіи лѣтописи сдѣлали изъ этого сходства два различныя вывода.

Предполагать источникомъ нашей лѣтописи какія либо западно-европейскія анналы, при настоящемъ состояніи свѣдѣній о древней Руси, почти невозможно. Ни вліяніе варяговъ (если даже его принять), ни вліяніе западныхъ славянъ, о которомъ можно судить до нѣкоторой степени, не могло быть сильнѣе византійскаго, а тѣмъ болѣе проникнуть къ намъ раньше. Допуская же прямо западно-европейское вліяніе, чему могли бы дать поводъ нѣкоторыя извѣстія о непосредственныхъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей и Германіей, особенно при предположеніи, что наша древняя лѣтопись составлена очень поздно (а такія мнѣнія тоже есть), мы попадаемъ въ область вопросовъ, вполнѣ неразрѣшимыхъ, по совершенному отсутствію источниковъ. Какъ кажется, никто даже и не рѣшался поставить вопросъ о западно-европейскомъ происхожденіи нашей лѣтописи, никто не указалъ точно и свѣдѣній, которыя могли проникнуть въ нее такимъ путемъ. Бѣляевъ (въ статьѣ о Несторѣ) и Погодинъ (Исл. I, стр. 102 — 103) разсуждаютъ объ этомъ лишь въ общихъ чертахъ.

Приходится выяснять сходство нашихъ лѣтописей съ западно-европейскими инымъ способомъ. Одинаковость феноменовъ до нѣкоторой степени предполагаетъ одинаковость причинъ

На этомъ и построена теорія Сухомлинова. Средневѣковыя анналы произошли изъ пасхальныхъ таблицъ—и наши лѣтописи могли произойти изъ того же источника, т. е. какъ и анналы, онѣ происхожденія оригинальнаго.

Разумѣется, Сухомлиновъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе положительными доказательствами и выполняетъ эту задачу очень хорошо. Онъ приводитъ рядъ указаній на существованіе въ древней Руси пасхальныхъ таблицъ, причемъ изъ источниковъ видно, что пасхальныя вычисленія занимали русскихъ уже съ XII вѣка (а могли занимать и раньше). Лѣтописи носятъ ясныя слѣды знакомства съ пасхальными таблицами, обозначая индикты, кругъ луны, кругъ солнца и т. п. церковныя астрономическіе термины.

Но что еще важнѣе, Сухомлиновъ приводитъ и самую пасхальную таблицу (изъ харатейнаго псаломника XIV в. ¹⁾), находящуюся въ синодальной бібліотекѣ, заключающую въ себѣ 877 — 1408 годы и сохранившую при ключевыхъ буквахъ какія то сокращенныя замѣтки. Сухомлиновъ выписываетъ эти замѣтки и легко возстановляетъ ихъ чтеніе и въ тоже время выписываетъ изъ различныхъ (преимущественно новгородскихъ) лѣтописей, почти подъ тѣми же годами, извѣстія, цѣликомъ пополняющія эти замѣтки; напр. подъ 1015 г. замѣтка: Борисъ; въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ рассказывается о убіеніи Борисовѣ. Подъ 1215 г.—Юрьева рать; въ лѣтописи подъ 1216 говорится о войнѣ новгородцевъ съ В. Кн. Юріемъ Всеволодовичемъ. Подъ 1321 г.—Солнце погibe; въ лѣтописи рассказывается о затмѣніи солнца и т. д. И такихъ замѣтокъ много и объясняются онѣ всѣ. Нѣкоторая незначительная разница въ хронологіи не измѣняетъ дѣла, въ виду общепризнанной запутанности и неточности хронологіи нашихъ лѣтописей.

Легко себѣ представить, какъ изъ такихъ замѣтокъ, сперва написанныхъ вкратцѣ на пасхальныхъ таблицахъ, затѣмъ

¹⁾ Она потомъ издава палеографически Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ памятникамъ древняго русскаго письма и языка.

полностью выписанныхъ подъ рядъ и дополненныхъ изъ другихъ источниковъ, могла образоваться, а дадѣе и развиться лѣтопись. Сухомлиновъ все это и поясняетъ весьма рельефными примѣрами.

Всѣ эти соображенія приводятъ Сухомлинова къ выводу, высказываемому имъ сперва осторожно (стр. 45), а въ заключеніи—и рѣшительно, что лѣтопись наша происхожденія самостоятельнаго и развилась изъ замѣтокъ на пасхальныхъ таблицахъ.

Какъ ни остроумна теорія Сухомлинова, подтверждаемая притомъ и вѣскими практическими указаніями, но позднѣйшіе ученые ее не принимаютъ¹⁾ и не безъ основанія.

Уже самое существованіе пасхальной таблицы съ лѣтописными замѣтками отъ XIV в. дѣлаетъ сомнительнымъ вопросъ о происхожденіи отсюда лѣтописи. Неужели русскіе лѣтописцы стояли на такомъ низкомъ уровнѣ образованія, что даже въ XIV в. должны были руководствоваться для составленія лѣтописей пасхальными таблицами? Въ виду того, что извѣстія въ таблицѣ поясняются лучше всего новгородскими лѣтописями и что новгородскія лѣтописныя извѣстія вообще отличаются особенною краткостью, нѣкоторые изслѣдователи (напр. осторожный Вестужевъ-Рюинъ, и видимо для того, чтобы не устранить столь цѣнныхъ по своему практическому характеру наблюдений Сухомлинова) допускаютъ именно такое происхожденіе новгородскихъ лѣтописей; но это непужное предположеніе, ибо ходъ умственнаго развитія въ древней Руси во всѣхъ мѣстностяхъ, подвергшихся культурному вліянію Византии, былъ до XIII в. болѣе или менѣе одинаковъ, и новгородскимъ лѣтописцамъ не приходилось изобрѣтать спеціальныя способы лѣтописанія. Гораздо правильнѣе замѣчаніе Вестужева-Рюинца, что на таблицѣ, приведенной Сухомлиновымъ, прямо сохранились замѣтки, сдѣланныя какимъ либо читателемъ лѣтописи, какъ и теперь многіе дѣлаютъ подобныя за-

¹⁾ Впрочемъ ее принялъ Иловайскій: Русск. Исторія I, 177.

мѣтки на поляхъ календарей. Недавно г. Хрущовъ (О древнорусскихъ историческихъ сказаніяхъ и повѣстьяхъ) напечаталъ рядъ такихъ же лѣтописныхъ выдержекъ, безъ всякой системы, изъ сборника молитвеннаго содержанія конца XV в., находящагося въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

Вѣроятно такое же значеніе имѣютъ и напечатанные Срезневскимъ (Изв. II Отд. Ав. Н. т. VIII, стр. 390) два лѣтописные перечня: изъ синодальной кормчей XIII в. и изъ сборника, принадлежавшаго Срезневскому, XVII в. о событіяхъ съ IX по XIII вѣкъ (см. ниже).

Съ какою цѣлью сдѣланы подобныя замѣтки на таблицѣ, приведенной Сухолиновымъ, понять трудно, по ихъ разобщенности между собою; очень можетъ быть, что для какой нибудь повѣрны хронологіи. Костомаровъ именно полагаетъ, что пасхальныя таблицы могли служить лѣтописцу для этой цѣли. Но, намъ кажется, нельзя отрицать, что подобную выборку извѣстій изъ лѣтописи могъ сдѣлать позднѣйшій лѣтописецъ, чтобы почему либо внести ихъ въ свою собственную лѣтопись, причеъ на пасхальной таблицѣ онъ могъ основать свою хронологію, или даже начать лѣтопись этими извѣстіями. Перечни и подавно могли служить для этой цѣли. Конечно, это только предположеніе, не имѣющее пока опоры въ фактахъ, но, если бы это было такъ, то позволительно было бы заключать отъ событій XIV вѣка ко времени и болѣе раннему и допускать такимъ образомъ занесеніе свѣдѣній въ древнія лѣтописи между прочимъ и изъ пасхальныхъ таблицъ.

Даже нельзя отрицать и того, что какая нибудь лѣтопись, особенно отдаленнаго монастыря, гдѣ монахи были очень мало образованы, могла произойти самостоятельно, образовавшись исключительно изъ пасхальныхъ таблицъ, независимо отъ того, что въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ умственныхъ центрахъ уже велось правильное лѣтописаніе.

Возможно и то, что для нѣкоторыхъ лѣтописцевъ образцомъ являлись греческія хроники на пасхальныхъ таблицахъ. Ламбинъ именно въ нихъ ищетъ образцовъ для лѣтописи Не-

стора. Еще раньше Шлецеръ въ числѣ возможныхъ источниковъ для лѣтописи Нестора ставилъ «Paschalion» неизвѣстнаго времени, изданный въ Парижѣ въ 1688 г. Кажется, пасхальныя греческія хроники на славянскіе языки переведены не были, такъ что русскіе ихъ могли знать лишь на греческомъ языкѣ.

Недавно защитникомъ мнѣнія Сухомлинова явился Забѣлинъ, впрочемъ сливши его съ мнѣніями Срезневскаго и Бестужева-Рюмина, т. е. допуская, что краткія замѣтки, о которыхъ они говорятъ (см. ниже), раньше всего, даже въ IX в. вносились на пасхальныя таблицы, также въ святцы («христіанская святая лѣтопись»), въ синодики или поминальницы¹⁾ и т. п., по образцу греческому. Но Забѣлинъ не выдерживаетъ послѣдовательно своей теоріи, хотя и рисуетъ цѣлую картину лѣтописанія:

«Христіанское богослуженіе совершаетъ свои празднованія, посты и весь церковный обиходъ по годовому кругу, опредѣляемому днемъ Пасхи, слѣдовательно, счисленіе времени и по годамъ, и по днямъ мѣсяца (святцы) составляетъ для церкви необходимую и существенную черту въ устройствѣ ея порядковъ. Отсюда важное значеніе въ церковномъ быту годовыхъ и мѣсячныхъ чиселъ. Ини устраивался и опредѣлялся церковный бытъ и его отношенія въ быту мірскому, а потому каждое значительное и незначительное мірское событіе, какъ скоро оно заслуживало памяти, необходимо вносилось въ тотъ же годовой кругъ, необходимо опредѣлялось извѣстнымъ годомъ и даже числомъ мѣсяца. Другаго способа для обозначенія церковными людьми не могло и существовать. Отъ этого и собраніе такихъ показаній именовалось описью лѣтъ, лѣтописью, въ которой первое главное мѣсто занимало именно

¹⁾ И синодики прежде часто назывались лѣтописями. Голубинскій говоритъ, что лѣтописью могла назваться и запись на книгѣ и подпись на иконѣ, на памятникѣ, или на изданіи. Примѣровъ столь обширнаго употребленія слова лѣтопись онъ не приводитъ. Вѣроятно, во всѣхъ такихъ случаяхъ бываетъ обозначенъ годъ.

«лѣто», годовое число, почему оно ставилось даже и въ такомъ случаѣ, когда самой описи не оказывалось, но ставилось для соблюденія порядка въ главномъ, т. е. въ теченіи другъ за другомъ годовыхъ чиселъ и съ намѣреніемъ когда либо пополнить записали пустые года».

Въ тоже время Забѣлинъ допускаетъ, что въ церковномъ обиходѣ не менѣе пасхалій, для рѣшенія всякихъ хронологическихъ вопросовъ, были необходимы греческіе лѣтописи, въ родѣ лѣтописца вскорѣ (т. е. краткаго), приписываемаго патриарху Никифору цареградскому (VIII в.), гдѣ есть перечень годовъ и владѣтельныхъ лицъ. Такіе лѣтописцы даже помѣщались въ номоканонахъ (книга церковныхъ правилъ). Они могли служить удобнымъ началомъ къ веденію русской лѣтописи и ихъ дополняли русскими извѣстіями. Одинъ такой списокъ лѣтописца вскорѣ русской редакціи съ русскими событіями сохранился отъ XIII вѣка и напечатанъ въ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей т. I. Но, судя по находженію другаго подобнаго списка въ Никоновской лѣтописи, можно думать, что составитель ея имѣлъ въ рукахъ болѣе древніе подлинники такихъ краткихъ лѣтописцевъ, чѣмъ тотъ, который внесенъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Впрочемъ, относительно этого доказательства Забѣлина несовсѣмъ убѣдительно: внесеніе въ лѣтопись фразы: «а въ Руси нача княжити Игорь, а Олегъ умре», онъ приписываетъ современнику, тогда какъ такая фраза могла быть написана когда угодно¹⁾.

Какъ бы то ни было, но этимъ мнѣніемъ Забѣлинъ при-
мыкаетъ уже къ Кн. Оболенскому. При всемъ томъ самое лѣтописаніе (независимо отъ церковныхъ источниковъ) авторъ все таки считаетъ дѣломъ національнымъ.

Срезневскій (Чтенія о лѣтописяхъ) тоже принимаетъ, по-
видимому (см. стр. 9 и 10), оригинальное происхожденіе лѣтописей, и объясняетъ, что онѣ явились у русскихъ, какъ и

¹⁾ Перечни лѣтописныхъ извѣстій, напечатанные Срезневскимъ, о которыхъ было только что говорено, также начинаются лѣтописцемъ вскорѣ.

у другихъ народовъ, въ удовлетвореніе потребности помнитъ свое историческое прошлое и передавать рассказы о немъ изъ рода въ родъ, до тѣхъ поръ пока не найдется способъ увѣковѣчить ихъ болѣе прочнымъ образомъ, напр. съ помощью письма. Всѣ такія сказанія могли быть приурочены къ церковнымъ таблицамъ, перешедшимъ къ намъ изъ Византіи, по можетъ быть еще раньше къ таблицамъ хронологическимъ, напр. къ годамъ царствованія великихъ князей, чему есть въ древней лѣтописи примѣръ. Существуетъ именно хронологическая таблица съ общеизвѣстными слѣдующими граями: отъ смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лѣтъ, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лѣтъ. Зачѣмъ бы пужны именно эти даты; вѣдь и другіе князья въ это время умирали? Срезневскій и видитъ здѣсь слѣдъ существованія трехъ, такъ сказать, концентрически составленныхъ лѣтописей: 1-ая до 972 г. († Святослава), 2-ая до 1054 († Ярослава) и 3-ья которую лѣтописецъ хотѣлъ довести до 1113 г. († Святополка). Послѣдняя и есть наша древняя лѣтопись.

Изъ двухъ положеній Срезневскаго первое, въ которомъ въ замаскированномъ видѣ является просто вопросъ о возникновеніи у насъ исторіи, конечно, абсолютно вѣрно, и невозможно не предположить въ началѣ исторіи каждаго народа сперва устныхъ, а, съ пріобрѣтеніемъ письменности, и писанныхъ историческихъ сказаній. Второе же: о приспособленіи ихъ не только къ пасхальнымъ таблицамъ (что до нѣкоторой степени вѣроятно), но и къ таблицамъ хронологическимъ, требуетъ прежде всего признанія факта существованія у насъ первоначальныхъ хронологическихъ таблицъ, что очень слабо доказано Срезневскимъ, такъ какъ у него вмѣсто доказательствъ есть лишь указаніе на возможность такого существованія.

Послѣдующіе изслѣдователи, напротивъ, довольно прочно установили тотъ фактъ, что хронологія въ лѣтописяхъ моложе самихъ лѣтописей и что годы вставлялись въ сказанія, а не наоборотъ; см. напр. замѣчанія въ лекціяхъ Костомарова или въ статьѣ Разсудова,—впрочемъ объ этомъ ниже.

Вслѣдъ за Срезневскимъ и Бестужевъ-Рюминъ принимаетъ существованіе краткихъ погодныхъ записокъ, не высказываясь точно о ихъ происхожденіи. Кажется, онъ склоненъ объявлять ихъ иначе, чѣмъ Сухомлиновъ, потому что называетъ ихъ мелкими летучими. Точно также принимаетъ онъ и существованіе извѣстныхъ историческихъ сказаній, но разбитыхъ на годы уже позднѣе. Когда эти оба источника были сопоставлены и къ нимъ добавлены извѣстія изъ народныхъ преданій и изъ иныхъ источниковъ, то и образовались лѣтописные своды (Русская исторія). Свое мнѣніе Бестужевъ-Рюминъ обставилъ и несравненно большимъ, чѣмъ Срезневскій, числомъ доказательствъ въ диссертациі О составѣ лѣтописей до конца XIV в.

Мнѣніе Бестужева-Рюмина о двухъ основныхъ источникахъ лѣтописи принято въ современной исторіографіи; но оно все же не исключаетъ вопроса: русская лѣтопись возникла ли изъ этихъ источниковъ самостоятельно, или она имѣла византійскіе образцы? Какъ кажется, второе предположеніе вѣрнѣе, и вопросъ о происхожденіи лѣтописей можетъ быть рѣшенъ приблизительно такимъ способомъ:

При возникновеніи у насъ письменности (конечно, еще до оффиціального принятія христіанства) были записаны устные историческія сказанія; въ то же время существовали мелкія летучія замѣтки о какихъ либо событіяхъ съ числовыми данными (напр. обозначеніе года чьей либо смерти на надгробномъ памятникѣ и т. п.), можетъ даже записанныя изъ простаго любопытства. По принятіи христіанства при Св. Владимірѣ, при большемъ чѣмъ прежде знакомствѣ съ византійскою литературой, такія замѣтки и сказанія (иныя изъ нихъ сложились уже по византійскимъ образцамъ) послужили источникомъ для древне-русской лѣтописи, составлявшейся по образцу греческой. Причемъ иныя подобныя сказанія могли и не войти въ лѣтопись и сохранились отдѣльно. Когда лѣтописная форма усвоилась, то по образцу ея и стало продолжаться веденіе лѣтописнаго разсказа. Таково въ общихъ чертахъ мнѣніе Костомарова (Лекціи).

Въ эту лѣтопись могли вноситься извѣстія и изъ пасхальныхъ таблицъ. Кое же гдѣ такія замѣтки на пасхальныхъ таблицахъ могли даже лечь въ основу составляющейся лѣтописи, доставивъ ей порвнй матеріалъ, хотя лѣтописецъ могъ имѣть уже готовый образецъ въ видѣ лѣтописи иной. Конечно, краткія замѣтки сохраняли свои числовыя даты, тогда какъ сказанія (а позднѣе преданія и т. п.), вставляемыя среди этихъ замѣтокъ, разбивались на годы для большей систематичности.

Такое мнѣніе, болѣе или менѣе сводящее въ одно всё остальныя, въ свою очередь должно считаться гипотетическимъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ указаны византійскія хроники, извѣстныя нашимъ лѣтописцамъ и въ тоже время болѣе сходныя съ нашею лѣтописью, чѣмъ тѣ, которыя указываются до сихъ поръ, какъ послужившія нашимъ лѣтописцамъ за образецъ. Такъ какъ уже трудно надѣяться на такое открытіе, то и вопросъ о происхожденіи русской лѣтописи едва ли ненавсегда останется рѣшаемымъ лишь приблизительно. Въ концѣ концовъ лѣтописи наши оказываются сводами, а генезисъ ихъ сводится на генезисъ сказаній, замѣтокъ, преданій и т. п.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи русскихъ лѣтописей стоитъ вопросъ о времени ихъ возникновенія. Само собою понятно, что и здѣсь изслѣдователи не могли между собою согласиться. Очень долго, когда считали Пр. Нестора первымъ русскимъ лѣтописцемъ, думали, что лѣтопись началась въ концѣ XI—въ началѣ XII вѣка. Хотя и были указанія на болѣе древнихъ лѣтописцевъ, но или слишкомъ неопредѣленные, напр. на стараго ростовскаго лѣтописца (см. ниже), или признаваемые недостоверными, напр. относительно лѣтописи Іоакимовской. Кто признавалъ подлинность Іоакимовской лѣтописи, какъ напр. Татищевъ, тотъ обязательно допускалъ появленіе лѣтописи раньше Нестора¹⁾, напр. въ началѣ

¹⁾ Смотри еще благопріятный отзывъ Котляревскаго о мнѣніи Бажкейстера о существованіи лѣтописцевъ до Нестора въ соч. *Essaisur la biblio-*

XI вѣка, когда жилъ Іоакимъ еп. новгородскій, но большинство твердо стояло за Нестора и за начало лѣтописи въ концѣ XI вѣка.

Большее, чѣмъ прежде, знакомство съ состояніемъ образованности въ древней Руси въ удѣльно вѣчевой періодъ колебалось вѣру въ возможность сразу, безъ всякихъ предшествующихъ русскихъ образцовъ, сочинить, хотя бы на основаніи готовыхъ матеріаловъ, такой трудъ, какъ приписываемая Пр. Нестору лѣтопись. Кое у кого изъ ученыхъ, напр. у Карамзина, а особенно у Погодина, стали мелькать указанія, что они согласны отнести начало лѣтописанія, въ формѣ краткихъ записокъ, напр. церковныхъ, и къ болѣе ранней эпохѣ, въ особенности потому, что, какъ мы видѣли, указанія на это есть. За Пр. Несторомъ оставалась лишь заслуга авторства древнѣйшей, дошедшей до насъ, лѣтописи.

Важное значеніе въ этомъ вопросѣ имѣютъ работы Срезневскаго (см. выше), въ которыхъ онъ, путемъ выдѣленія краткихъ лѣтописныхъ показаній и народныхъ преданій, старается не только доказать существованіе лѣтописей въ X в. (до принятія христіанства Владиміромъ Св.), но выясляетъ и ихъ содержаніе.

Мнѣніе Срезневскаго о существованіи краткихъ замѣтокъ въ X в., особенно послѣ того, какъ оно было подтверждено анализомъ лѣтописей Бестужевымъ-Рюминымъ, стало, какъ мы видѣли, достояніемъ науки. Невозможно даже утвердительно сказать, чтобы такихъ лѣтописныхъ замѣтокъ не было еще и въ IX в., слѣды чего есть въ древней лѣтописи. Словомъ, начало ихъ можетъ быть отнесено къ возникновенію у насъ письменности. Заблужденіе относить ихъ къ возникновенію въ Кіевѣ христіанства (въ IX в.), что не дѣлаетъ особенной разницы.

Иное дѣло вопросъ о составленіи изъ этихъ замѣтокъ правильной лѣтописи, какъ сочиненія. Такъ какъ выборка очень

thèque de l'Académie des sciences 1776 г. (Котляревскій: Объ изученіи древнерусской письменности 1879 г.).

короткихъ отрывочныхъ извѣстій не даетъ еще сочиненія, то и аргументація Срезневскаго и Вестужева-Рюмина представляется несовѣмъ убѣдительною¹⁾. По всей вѣроятности всѣ такія замѣтки улеглись въ стройную лѣтописную систему, которая вслѣдъ затѣмъ была примѣнена къ текущимъ событіямъ, лишь при большемъ знакомствѣ съ византійской образованностью, которое можно отнести приблизительно въ XI в. Къ одиннадцатому же вѣку относятся и другія важнѣйшія произведенія древней русской литературы, составленныя по византійскимъ образцамъ. Это мнѣніе общепринятое, напр. Забѣлицъ именно ко времени Ярослава относитъ выдѣленіе извѣстій изъ пасхальныхъ таблицъ и т. п. въ настоящую лѣтопись.

Не всѣ, впрочемъ, изслѣдователи принимаютъ мнѣніе о столь раннемъ существованіи лѣтописныхъ замѣтокъ. Разсудовъ напр. доказываетъ, что въ лѣтописи такихъ краткихъ замѣтокъ слишкомъ мало, да и тѣ, которыя есть, могли прямо сохраниться въ народной памяти. Всѣ, отрицающіе раннее происхожденіе замѣтокъ, считаютъ ли они Пр. Нестора за перваго лѣтописца, или нѣтъ, относятъ образованіе лѣтописи по прежнему къ концу XI или къ началу XII вѣка.

М. Каченовскій и П. Строевъ относили лѣтописи къ XIII и XIV в., но, въ виду ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ на время ихъ существованія въ началѣ XII вѣка, мнѣніе скептиковъ допустимо лишь въ томъ предположеніи, что лѣтописи поддѣльны. Поддѣльность лѣтописей скептики допускали потому, что не вѣрили въ возможность составленія лѣтописи въ XI—XII в., по состоянію образованности въ Россіи. Но и то скептики признавали существованіе монастырскихъ записокъ въ это время, принимая за одного изъ ихъ авторовъ Пр. Нестора. Опровергать скептиковъ нѣтъ нужды; мы видѣли, что для своего времени это было хорошо сдѣлано Погодинымъ и

¹⁾ Недавно академикъ Кунинъ тоже высказалъ мнѣніе, что уже во время Святослава велись лѣтописи въ Кіевѣ, но не привелъ на это доказательства (Прил. къ извѣстіямъ Аль Бекри и др. 1878 г.).

Бутковимъ; теперь въ подлинности древней русской лѣтописи не сомнѣвается никто. Любопытно, что весьма осторожный, скептически ко всему относившійся и притомъ крайне несправедливый по отношенію къ Россіи Шлецеръ, хоть весьма удивлялся качествамъ лѣтописи Пр. Нестора, но не рѣшался подвергать сомнѣнію подлинность ея, а только считалъ ее испорченною въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣтописныя извѣстія противорѣчили его собственнымъ представленіемъ о Россіи въ XI в.

Мы не касаемся теперь времени составленія перваго, дошедшаго до насъ лѣтописнаго свода, такъ какъ это совершенно иной вопросъ. Относившіе образованіе этого свода къ очень позднему времени (напр. Иловайскій) не отвергали самаго факта существованія болѣе раннихъ лѣтописей, напр. времени Ярослава.

Само собою является мысль, что мѣстомъ, гдѣ впервые въ Россіи могла явиться лѣтопись, были важнѣйшіе ея культурные центры, и прежде всего Кіевъ. Объ этомъ нѣтъ и споровъ. Признающіе первымъ лѣтописцемъ Пр. Нестора отрицаютъ современныхъ ему лѣтописцевъ въ другихъ городахъ, допуская, конечно, что позднѣе Нестора они явились и тамъ. Непризнающіе Пр. Нестора первымъ лѣтописцемъ указываютъ на современную ему лѣтопись въ Новгородѣ, тоже очень крупномъ культурномъ центрѣ.

Таково мнѣніе Срезневскаго. Онъ думаетъ даже, что нѣкоторыя древнѣйшія и очень точныя лѣтописныя извѣстія о землѣ древлянъ (напр. о даняхъ Олегу и Игорю) указываютъ еще и на волянскую лѣтопись. Извѣстно также указаніе на стараго ростовскаго лѣтописца. Допуская раннее существованіе лѣтописи гдѣ либо на Волыни, нѣтъ основанія отрицать ея существованія и въ такихъ городахъ, какъ Подолецъ, Черниговъ, Переяславль, Ростовъ, Смоленскъ, Тмутаракань и т. д. Можетъ быть и была какая нибудь постепенность въ появленіи лѣтописей въ этихъ городахъ, но, если исключить Кіевъ

и Новгородъ, гдѣ лѣтописцы явились несомнѣнно раньше всего, вопросъ объ этой постепенности не представляетъ особаго интереса. Еще проще вопросъ о мѣстѣ, гдѣ впервые были записаны историческія сказанія и хронологическія замѣтки: конечно, они записывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникала письменность, и по мѣрѣ того, какъ она возникала.

Возникшая въ главныхъ культурныхъ центрахъ лѣтопись съ теченіемъ времени могла проникнуть и въ сравнительно небольшіе города, а особенно монастыри во всѣхъ концахъ земли русской и распространеніе ея могло сдерживаться лишь дороговизною письменныхъ принадлежностей.

Лѣтописныя извѣстія различнаго происхожденія взаимно перекрещивались между собою, благодаря извѣстному передвиженію чуть ли не всѣхъ элементовъ тогдашняго населенія. Мѣстными извѣстіями интересовалась вся Русь, такъ какъ, несмотря на всю разобщенность областей и войны ихъ между собою, никогда не утрачивалось сознание единства русской земли, обусловленное слишкомъ многими доказательствами такого единства. Изъ различныхъ лѣтописныхъ извѣстій стали составляться своды; своды эти рассматривались, какъ нѣчто высшее въ литературномъ отношеніи, и потому могли переписываться въ началѣ каждой мѣстной лѣтописи, тѣмъ болѣе, что въ самыя ранніе своды были внесены событія, имѣвшія общерусское значеніе: ими начинается и общая и мѣстная исторія Руси. Особенно таково значеніе древнѣйшаго свода (или такъ называемой Повѣсти временныхъ лѣтъ, тоже Лѣтопись Нестора, Древне-русская лѣтопись и т. п.), хоть и составленнаго въ Кіевѣ, но представляющаго какъ бы общерусскую лѣтопись до XII в., т. е. до того времени, когда начинается сильное развитіе мѣстной исторіи удѣльныхъ княжествъ. Можетъ быть подобныя общерусскіе своды, составленные въ Новгородѣ, потеряны. Конечно, были и еще своды, оканчивавшіеся позднѣе и въ свою очередь переносимые въ еще болѣе поздніе. Многія

лѣтописныя извѣстія изъ древнихъ лѣтописей въ древніе своды не попадали; но они объявляются вдругъ въ позднѣйшихъ сводахъ и т. п. Словомъ, по всей Россіи шла довольно сложная лѣтописная работа, захватывавшая, вслѣдъ за распространеніемъ цивилизаціи, все новыя и новыя мѣста.

Такое расширеніе области лѣтописанія не прекращалось и въ XIII вѣкѣ, такъ какъ монгольское иго, хотъ и создало нѣкоторыя обстоятельства, обусловившія пониженіе русской литературы въ качественномъ отношеніи, но не повліяло на нее въ количественномъ, а удешевленіе матеріаловъ для письма продолжалось, и еще въ болѣе значительной степени увеличивалось число монастырей. Создавались и новыя культурныя центры, напр. Тверь. Въ свое время мы познакомимся съ измѣненіями, происшедшими съ лѣтописями, теперь же мы слѣдимъ лишь за внѣшною исторіей лѣтописанія; характеръ же лѣтописнаго дѣла былъ тотъ же самый, что и прежде; только своды дѣлались все больше и больше.

Съ XIV вѣка является новый культурный центръ Руси—Москва, постепенно (сперва параллельно съ иными центрами, а потомъ осиливъ и ихъ) собирающая всю русскую землю. Извѣстно, что аналогическій процессъ происходилъ и въ исторіи литературы. Литература XV и XVI вѣка (самостоятельно), и первой половины XVII вѣка (подражательно), отличается такимъ собирательнымъ характеромъ. Совершенно параллельно идетъ и собираніе лѣтописей, давшее поводъ къ появленію огромныхъ лѣтописныхъ сборниковъ, иногда даже систематизированныхъ, какъ напр. Степенная книга, причемъ въ самой этой систематизаціи видно отраженіе тѣхъ идей, которыя господствовали въ XVI и XVII в. Важнѣйшая часть всѣхъ этихъ сборниковъ-лѣтописей, лѣтопись московская.

Какъ извѣстно въ московскомъ государствѣ съ XV вѣка служебныя потребности породили новый видъ государственныхъ актовъ—такъ называемыя Разрядныя книги, гдѣ записывались всѣ службы въ государствѣ во время ихъ совершенія. Записи эти, въ качествѣ важнаго источника, входили и въ лѣтопись.

Расширеніе разрядныхъ книгъ, въ связи съ расширеніемъ самыхъ службъ; имѣло слѣдствіемъ то, что лѣтопись, тоже записывавшая такіа службы, при невозможности поглотить эти книги, отошла на второй планъ, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія московскія лѣтописи были лѣтописями официальными; въ свое время мы увидимъ, почему онѣ стали таковыми. Официальное значеніе разрядныхъ книгъ и убило лѣтопись.

Конечно, частныя лѣтописи могли бы продолжаться, но тѣ же причины, которыя привели къ преобладанію лѣтописи официальной, почти заморили лѣтописи частныя. Если онѣ кое гдѣ еще и велись (напр. въ монастыряхъ Новгорода или другихъ городовъ), то были очень скудны извѣстіями; заносились, кажется, исключительно извѣстія церковныя. Частныхъ же лицъ разрядныя книги, по ихъ значенію въ вопросахъ о мѣстническомъ старшинствѣ, интересовали безиѣрно болѣе, чѣмъ лѣтописи. Такъ лѣтописи дотянули до начала XVIII в., послѣ чего веденіе ихъ стало дѣломъ мало интереснымъ для исторіографіи, въ виду многочисленности мемуаровъ, писемъ и иныхъ историческихъ источниковъ.

Нѣкогда Татищевъ пустилъ въ ходъ мысль, охотно принятую и Шлецеромъ, что прекращеніе лѣтописей стоитъ въ связи съ учрежденіемъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ такъ называемаго Приказа тайныхъ дѣлъ, въ которомъ онъ видѣлъ Тайную канцелярію. Приказъ этотъ контролировалъ, что ли, современное авторство и наказывалъ за писательство не въ правительственномъ духѣ. Но теперь разъясненъ совершенно невинный характеръ Приказа тайныхъ дѣлъ — личной канцеляріи царя.

Какъ продолженіе литературы московской рассматривается литература раскола; но расколъ установился тогда, когда лѣтопись была въ сильномъ упадкѣ; притомъ литература раскола не изучена, какъ слѣдуетъ. Но въ историческихъ сочиненіяхъ раскольничьихъ писателей лѣтописная форма, кажется, удерживается; такъ написано напр. Хронологическое ядро старовѣрческой церкви съ 1650 — 1814 г., извѣстнаго Павла Любо-

пытнаго (см. Костомаровъ Исторія раскола у раскольниковъ. Вѣстн. Евр. 1871 г. № 4).

Судьба лѣтописей юго-западной Руси была иная. Здѣсь лѣтопись продолжалась въ своемъ первоначальномъ видѣ до того времени, пока юго-западная Русь не вошла въ составъ Литовско-Польскаго государства. Тогда русскіе лѣтописцы подверглись вліянію польскихъ историковъ и стала вносить въ свои сочиненія извѣстія, заимствованныя не только изъ писанныхъ источниковъ, но даже изъ печатныхъ книгъ. Мало того, лѣтописцы даже были знакомы съ западно-европейскою литературой. Затѣмъ, когда драматическія событія времени Казачества вызвали съ одной стороны оживленіе лѣтописанія и породили новую, и совершенно оригинальную лѣтописную литературу, въ то же время съ другой стороны требованія школьной учености повели къ обработкѣ лѣтописныхъ извѣстій въ видѣ учебниковъ, по образцу польскихъ. Этотъ послѣдній видъ имѣетъ немалое значеніе въ русской историографіи, такъ какъ въ концѣ XVII вѣка по образцу его складывались компиляціи и въ Россіи, и этими элементарными компиляціями пачалась, какъ извѣстно, у насъ научная обработка исторіи.

Русскіе лѣтописцы.

Что за люди были первые составители нашихъ лѣтописей? Общеприято мнѣніе (см. напр. у Голубинскаго), что первыми составителями русскихъ лѣтописей были, по всей вѣроятности, лица духовнаго званія и, скорѣе всего, именно монахи.

Это доказывается уже самымъ характеромъ просвѣщенія въ древней Руси. Извѣстно, что первыми образованными людьми у насъ были именно лица духовныя, которымъ была болѣе доступна византійская мудрость. Первые школы тоже имѣли цѣлью подготовленіе на Руси духовенства Свѣтскіе люди, получившіе почему либо хорошее образованіе, стремились отказать отъ міра и уйти въ монастырь, складывая съ себя для этого знатный, иногда княжескій санъ. Приходилось даже инымъ

отговаривать отъ этого, указывая на ту пользу, которую они могутъ принести, оставаясь въ міру. А среди духовныхъ лицъ, конечно, не бѣлому духовенству, поглощенному массою ежедневныхъ житейскихъ обязанностей, а скорѣе монахамъ былъ досугъ заниматься, какъ дѣломъ богоугоднымъ, въ тиши своихъ монастырей, составленіемъ житій, вычисленіемъ пасхальныхъ таблицъ, и среди прочихъ занятій и веденіемъ монастырской хроники, съ которою легко могла сливаться и лѣтопись.

Вышеприведенное мнѣніе подтверждается аналогіей съ византійскими хрониками и средневѣковыми анналами, составителями которыхъ были исключительно лица духовныя, монахи, въ послѣднемъ случаѣ по аналогическимъ и причинамъ. Всѣ сохранившіяся имена лѣтописцевъ и преданія о нихъ указываютъ на лицъ духовныхъ и преимущественно на монаховъ. Несторъ былъ монахъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ игуменъ Выдубецкаго монастыря, Мойсей тоже; предполагаемые авторы новгородскихъ лѣтописей (Германъ Воята, или попъ Іоаннъ) были лица духовныя. Старый ростовскій лѣтописецъ, писавшій о лицахъ, вышедшихъ изъ Печерскаго монастыря, предполагаемый авторъ Іоакимовской лѣтописи и многіе другіе лѣтописцы — все это лица духовныя. Въ Радзивилловскомъ спискѣ картинка изображаетъ пишущаго лѣтописца монаха.

Наконецъ извѣстно, какое видное мѣсто занимаютъ въ лѣтописяхъ рассказы о монастырской жизни. Весьма понятно, что монахи могли заносить въ лѣтопись даже и неособенно важныя событія изъ мірской жизни, но очень трудно было бы объяснить, почему понадобилось бы свѣтскимъ лѣтописцамъ внести, въ свои лѣтописи разныя мелочи изъ жизни монастырской.

Боле точное обозначеніе личностей первыхъ лѣтописцевъ въ настоящее время не возможно.

Преданіе и вмѣстѣ съ нимъ весьма многіе ученые, начиная еще съ Татищева, приписывали сочиненіе или составленіе первой лѣтописи Пр. Нестору; но позднѣйшіе ученые, какъ намъ кажется, вполне доказали невѣрность этого; почему

о Пр. Несторѣ и его дѣйствительныхъ, или предполагаемыхъ трудахъ мы будемъ говорить подробнѣе при обзорѣ той лѣтописи, авторомъ или составителемъ которой онъ прежде признавался.

Въ Никоновской лѣтописи записано извѣстiе о древнѣйшемъ лѣтописцѣ Сильвестрѣ Выдубецкомъ, основанное, конечно, на его припискѣ, сохранившейся, какъ въ этой лѣтописи, такъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ древней лѣтописи. И многіе ученые считаютъ Сильвестра составителемъ древнѣйшаго дошедшаго до насъ лѣтописнаго свода; но они не говорятъ о составленіи имъ первоначальной лѣтописи, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Костомаровъ, даже допускаютъ, что Пр. Несторъ былъ монастырскимъ лѣтописцемъ Кіево-Печерскаго монастыря и лѣтопись его предшествовала Сильвестровскому своду.

Князь Оболенскій, считая древнѣйшею русскою лѣтописью древнюю часть изданнаго имъ лѣтописца русскихъ царей (такъ называемый Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, смотри о немъ ниже), авторомъ ея, а слѣдовательно и первымъ русскимъ лѣтописцемъ, считаетъ пресвитера Григорія, сотрудника Царя Симеона Болгарскаго въ дѣлѣ просвѣщенія Болгаріи, предполагаемаго переводчика лѣтописи Малалы, гдѣ онъ, по мнѣнію Кн. Оболенскаго, приписалъ извѣстныя глоссы—переводъ именъ греческихъ боговъ Гефеста, Геліуса и Зевса—Сварогомъ, Дажь-богомъ и Перуномъ (если только эти глоссы не вкрались позднѣе), переводчика (по мнѣнію Кн. Оболенскаго же) на славянский языкъ и Георгія Амартола и потомъ ближайшаго совѣтника Великой Княгини Ольги во время ея путешествія въ Константинополь. Отъ этого Григорія сохранился и сборникъ въ рукописи XV вѣка.

Къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстны аргументы автора, но, повидимому, они неособенно убѣдительны: Вестужевъ-Рюминъ, въ своемъ Введеніи въ I т. Русской исторіи, о мнѣніи Кн. Оболенскаго даже не упоминаетъ.

Тверская лѣтопись первымъ лѣтописцемъ называетъ какого то Георгія, на основаніи чего,—неизвѣстно. Не принять ли

здѣсь за лѣтописца тотъ Георгій (Амартолъ), который неразъ цитируется въ древней лѣтописи?

Мавро-Орбини въ сочиненіи *Il regno de gli Slavi* (вышло въ 1601 г.) для русской исторіи совѣтуетъ читать книги Іереміа Русскаго. Не сочтенъ ли здѣсь лѣтописцемъ Препод. Іеремія, который тоже есть въ лѣтописи?

Татищевъ указалъ на Іоакима, перваго еп. новгородскаго, какъ на лѣтописца болѣе ранняго, чѣмъ Несторъ, и составившаго извѣстную Іоакимовскую лѣтопись; но предположеніе это совершенно неправдоподобно, и при разборѣ Іоакимовской лѣтописи мы увидимъ, какъ стоитъ вопросъ объ ея авторѣ.

Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ называетъ еще древняго лѣтописца—Василія, но это, конечно, то лицо, которое рассказываетъ объ ослѣпленіи Василья (см. ниже).

Плохо появявъ приписку на нѣкоторыхъ спискахъ древней лѣтописи о принадлежности ея черноризцу Θεодосіева монастыря, извѣстный ученый Миллеръ счелъ первымъ лѣтописцемъ Св. Θεодосія; съ его руки и нѣкоторые западные историки XVIII в. усвоили это мнѣніе, но самъ же Миллеръ (впрочемъ, уже за Татищевымъ) его потомъ опровергнулъ въ статьѣ о первомъ лѣтописцѣ россійскомъ (въ *Ежемесячн. соч.* 1755 г. апрѣль).

Вообще въ лѣтописяхъ, даже позднѣйшихъ, имя автора или составителя можетъ быть опредѣлено лишь по счастливой случайности, такъ какъ прежде и у насъ (все равно, какъ и въ западной Европѣ) долго не было обычая подписывать свое имя на сочиненіи, особенно у благочестивыхъ и скромныхъ монаховъ.

И. И. Срезневскій (въ *Чтеніяхъ*), обращая вниманіе на то, что древнѣйшія занесенія въ лѣтопись извѣстія носятъ свѣтскій характеръ, а церковныя извѣстія, напротивъ, весьма рѣдки, вникъ очень важныхъ сперва вовсе нѣтъ, а позднѣе они есть; нѣтъ и особенной начитанности въ Свящ. Писаніи, склоняется къ мысли, что первые лѣтописцы были люди свѣтскіе. Позднѣе могли быть лѣтописцы и духовныя лица, но просто въ силу ихъ большей образованности. Это предположеніе становится еще

вѣроятнѣе, если допустить существованіе лѣтописей до принятія христіанства Владиміромъ Свѣтымъ. Но, очевидно, что подъ именемъ лѣтописцевъ въ этомъ случаѣ надо понимать составителей историческихъ сказаній и лицъ, писавшихъ летучія замѣтки. Таковыми, разумѣется, и сперва и позднѣе могли быть лица свѣтскія, даже уже и тогда, когда явилась лѣтопись и ею занялись лица духовныя.

Впрочемъ, Забѣлинъ и составителей первыхъ замѣтокъ видимо считаетъ лицами духовными, хотя говоритъ при этомъ случаѣ о кievскихъ христіанахъ въ X вѣкѣ вообще, тогда какъ замѣтки могли писаться и раньше.

П. Строевъ (въ предисл. къ Софійск. временнику) думалъ, что правители областей могли записывать достопримѣчательныя событія, въ ихъ областяхъ случившіяся. Но это уже слишкомъ смѣлое предположеніе. Возможное предположеніе Погодина, что лѣтопись могли писать княжескіе дѣяки, о которыхъ есть извѣстіе отъ XII вѣка, только на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Забѣлинъ полагаетъ, что лѣтописцами въ древности могли быть и сами князья, но и на это нѣтъ доказательствъ¹⁾.

Недостатокъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ извѣстій о событіяхъ, относящихся къ исторіи церкви, Голубинскій объясняетъ тѣмъ, что въ византійской исторіографіи того времени церковной исторіи отведено очень мало мѣста, такъ какъ дѣла церкви въ это время были устроены и, принявъ обычное теченіе, перестали быть достопримѣчательными. Объясненіе весьма правдоподобное²⁾.

¹⁾ Относительно мнѣній Забѣлина вообще скажемъ здѣсь разъ навсегда, что авторъ безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ,—если въ моемъ пересказѣ приводятся различныя мнѣнія Забѣлина объ одномъ и томъ же вопросѣ, то такъ тому и слѣдуетъ быть. Излагать же мнѣнія собственными словами автора, при его обычномъ многословіи, заняло бы слишкомъ много мѣста.

²⁾ Есть специальная для этого вопроса статья Аристова: «Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей» (Духъ христіаннаго 1861 г.), но мы не могли ею воспользоваться.

Были ли первые составители сказаній русскими? Срезневскій, признавая, что сказанія писаны для русскихъ, такъ какъ въ нихъ помѣщено то, что и нужно, и интересно было только русскимъ, не рѣшается высказаться относительно національности авторовъ, имѣя въ виду, конечно, что они могли быть варяги. Но варяжская теорія въ послѣднее время потерпѣла столько ударовъ, что если не самое призваніе варяговъ, то по крайней мѣрѣ раннее ихъ вліяніе на Россію почти отрицается. Поэтому почти невозможно допустить ранней писательской дѣятельности варяговъ; самъ Погодинъ допускалъ только внесеніе въ лѣтопись извѣстій изъ варяжскихъ источниковъ.

Даже позднѣе, по принятіи христіанства, трудно, кажется, допустить, что лѣтопись ведена была напр. греками, или пришедшими съ ними южными славянами (впрочемъ, мы видѣли, Кн. Оболенскій первымъ лѣтописцемъ у насъ признаетъ именно болгарина); грековъ и болгаръ тогда въ Россіи было не много, являлись они ради опредѣленныхъ цѣлей, большею частію на время и едва ли могли имѣть досугъ вести лѣтопись. Они могли развѣ служить лѣтописцамъ въ качествѣ учителей и познакомить ихъ съ греческими хрониками.

И такъ, если не исключительно, то въ громадной массѣ случаевъ, лѣтописныя замѣтки и лѣтописи были ведены русскими и для русскихъ.

Съ распространеніемъ просвѣщенія лѣтописцами могли стать и люди свѣтскіе. Возможность допустить это, пожалуй, подкрѣпляется отчасти и тѣмъ, что въ лѣтописи внесено много свѣтскихъ событій, особенно описаній войнъ, съ большими при этомъ подробностями. Но это обстоятельство, на которомъ особенно настаиваетъ Костомаровъ, еще не можетъ считаться имѣющимъ рѣшающее значеніе. Лашнюковъ указываетъ, что въ древнихъ лѣтописяхъ именно видно живое участіе духовенства въ мірскихъ дѣлахъ, въ силу одинаковыхъ съ народомъ интересовъ и стремленій. Южно-русскій лѣтописецъ принималъ живое участіе въ описываемыхъ дѣлахъ, присутствовалъ на вѣчахъ народныхъ, сопутствовалъ князьямъ въ походахъ, видѣлъ

битвы и т. д. Соловьевъ въ высшей степени рельефно рисуетъ положеніе монастыря въ древнѣйшую эпоху и объясняетъ, какимъ образомъ монахи могли имѣть обо всемъ свѣдѣнія съ самыми мелкими подробностями: «Только лица изъ духовнаго сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства, заняться лѣтописнымъ дѣломъ, потому что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность зпать современиныя событія во всей ихъ подробности и приобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословеніе на него, въ монастырь прежде всего являлся онъ съ вѣстью объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣдовательно, имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущаго отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригю? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотеи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князя обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и, будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить важнѣйшія извѣстія, чѣмъ самыя ратныя люди, находившіеся въ дѣлѣ».

То обстоятельство, что лѣтописцы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ останавливаются на подвигахъ князей, еще язычниковъ, или на военныхъ подвигахъ—чуждыхъ истинной религіозности,

и кое гдѣ не съ достаточною строгостью относятся къ языческимъ вѣрованьямъ — что тоже считается признакомъ свѣтскаго характера самыхъ авторовъ, не можетъ быть истолковано такимъ образомъ. Въ первомъ случаѣ ясно виденъ патріотизмъ лѣтописцевъ, по слабости человѣческой, не поглощенный ихъ саномъ, во второмъ — нѣкоторая литературная невыдержанность (вообще же все языческое осуждается очень строго, см. напр. въ древней лѣтописи осужденіе Св. Владиміра — еще язычника), а иногда тоже патріотизмъ, см. напр. отзывъ древней лѣтописи о нравахъ и обычаяхъ полянъ.

Откуда лѣтописцы получали матеріалы для своихъ лѣтописей?

Конечно, лѣтописцы заносили въ свои труды многое, видѣнное ими самими, иное имъ сообщали другія лица, на что въ лѣтописи есть даже точныя указанія; напр. въ древней лѣтописи говорится о разказахъ Яна, старца добраго, т. е. чловѣка, который могъ помнить давнюю старину. Въ монастыряхъ лѣтописцы могли найти монастырскія преданія, извѣстныя литературныя произведенія, напр. сказанія о чудесахъ, или житія святыхъ и мелкія летучія замѣтки. Подобный же матеріалъ они могли получить и извнѣ. Наконецъ составители лѣтописей получали откуда нибудь книги и извѣстныя выдержки оттуда вносили въ свои лѣтописи. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по составу лѣтописей. Ниже мы подробнѣе укажемъ лѣтописные источники древней лѣтописи, т. е. той лѣтописи, которая составила раньше другихъ, дошедшихъ до насъ лѣтописей.

Что лѣтописи писаны не только современниками, но иногда и очевидцами изображаемыхъ событій, это несомнѣнно. Разсказчики очень часто говорятъ о себѣ, иногда называютъ себя по именамъ, сообщаютъ обстоятельства изъ своей жизни и т. п. Иногда подробности характера разказа, самый слогъ его выдають очевидца, и притомъ принявшаго дѣятельное участіе въ разсказываемомъ событій, см. обо всемъ этомъ Исслѣдованія Погодина или Лекціи Костомарова. А что историческія

сказанія и мелкія замѣтки писаны были впервые современниками, это ясно само собою.

На этомъ основывается вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій. Хотя, разумѣется, здѣсь могутъ быть всяческія отклоненія, но принято думать, что чѣмъ кратче и отрывочнѣе занесено въ лѣтопись извѣстіе, тѣмъ оно достовѣрнѣе. Достовѣрность разсказа, носящаго всѣ слѣды современности изображаемому въ немъ событію, вообще сильнѣе, чѣмъ достовѣрность разсказа, сложившагося о томъ же событіи позднѣе. Впрочемъ, русскія лѣтописи охватываютъ такой огромный періодъ времени и лѣтописаніе позднѣе настолько измѣняетъ свои цѣли, что говорить о достовѣрности лѣтописей вообще слишкомъ трудно.

Для опредѣленія степени достовѣрности лѣтописей весьма важенъ вопросъ: имѣютъ ли онѣ officialный характеръ? Что князья (а позднѣе цари) знали о веденіи въ монастыряхъ лѣтописей—на это встрѣчается много доказательствъ. Но какъ они къ нимъ относились? Ученые (Погодинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) въ послѣднее время склоняются болѣе въ пользу officialности лѣтописей, и вотъ на основаніи какихъ свидѣтельствъ:

Въ 1289 г. ¹⁾ (по Галицко-Волынской лѣтописи) Князь ~~Мстиславъ~~ ^{Дмитрий Владимировичъ} приказалъ вписать въ лѣтописецъ крѣпости жителей г. Берестья. Очевидно, она въ эту лѣтопись и была внесена.

Это самое раннее свидѣтельство. По нашему мнѣнію, оно вовсе не имѣетъ того значенія, какое ему придаютъ. Разсерженный князь, зная, что ведется лѣтопись, приказалъ на память потомству занести въ нее фактъ измѣны берестянъ. Въ чемъ же

¹⁾ Болѣе раннее (1241 г.) приводимое Погодинымъ извѣстіе той же лѣтописи: «Куріюви же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ послану Даникомъ княземъ и Василькомъ исписати грабительства нечестныхъ бояръ» — вовсе не относится къ лѣтописи. Впрочемъ, Погодинъ и самъ не придаетъ ему большой цѣны (IV, 8).

здѣсь заключается официальность? Съ этой точки зрѣнія официальною можетъ быть признана всякая газета, печатающаяся что либо по требованію правительства. Конечно, князья знали о веденіи лѣтописей, читали ихъ, какъ вещь поучительную, какъ могли читать ихъ и всѣ образованные люди того времени; князья могли даже переписывать лѣтописи для себя. Такъ у Татищева есть извѣстіе, что В. Князь Константинъ Всеволодовичъ Суздальскій (въ началѣ XIII в.) самъ собиралъ и описывалъ дѣла древнихъ князей. Подъ 1200 г. въ Кіевской лѣтописи лѣтописецъ говоритъ В. Кн. Рюрику Ростиславовичу: по обычаю ти благому и нашей грубости писаніе пріими (уже изъ послѣдней фразы видно отсутствіе какой либо обязательности). Лаврентій переписалъ свой списокъ для В. Кн. Дмитрія Константиновича Суздальскаго и т. п.

Князья знали и лѣтописца, который велъ лѣтопись, такъ какъ это было въ монастырѣ лицо немаловажное, недаромъ Пр. Несторъ въ Патерикѣ Печерскомъ иначе не называется, какъ лѣтописецъ. Видно, что это прозвище обозначаетъ почетное занятіе. Припомнимъ, что въ то время даже простая переписка книгъ признавалась весьма важнымъ дѣломъ¹⁾. Князья могли поощрять занятія лѣтописаніемъ, какъ поощряли всякое доброе дѣло. Они, конечно, могли пользоваться записанными въ лѣтописи извѣстіями, когда имъ это было нужно, могли сообщать лѣтописцу матеріалы²⁾ и даже настаивать на ихъ помѣщеніи (см. выше); но вовсе не видно контроля князей надъ веденіемъ лѣтописи, не видно съ ихъ стороны ни малѣйшей цензуры, а безъ нея официальность лѣтописей дѣлается мнимой. Самое большое, что близость князя къ монастырю и его благосклонность имѣли слѣдствіемъ расположеніе и монастыря къ князю и его семьѣ, почему отзывы о нихъ

¹⁾ См. Православный собесѣдникъ 1861 г. Часть 1-ая: Списываніе книгъ въ древнія времена въ Россіи.

²⁾ По мнѣнію Иловайскаго Владиміромъ Мономахомъ могли быть сообщены лѣтописцу не только поученіе и письмо къ Олегу, но и договоры съ греками, славянскіе переводы съ которыхъ хранились, конечно, въ Кіевѣ.

могли быть исключительно благоприятные и вообще въ лѣтописи являлась нѣкоторая тенденціозная окраска.

Когда Кн. Юрій Дмитріевичъ Галицкій, судясь съ Кн. Василиемъ Васильевичемъ (Темнымъ) Московскимъ о великомъ княженіи, передъ ханомъ доказывалъ свои права, то онъ «искаше стола своего... лѣтописцы и старыми списки» (Никоновская лѣтопись подь 1432 г.).

Великій Кн. Іоаннъ (III) Васильевичъ, отправляясь въ 1471 г. на Новгородъ, «испроси у матери своей у Великой Княгини дьяка Степана Бородатого, умѣющаго воротити лѣтописцемъ русскимъ: егда рече приидуть, и онъ воспоминаеть ему говорити ихъ измѣны давныя, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ» (Воскр. л. подь 1471 г.).

Оба приводимые факта, не говоря уже о томъ, что они относятся къ XV вѣку, т. е. къ московскому періоду, когда официальность лѣтописи уже не можетъ быть оспариваема, сами по себѣ ничего не значать. И. В. Кн. Юрій Д-чъ и В. Кн. Іоаннъ В-чъ просто воспользовались подходящимъ для себя лѣтописнымъ матерьяломъ, который, разумѣется, не ради ихъ потребностей былъ занесенъ въ лѣтопись сотни лѣтъ тому назадъ.

Тоже самое можно сказать и о ссылкахъ различныхъ городовъ на предшествующія событія, о чемъ говоритъ Костомаровъ: города ссылались на факты общезвѣстные и больше ничего.

Если и можно допустить какую нибудь цензуру, то только цензуру со стороны монастырскаго и вообще духовнаго начальства, но цензура эта имѣла свои, спеціально духовныя цѣли; такъ въ 1572 г. (по 2-ой Новг. л.), значить тоже очень поздно, игуменъ Тихвинскаго монастыря разсматривалъ лѣтопись въ Лысогорскомъ монастырѣ и нашель, что она ведется исправно, только имена церковныхъ владыкъ записаны не всѣ. Не будетъ особенно смѣльнымъ предположеніе, что въ монастыряхъ надзоръ не шель далѣе соблюденія извѣстныхъ формальностей; конечно, наблюдали и надъ внѣшнимъ видомъ

книгъ, такъ какъ письменные материалы были очень дороги и не приходилось обращаться съ ними зря.

Того обстоятельства, что князья знали о веденіи лѣтописи и въ то же время не имѣли надъ нею цензуры, нельзя считать противорѣчіемъ: цензура понятіе новое и приобрѣла она значеніе лишь вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ. Какая опасность грозила князю отъ того, что въ монастырскихъ вельяхъ монахи пишутъ лѣтописи, которыя прочтутъ 2 или 3 монаха, а если и большее число лицъ, то послѣ его смерти. Я думаю, что князьямъ мысль о цензурѣ не могла даже и прійти въ голову.

Наконецъ развѣ мыслимо было бы при существованіи цензуры появленіе нѣкоторыхъ изъ житій, вошедшихъ въ составъ Патерика Печерскаго, напр. житій Св. Григорія и Свв. Василія и Ѳедора, или Св. Прохора, въ которыхъ нѣкоторые князья изображены въ очень непривлекательномъ свѣтѣ? Мнѣ кажется, что житіе Св. Іереміи, вошедшее и въ лѣтопись, въ которомъ рассказаны очень неприглядныя вещи изъ жизни монаховъ, одно въ состояніи поколебать мысль даже о монастырскомъ контролѣ.

Погодинъ выводитъ официальность нашихъ лѣтописей изъ того факта, что, по его мнѣнію, въ лѣтописяхъ нѣтъ промежутковъ между годами, т. е. нѣтъ годовъ неописанныхъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ, а веденіе лѣтописей было возлагаемо на извѣстное лицо и послѣ смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было некому, кромѣ князя; въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро.

Но это вовсе не убѣдительно. Соловьевъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что въ монастыряхъ знали о событіяхъ раньше, чѣмъ гдѣ нибудь. А особенно странно мнѣніе Погодина объ отсутствіи въ лѣтописяхъ промежутковъ между годами и о годахъ неописанныхъ. Напротивъ, во всѣхъ безъ исключенія лѣтописяхъ между годами весьма часто есть промежутки и много годовъ неописанныхъ.

Еще труднѣе предположить, особенно для древнѣйшаго времени, чтобы князья имѣли свои, такъ сказать, государственныя лѣтописи, которыя могъ вести тоже какой нибудь лѣтописецъ на княжьемъ дворѣ или въ монастырѣ, принадлежащемъ извѣстному княжескому роду; по крайней мѣрѣ фактовъ, указывающихъ на что либо подобное, нѣтъ. Вестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что нѣкоторыя извѣстія въ Кіевской лѣтописи, очень благоприятныя всему роду смоленскихъ князей, безъ различія того, сидѣли ли родичи въ Кіевѣ, или нѣтъ, указываютъ на такую княжью лѣтопись; но тенденціозность извѣстій Кіевской лѣтописи можно объяснить и проще: авторъ ихъ могъ быть просто лицомъ расположеннымъ къ роду смоленскихъ Мономаховичей, напр. ихъ подданнымъ.

Бѣляевъ, не смотря на полное отсутствіе свѣдѣній о государственныхъ лѣтописяхъ, выставилъ цѣлую ихъ теорію: скандинавскіе конунги имѣли скальдовъ, повѣствовавшихъ о ихъ подвигахъ; конечно, таковыя были и у насъ въ варяжскую эпоху, напр. Баянъ. Бѣляевъ даже указываетъ на нѣкоторыя саги въ лѣтописяхъ. Затѣмъ начались и официальные лѣтописи¹⁾, хранившіяся въ княжескихъ канцеляріяхъ; въ доказательство чего приводятся всѣ указанныя выше и еще нѣкоторыя (о которыхъ мы сейчасъ скажемъ) свидѣтельства; но мы видѣли, что извлечь изъ этихъ фактовъ для теоріи государственныхъ лѣтописей ничего нельзя.

Не можетъ служить доказательствомъ официальности нашихъ лѣтописей и то обстоятельство, что въ нихъ вставлено много различныхъ юридическихъ памятниковъ. Иначе пришлось бы допустить, что въ лѣтописи обязательно вносились всѣ юридическія памятники своего времени, а это абсурдъ; довольно того, что нѣтъ Ярославовой грамоты новгородцамъ; притомъ сохранились отдѣльно и такія грамоты, которыя не внесены въ лѣтописи. Предположеніе, что лѣтописецъ почему-либо выбралъ

¹⁾ И Погодинъ относилъ начало официальности лѣтописей къ варяжскимъ князьямъ.

только известные памятники, имѣя въ виду цѣль официальную — значительно слабѣе предположенія, что лѣтописецъ въ этомъ выборѣ руководствовался известною любознательностью, причемъ вставлялъ то, что ему лично казалось и важнымъ, и въ данномъ случаѣ идущимъ къ дѣлу. Что сохранившіеся такимъ образомъ памятники могли впоследствии (за утратою оригиналовъ) приобрести важное и даже официальное значеніе — это весьма возможно; но это не идетъ къ дѣлу.

Какое на примѣръ значеніе могли имѣть приводимыя Бѣляевымъ и Костомаровымъ записи, въ родѣ той, которая есть въ 3-ей Новгородской лѣтописи, что Софіевская церковь дала Новгороду серебро, если при этомъ не обозначено, что новгородцы должны это серебро отдать?

Въ послѣднее время Забѣлинъ выставилъ новую теорію официальности лѣтописи. По его соображеніямъ лѣтопись менѣе всего писана для монастыря, и больше всего для интересовъ и потребностей общества. Монастырь былъ въ удѣльный періодъ, такъ сказать, общественною, и именно городскою канцеляріей, въ силу того, что монахи были люди наиболѣе образованные, а лѣтопись была необходимою для города памятною запискою и каждый городъ считалъ необходимою имѣть свой списокъ лѣтописи¹⁾. Предположеніе не лишенное остроумія въ томъ отношеніи, что дѣйствительно роль городскихъ обществъ большихъ городовъ (Кіева, Новгорода) въ раннюю эпоху удѣльнаго періода была весьма велика, а въ IX и X вѣкѣ можетъ быть и первенствующая (см. новѣйшее сочиненіе Ключевскаго о боярской думѣ, первыя главы), почему, если говорить о зависимости монастырей отъ князей, то надо принимать въ расчетъ и зависимость монастырей отъ городскихъ обществъ. Но на официальное (а не въ силу известной солидарности во мнѣніяхъ) служеніе городскимъ интересамъ лѣ-

¹⁾ Въ иномъ мѣстѣ Забѣлинъ считаетъ возможнымъ допустить, что лѣтопись писалась во дворѣ князя, или епископа, или тысяцкаго, даже въ схожей вѣчевой избѣ горожанъ. Общій же приговоръ дружины необходимо утверждалъ вѣрность, безпристрастіе и сущую правду лѣтописной записи и т. д.

тописи вѣтъ ни малѣйшихъ указаній; Забѣливъ ихъ и не приводитъ, ограчиваясь общими соображеніями. Съ его взглядомъ на служеніе лѣтописи интересамъ города, повидимому, согласенъ и Котляревскій (см. его рецензію въ Киев. ун. изв. за 1880 годъ).

Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ объ официалномъ характерѣ лѣтописей, два, хоть и несовсѣмъ ясныя, касаются Суздальскихъ князей XIII и XIV вѣка. Можно допустить предположеніе, что въ это время на лѣтописи было обращено со стороны князей уже больше вниманія, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ и положительныя указанія на официалныя лѣтописи. Два предыдущія указанія (одно XV, другое XVI вѣка) еще не такъ важны. Но вотъ уже неопровержимыя: въ Никоновской лѣтописи при нашествіи Эдигея говорится: «обретаемъ начальнаго лѣтословца кievскаго, иже вся временна бытства земская необинуяся показуеть, но и первіи властодержцы безъ гнѣва повелевающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлены будутъ, якоже при Володимере Мономае онаго великаго Селиверстра Выдобыжскаго неукрашая пишущаго, — мы же симъ учащися таковая вся прилучившаяся во дни наша не преминухомъ, властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ, да сами едины безъ испуспѣйшихъ старцевъ всякаго земскаго правленія не самочинствуютъ».

Разумѣется, вышеприведенное мнѣніе лѣтописца объ официалности древней лѣтописи представляетъ только отраженіе фактовъ своего времени.

Еще важнѣе извѣстіе XVI в. Въ сохранившейся отъ пожара (напечатанной въ Акт. Археогр. Экспедиц. I, № 289) описи царскаго архива (1575—1584 г.) сказано: «ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ». Этотъ лѣтописецъ хранился въ Разрядѣ и, такъ какъ въ немъ записывались всѣ службы, то въ мѣстническихъ дѣлахъ на него и ссылались (см. указанія въ мѣстническихъ дѣлахъ Полева съ Кн. Щербатовымъ, Зюзина съ Нагимъ въ Ист. Сборникѣ

ки. II и V). По Бѣляеву онъ тамъ былъ до 1734 г. и потомъ въ 1746 г. его требовала Герольдмейстерская контора, какъ весьма нужный, вѣроятно, для справокъ о дворянствѣ.

Сухомлиновъ сопоставляетъ съ нашими лѣтописями западно-европейскія (стр. 4), но приводимые имъ примѣры официальности этихъ послѣднихъ могутъ быть истолкованы точно также, какъ и у насъ. Впрочемъ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ о государственныхъ лѣтописяхъ въ Германіи уже въ XIII вѣкѣ, цитируя Pfister Hist. d'Allemagne; но для рѣшенія вопроса объ officialности лѣтописей у насъ, это значенія пока не имѣетъ.

И такъ, мы полагаемъ, что officialность древнихъ лѣтописей остается недоказанною и онѣ велись преимущественно въ монастыряхъ, хотя и лицами извѣстными, но не занимавшими officialнаго положенія.

Съ какими цѣлями начали у насъ составляться лѣтописи? Перво-листки, какъ называетъ ихъ Срезневскій, нашей исторической литературы возникли, при знакомствѣ съ письменностью, въ силу національнаго сознанія, для сохраненія памяти о прошломъ. Конечно, такова же была одна изъ важнѣйшихъ цѣлей и лѣтописанія, тѣмъ болѣе, что и въ знакомой лѣтописцамъ византийской литературѣ были писанныя монахами историческія сочиненія. Поэтому, трудясь надъ лѣтописью, авторъ ея работалъ Бога дѣла, надѣясь отъ Бога милость пріяти. Въ частности интересно было сохранить свѣдѣнія о своемъ краѣ, городѣ, монастырѣ, а въ особенности, если заносимыя событія имѣютъ религіозно-нравственный характеръ и могутъ служить въ поученіе—это уже цѣль практическая (см. у Сухомлинова Вступленіе). Возможно, что другою практическою цѣлью было сохраненіе въ памяти интересныхъ по какому либо практическому значенію событій; напр. занесеніе дня смерти какого нибудь лица могло служить для поминовенія этого лица въ будущіе годы и т. п. Очень возможно, что писавшій или даже составившій лѣтопись задавался при этомъ цѣлью создать хорошее, по тогдашнимъ требованіямъ, литературное произведеніе; но

это цѣль уже второстепенная. Если же лѣтописи впоследствии приобрѣли юридическое значеніе, то это случилось уже само собою¹⁾.

Мы упомянули уже, что лѣтописцы въ свое время были люди довольно замѣтные, особенно если это были специалисты своего дѣла въ монастыряхъ. Несторъ причисленъ къ лику Святыхъ, и притомъ очевидно, что лѣтописаніе ставилось ему въ важную заслугу; Сильвестръ былъ игуменъ; Лаврентій переписалъ лѣтопись по благословенію архіепископа и т. д. Лѣтописаніе было въ то отдаленное время и подвигомъ, и заслугою; конечно, до тѣхъ поръ, пока лѣтописей не стало слишкомъ много и ими стали интересоваться многіе уже изъ простаго любопытства.

Такъ какъ дошедшія до насъ лѣтописи суть своды, то, на основаніи ихъ, дѣлать характеристику лѣтописца вообще несовсѣмъ логично: мало-ли какіе матеріалы могли попасться составителю лѣтописи, за все сообщаемое имъ онъ лицомъ отвѣтственнымъ быть не можетъ. Только въ московскій періодъ, когда лѣтописцы стали лицами официальными, можно замѣтить нѣкоторыя характеристическія черты, общія всѣмъ лѣтописцамъ, и на основаніи ихъ можно хоть нѣсколько выяснитъ себѣ образъ лѣтописца. Прежде, Погодинъ и другіе историки очерчивали, правда въ немногихъ словахъ, образъ лѣтописца и его свойства, но въ сущности они такимъ образомъ очерчивали цѣлое литературное направленіе, которое отражается во всѣхъ памятникахъ древне-русской литературы, а слѣдовательно и въ тѣхъ, которые вошли въ составъ лѣтописей.

Вотъ главнѣйшія, по мнѣнію Погодина, свойства всѣхъ лѣтописцевъ: лѣтописцы были современниками тѣхъ событій, извѣстія о которыхъ они заносили въ свои лѣтописи; заносили они эти извѣстія немедленно послѣ того, какъ совершались самыя

¹⁾ Можно указать на V главу въ I т. Забѣлина Исторія русской жизни, гдѣ говорится очень живо и распространено о причинахъ и цѣляхъ лѣтописанія, но все это болѣе или менѣе общезвѣстно.

событія. Лѣтописцы были лица официальные, заносили она известія о событіяхъ въ лѣтопись вѣрно, безпристрастно, нелицеприятно; затѣмъ — были люди благочестивые, любящіе свое отечество, по своему времени образованные, знающіе свою исторію, заботившіеся объ украшеніи своей рѣчи, хотя все же лѣтописи сухи и однообразны. Благочестіе и патриотизмъ, известная степень образованія и т. п. — это черты всей древне-русской литературы. Сухость, краткость и однообразіе лѣтописныхъ показаній тоже общеизвестны. Лѣтописи даже не даютъ возможности воспроизвести хоть одинъ историческій образъ, если нѣтъ иныхъ свидѣтельствъ. Любопытно, что такое свойство лѣтописей ставилось въ вину самой древне-русской исторіи, о которой даже Карамзинъ отзывался, какъ о лишенной художественности! Иное дѣло вѣрность, безпристрастіе. Объ этихъ свойствахъ русской лѣтописи идутъ большіе споры. Забѣлинъ увѣряетъ, что такъ какъ на веденіе лѣтописи въ древности смотрѣли, какъ на дѣло великое, то на страницахъ лѣтописи могла явиться только полная правда и полная достовѣрность. Къ тому же лѣтописныя замѣтки были ведены раньше всего русскими христіанами въ Кіевѣ, сближавшимися между собою посреди язычества въ тѣсный церковный кругъ, который тѣмъ особенно и отличался отъ язычества, что онъ исповѣдывалъ, по человѣческимъ силамъ, святую и высокую правду и въ мысляхъ, и въ поступкахъ. Одной правдѣ учили всѣ книги, хотя бы и немногія, какими обладала тогдашняя церковь, а потому и на всякое книжное писаніе тогдашніе христіане смотрѣли, какъ на святыню, и касались книги и книжнаго письма не иначе, какъ съ мыслью о святой правдѣ. Такимъ образомъ, войдя въ этотъ кругъ представленій и понятій, мы легко найдемъ, что по убѣжденію нашихъ первыхъ христіанъ никакой лжи или выдумки вписывать въ книгу невозможно.

Разумѣется, съ этими словами Забѣлина нельзя не согласиться; но Забѣлинъ продолжаетъ дальше: Эти первородныя мысли о значеніи книги и книжнаго письма къ нашему счастью остались надолго въ русской землѣ и управляли лѣто-

писаннымъ дѣломъ до послѣднихъ его дней. Вотъ это-то именно и нуждается въ доказательствахъ.

Забвляя, впрочемъ, ниже самъ нѣсколько ослабляетъ значеніе своихъ словъ, говоря: само собою разумѣется, что правда и достовѣрность лѣтописныхъ показаній вполне должна была зависѣть отъ источниковъ. Когда источники были самостоятельные, какъ напр. рассказъ самовидца или участника въ событіяхъ, то и правда памятной отиѣтки является несомнѣнною: таковы всѣ краткія свое-русскія свидѣтельства IX и X вѣка. Неточная правда стала обнаруживаться уже послѣ, при разработкѣ этихъ первыхъ свидѣтельствъ и, главнымъ образомъ, отъ участія въ лѣтописномъ дѣлѣ литературныхъ приѣмовъ и свидѣтельствъ, приходившихъ изъ пятидесятыхъ рукъ, слѣдовательно, достаточно затѣненныхъ неправдою. Но и въ такихъ случаяхъ неправда могла явиться только по невѣдѣнію, но отнюдь не по намѣренію, ибо мысль о правдѣ жила неразлучно съ мыслью о книжномъ писаніи и обѣ онѣ составляли святыню для тогдашняго ума.

Изъ источника правды, продолжаетъ Забвляя, исходили и другія очень важныя качества нашихъ первыхъ и послѣдующихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ: они не различаютъ людей по чинамъ, не зрятъ на лица, и говорятъ одинаково правду о князѣ и простолюдинѣ. Ихъ рѣчь пряма, честна, вполне независима, исполнена эпического спокойствія, необыкновеннаго добродушія и полной христіанской любви.

Далеко не всѣ ученые убѣждены въ таковыхъ свойствахъ нашихъ лѣтописцевъ. Какъ увидимъ ниже, Соловьевъ и Востужевъ-Рюминъ на основаніи предполагаемаго пристрастія составителя замѣтки въ тому или другому лицу, или къ извѣстной мѣстности пытаются даже опредѣлять, кѣмъ и гдѣ такая замѣтка могла быть написана. Образъ величаваго Пимена, записывавшаго, не мудрствуя лукаво, все, чему онъ былъ свидѣтель въ жизни:

Войну и миръ, управу государей,

Угодниковъ святыхъ чудеса,

Пророчества и знаменія небесны,

Пимена, который одинаково равнодушно вносить въ свою лѣтопись рассказы :

О темномъ ли владычествѣ татаръ,
 О казняхъ ли свирѣпныхъ Іоанна,
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ,
 О славѣ ли отечества...

Образъ этотъ замѣнился образомъ кропотливаго собирателя разнообразныхъ матеріаловъ и составителя изъ нихъ путемъ подбора тѣхъ, которые ему почему нибудь были пригодны, лѣтописнаго свода. А въ московскомъ періодѣ лѣтописцы важнѣйшихъ и подробнѣйшихъ лѣтописей были вполнѣ официальные историки, труды которыхъ далеки отъ святой правды и безпристрастія.

Прекрасная характеристика древнихъ лѣтописцевъ сдѣлана еще Лашинюковымъ. Въ числѣ свойствъ ихъ Лашинюковъ указываетъ на отсутствіе пониманія государственности въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее позднѣе московскіе лѣтописцы. «И дѣже законъ, говоритъ лѣтописецъ, ту и обидѣ много». Стремленіе къ самовластію лѣтописцы считаютъ богопротивною гордостью; раздѣляютъ они и нерасположеніе народа къ служилому классу—дружинѣ княжеской.

Оставъ русскихъ лѣтописей и ихъ содержаніе.

Какъ мы неразъ уже имѣли случай говорить, признано, что дошедшія до насъ лѣтописи, не исключая и древней лѣтописи, суть своды, составъ которыхъ съ большею или меньшею вѣроятностью можетъ быть опредѣленъ. Видѣли мы также, что теперь въ наукѣ утвердилось мнѣніе Вестужева-Рюмина о происхожденіи лѣтописи изъ двухъ источниковъ: краткихъ погодныхъ замѣтокъ летучаго, т. е. случайнаго характера и изъ историческихъ сказаній или повѣстей. Какого рода погодныя замѣтки входятъ въ лѣтопись, перечислить, разумѣется, невозможно, такъ какъ онѣ слишкомъ разнообразны; но заключаютъ онѣ въ себѣ всегда краткое извѣстіе о какомъ либо

фактъ. Замятки эти большею частью бывають очень кратки и отрывисты, и въ лѣтописи онѣ могли проникнуть изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, — инны записаны лѣтописцемъ, инны взяты изъ пасхальной таблицы, или изъ синодика, или съ надгробнаго памятника и т. п.

Иногда такія краткія замятки переписчиками были распространены и могли мало по малу превратиться въ рассказъ; вотъ почему Бестужевъ-Рюминъ (въ сочиненіи о лѣтописяхъ) иногда колеблется: признать ли лѣтописное извѣстіе погодною замяткою, или сказаніемъ? Но, вообще говоря, сказанія, а особенно повѣсти обширнѣе и ихъ въ лѣтописи довольно легко замятить; очень часто прямо бросается въ глаза ихъ вставочный характеръ, причошъ онѣ своимъ помѣщеніемъ разорвали нить лѣтописнаго рассказа и авторъ лѣтописи или составитель свода, помѣстившій вставку, пытается дальнѣйшіи лѣтописный рассказъ какъ либо связать съ предшествующимъ (См. ниже главу о формѣ лѣтописей).

Сказанія и повѣсти большею частью заключаютъ въ себѣ извѣстный историческій рассказъ, иногда преданіе народное, дружинное, или монастырское. Это преданіе могло быть внесено въ лѣтопись и изъ письменнаго источника. Кроме того въ лѣтописяхъ часто вставлены молитвы, поученія, самостоятельныя литературныя произведенія, памятники законодательства и вообще самые разнообразные матеріалы. Иногда эти вставки заимствованы изъ національныхъ источниковъ, иногда изъ иноземныхъ, большею частью изъ византійскихъ. Есть много выдержекъ и изъ священныхъ книгъ.

Мы позволили себѣ ограничиться здѣсь лишь немногими словами, чтобы избѣжать въ будущемъ повтореній, такъ какъ о составѣ каждой лѣтописи будемъ говорить въ свое время подробно.

И о содержаніи дошедшихъ до насъ лѣтописей мы скажемъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ число русскихъ лѣтописей очень велико и содержаніе ихъ весьма разнообразно. Подробности въ этомъ случаѣ уместны при обзорѣ нн содержанія каждой лѣтописи отдѣльно.

Какъ сочиненія, посвященныя воспоминаніямъ объ историческомъ прошломъ, лѣтописи прежде всего даютъ богатый матеріалъ для исторіи того времени, которое онѣ охватываютъ. Въ нихъ заключается масса извѣстій, касающихся русской исторіи. Извѣстія эти, впрочемъ, больше касаются внѣшней исторіи русскаго народа, чѣмъ исторіи его быта, и это само собою понятно; внѣшняя исторія народа, заключающая въ себѣ событія болѣе или менѣе экстраординарныя, какъ войны между князьями, переходы престоловъ, набѣги иноплеменниковъ, болѣе обращала на себя вниманіе лѣтописцевъ, чѣмъ народный бытъ, который былъ общеизвѣстенъ, и не могъ казаться интереснымъ людямъ, съ нимъ сжившимся. Черты народнаго быта въ изобиліи встрѣчаются въ лѣтописи, но лишь тогда, когда лѣтописецъ случайно каснется ихъ по поводу какихъ либо внѣшнихъ событій. Исключеніе составляетъ бытъ религіозный. Во всѣхъ лѣтописяхъ постоянно сообщаются свѣдѣнія о распространеніи христіанства, о постройкѣ церквей, объ основаніи монастырей, объ участіи духовенства въ текущихъ событіяхъ и т. п. Но, если лѣтописцы говорятъ о народахъ, бытъ которыхъ представляетъ извѣстныя отличія, то черты этого быта они сообщаютъ охотно. Древняя лѣтопись говоритъ спеціально о бытѣ полянъ, древлянъ, сѣверянъ, но лишь потому, что это бытъ народа, находившагося въ язычествѣ, а съ принятіемъ христіанства условія его тоже, по мнѣнію лѣтописца, радикально измѣнились. На томъ же самомъ основаніи южныя и восточныя лѣтописи хотъ изрѣдка сообщаютъ свѣдѣнія о бытѣ новгородцевъ — бытъ этотъ представлялъ нѣкоторыя, несомнѣнно, обычныя отличія.

Естатѣ сказать, что черты быта русскихъ славянъ, предположительно относящіяся къ X вѣку, выбраны изъ лѣтописей Срезневскимъ, составляя 3-ье чтеніе о лѣтописяхъ. Черты быта по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ разсыпаны по сочиненіямъ Погодина. У него можно найти, какъ мы уже говорили, довольно полныя выборки историческихъ и географическихъ извѣстій изъ лѣтописей съ надлежащими цитатами, въ

удобной для пользованія системѣ; тоже можно сказать и объ указателѣ къ лѣтописямъ Бычкова.

Обиліе историческихъ свѣдѣній въ лѣтописяхъ таково и свѣдѣнія такъ разнообразны, что изслѣдователь какой бы то ни было стороны жизни русскаго народа найдетъ въ нихъ для себя неисчерпаемый матеріалъ.

Наши лѣтописи важный источникъ и не для одной русской исторіи. Не говоря уже объ исторіи инородцевъ, издавна вошедшихъ въ составъ русскаго государства, русскія лѣтописи очень важны и для исторіи Скандинавскихъ государствъ, Венгріи, западныхъ и южныхъ славянъ, даже Византіи и Германіи. Но европейская наука, не послѣдовавъ совѣтамъ Шлецера, указавшаго на громадное значеніе для исторіи Европы русскихъ лѣтописей, пока воспользовалась ими слишкомъ мало, главнымъ образомъ, конечно, по недостаточному распространію въ западной Европѣ знанія русскаго языка.

Лѣтописи наши суть памятники и литературные, такъ какъ въ нихъ есть много свѣдѣній, касающихся исторіи умственной жизни русскаго народа и его умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ. Но, какъ памятники древне-русской литературы, лѣтописи слишкомъ разнообразны, чтобы ихъ можно было характеризовать общими чертами. Между южно-русскими, новгородскими или московскими лѣтописями почти нѣтъ ничего общаго ни въ способѣ изложенія, ни даже въ самомъ слогѣ и языкѣ.

Форма русскихъ лѣтописей.

Лѣтописная форма, болѣе или менѣе однообразная во всѣхъ лѣтописяхъ, общеизвѣстна—это погодный рассказъ. Годъ обозначенъ отъ сотворенія міра; такъ обозначается онъ и у византійскихъ хронистовъ. Это объясняется желаніемъ первыхъ христіанъ доказать глубокую древность, сравнительно съ языческими преданіями, Ветхаго Завѣта, стоящаго въ непосредственной связи съ Новымъ Завѣтомъ, и тѣмъ опровергнуть дѣлаемый

христианству укорь въ новизнѣ. Эту цѣль имѣлъ въ виду еще Евсевій (IV в.) въ своей хроникѣ. Счетъ отъ Рождества Христова производится весьма рѣдко и то въ самыхъ позднихъ лѣтописяхъ. Счетъ отъ начала княженій, какъ и у грековъ¹⁾, приводится, но тоже очень рѣдко. Не всегда обозначается мѣсяцъ и число, которое иногда лѣтописецъ забываетъ выставить. Иногда обозначается индиктъ и другіе церковныя астрономическіе термины. Примѣры подобныхъ обозначеній въ изобиліи указаны въ сочиненіи Сухомлинова. Вообще хронологія нашихъ древнихъ лѣтописей, вмѣстѣ съ лѣтописною формою заимствована отъ византійскихъ хронистовъ, иногда даже съ ихъ ошибками.

Извѣстна особенность лѣтописи—существованіе въ среднѣй ея пустыхъ годовъ. Примѣры особенно часты въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей, въ позднѣйшихъ же такіе пустые года иногда выпускаются; напр. въ Лаврентьевскомъ списокѣ древней лѣтописи записано: въ лѣто 6519 представися царица Володимеря Анна. Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522 Ярославу же сущю въ Новѣгородѣ и т. д. Въ Воскресенскомъ же списокѣ: въ лѣто 6519 преставися Анна царица. Въ лѣто 6522 Ярославу сущю въ Новѣгородѣ и т. д.

Иногда число такихъ пустыхъ годовъ подъ рядъ бываетъ значительно. Сухомлиновъ²⁾ приводитъ примѣры средневѣковыхъ анналовъ, совершенно сходныхъ въ этомъ отношеніи съ нашею лѣтописью³⁾.

Мы видѣли, что Забѣлинъ объясняетъ существованіе пустыхъ годовъ съ одной стороны системою—въ лѣтописи важнѣе всего именно лѣта, а съ другой желаніемъ впослѣдствіи что-либо еще внести. Объясненіе во всякомъ случаѣ болѣе вѣро-

¹⁾ Этотъ счетъ употребляется еще въ ассирійскихъ лѣтописяхъ, тамъ обозначены: день, мѣсяцъ и годъ царствованія государя; см. у Астафьева.

²⁾ Число пустыхъ годовъ въ древней лѣтописи онъ насчитываетъ 107.

³⁾ Собственно говоря Сухомлиновъ приводитъ эти примѣры въ доказательство, что извѣстія пригнались къ даннымъ годамъ, но здѣсь, напротивъ, ясна разверстка.

ятное, чѣмъ старое объясненіе Тунмана, что въ такихъ случаяхъ лѣтописецъ просто не зналъ точно, въ которомъ (изъ нѣсколькихъ) году произошло записанное имъ событіе.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ подѣ пустымъ годомъ являются и такія приписки: ничесо же бысть, или бысть мирно и т. п.

Но бываетъ и такъ, что подѣ однимъ и тѣмъ же годомъ стоятъ событія, явно бывшія уже въ слѣдующемъ году. Смѣна года указана въ самомъ текстѣ, а число въ началѣ осталось прежнее.

Если въ одномъ и томъ же году случились еще какія-нибудь событія, то лѣтописецъ часто предпосылаетъ имъ связку: въ се же лѣто и т. п., впрочемъ не всегда, иногда такихъ переходовъ нѣтъ.

Въ случаѣ нужды лѣтописецъ вспоминаетъ свой прежній рассказъ (напр. выражается: якоже рекохомъ) и наоборотъ иногда намекомъ указываетъ на послѣдующія событія, напр. прихода Печенѣзи *первое* на русскую землю. Если есть вставка или значительное отступленіе въ рассказѣ, то иногда лѣтописецъ переходитъ къ послѣдующему изложенію словами: мы же на прежнее возвратимся и т. п.

Такъ какъ счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра, то переводъ на счетъ отъ Рождества Христова долженъ быть производимъ на основаніи извѣстныхъ правилъ, для чего существуетъ рядъ руководствъ (напр. Хавскаго). Но хронологія лѣтописей вообще до того запутана, что даже такой знатокъ лѣтописей, какъ Вестужевъ-Рюминъ, отказался анализировать хронологію тѣхъ лѣтописей, о которыхъ писалъ. Волынско-Галицкая лѣтопись замѣчательна неточностью своей хронологіи. Да хронологія и другихъ лѣтописей очень шатка.

Главною причиною запутанности лѣтописной хронологіи надо считать во первыхъ то, что лѣтописцы считают каждый новый занесенный въ лѣтопись годъ съ 1-го марта, тогда какъ позднѣе установилось лѣтосчисленіе съ 1-го сентября. Это об-

стоятельство обуславливаетъ хотя и неочень большую, но все же постоянную ошибку.

Бѣляевъ, Ундольскій и Погодинъ приводятъ рядъ свидѣтельствъ изъ разныхъ лѣтописей, изъ которыхъ видно, что годъ начинался у насъ 1-го марта ¹⁾). Но Бѣляевъ считаетъ такое счисленіе русскимъ въ противоположность греческому церковному, въ которомъ годъ начинался, по его мнѣнію, съ 1-го сентября, и разъясняетъ, какъ русскіе лѣтописцы соединили оба календаря, т. е. какъ въ мартовскомъ году размѣщались индикты, дни недѣли и пасхальные праздники, считавшіеся по сентябрьскому лѣтосчисленію, причѣмъ показывается, какъ они при этомъ путались. Ундольскій же, и повидимому съ большимъ правомъ, считаетъ счисленіе съ 1-го марта византійскимъ, а съ 1-го сентября новымъ гражданскимъ, которое совсѣмъ вптѣснило мартовское лѣтосчисленіе.

Замѣна мартовскаго лѣтосчисленія сентябрьскимъ, принятая въ XIV в. ²⁾), является въ различныхъ лѣтописяхъ въ разное время, что тоже должно было весьма неблагоприятно отзываться на лѣтописной хронологіи, особенно при перепискѣ лѣтописей позднѣйшими переписчиками, поправлявшими и предыдущіе годы, когда они казались имъ невѣрными. Обо всѣмъ этомъ была обѣщана Ламбинимъ особая статья, но она не являлась.

Погодинъ указываетъ, что довольно точное обозначеніе хронологическихъ датъ начинается лишь со второй половины XI вѣка. Шлецеръ находитъ невѣрность хронологіи лишь до княженія Владиміра Святого, а хронологію времени Кн. Ольги онъ называетъ знаменитою по своей нелѣпости.

Любопытно, что если въ лѣтописи обозначенъ мѣсяцъ и день, то хотя годъ и ошибоченъ, но мѣсяцъ и день обыкновенно

¹⁾ Бѣляевъ приводитъ лишь одно мѣсто, гдѣ годъ обозначенъ по сентябрьскому счету, но и то въ лѣтописи ошибка.

²⁾ Татищевъ говоритъ, что сентябрьское счисленіе было принято на духовномъ соборѣ 1347 г. при митрополитѣ Феогностѣ.

венно вѣрны, конечно, кроми случаевъ описки, напр. вмѣсто 16 иногда написано 6 и т. п.; но такіе случаи легко исправить путемъ сличенія, если извѣстіе сохранилось въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ. Объяснить такую правильность можно тѣмъ, что годы лѣтописцамъ-переписчикамъ иногда нужно было передѣлывать для приспособленія къ инымъ, имѣвшимся у нихъ подъ рукою, а обозначеніе мѣсяца и дня могло всегда быть приспособлено безъ всякой перемены. Если здѣсь оказывалось противорѣчіе, напр. въ одномъ и томъ же году было два одинаковыхъ мѣсяца, то лѣтописецъ этого не замѣчалъ, тѣмъ болѣе, что такой случай бываетъ очень рѣдко, чаще въ подобныхъ случаяхъ оказывается, что въ одномъ году было двѣ весны или двѣ осени, напр. одною весною годъ начинается, а въ концѣ его рассказано событіе, случившееся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и т. п.

Точность обозначенія мѣсяцевъ и дней Миллеръ объясняетъ еще и такимъ образомъ: «въ дняхъ есть въ Россіи изрядный способъ для памяти по церковнымъ праздникамъ и по именинамъ, которые и у простыхъ людей въ твердой памяти содержатся; а въ лѣтахъ погрѣшность скорѣе прозойти можетъ и т. п.». Это совершенно вѣрно, особенно относительно церковныхъ праздниковъ и дней, точное обозначеніе которыхъ приобрѣло почему-либо церковное значеніе.

Второю причиною неточности хронологіи въ лѣтописяхъ надо считать уже указанный нами обычай дѣлать разверстку историческихъ сказаній по нѣсколькимъ годамъ. Этотъ обычай знакомъ всякому, читавшему лѣтопись; напр. 6370 г. оканчивается такъ: Рюрику же князю въ Новѣгородѣ, потомъ: въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на греки. Разсудовъ приводитъ такихъ примѣровъ много, извлекая ихъ исключительно изъ древней лѣтописи.

Встрѣтаясь въ лѣтописи съ подобнымъ случаемъ, позднѣйшій русскій лѣтописецъ могъ замѣтить нелогичность такой разверстки и снова сомкнуть событіе въ одномъ году, или на-

оборотъ, могъ раздѣлить на разные годы событія, явно имѣвшія мѣсто въ различныхъ годахъ, но помѣченныя однимъ числомъ. Но, руководствуясь, по всей вѣроятности, произвольными соображеніями, разные лѣтописцы могли отнести одно и то же событіе къ разнымъ и годамъ, причѣмъ иногда мѣсяць и день оказываются тѣже самыя. Позднѣйшіе составители сводовъ могли измѣнять хронологію предыдущихъ лѣтописныхъ извѣстій, чтобы согласить ихъ съ имѣющеюся уже у нихъ хронологіей: опять новая причина для порчи. Наконецъ, нельзя отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ влияніемъ какой-нибудь ошибки, какъ это случилось съ составителемъ Галицко-волынской лѣтописи.

Хронологія лѣтописи частью можетъ быть повѣрена съ помощью указаній въ ней на разные небесныя знаменія, напр. затменія, которыя могутъ быть вычислены, разумѣется, очень точно (см. объ этомъ статью о затменіяхъ у Погодина).

Нѣвторою повѣркою для хронологіи нашихъ лѣтописей, и то собственно древнѣйшихъ, можетъ служить хронологія византійская (См. Muralt: Essai de chronographie Byzantine 2 т. 1835 и 1871 г.¹⁾); но и хронологія византійская тоже не всегда отличается точностью. И любопытно, что тѣ писатели, которые безъ сомнѣнія были извѣстны составителю древней лѣтописи, напр. Георгій Амартолъ, или авторъ Лѣтописца вскорѣ, путаются въ хронологіи, смѣшивая два различныхъ лѣтосчисленія: по первому Рождество Христово считается въ 5500 г. отъ сотворенія міра (Александрійская эра), по другому въ 5508 г. (Константинопольская эра). Въ нашихъ же лѣтописяхъ годы выставлены безразлично то по первому, то по второму лѣтосчисленію (См. Ламбинъ: Источники лѣтописнаго сказанія, въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г. № 7, примѣчаніе на стр. 101).

Очень возможно, что до принятія христіанства и до знакомства съ византійскимъ лѣтосчисленіемъ общей хронологіи у

¹⁾ См. еще опредѣленіе хронологіи древнѣйшихъ лѣтописей въ книгѣ Академія Дорна: Каспій.

насъ не было, и счетъ былъ годами отъ какого либо важнаго событія (миѣніе Бѣляева); такъ могли обозначаться краткія замѣтки или сказанія; но это вопросъ, по недостатку данныхъ, очень темный.

Въ различныхъ сочиненіяхъ иногда бываетъ анализъ хронологіи той или другой лѣтописи, а еще чаще и опредѣленіе точной хронологіи въ примѣненіи къ какому либо періоду или событію; таковы напр. сочиненія по русско-ливонской хронологіи: Авг. Энгельмана: Хронологич. изслѣдов. въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV ст. Спб. 1858 г. и Боннеля: Russisch-Liwländische Chronographie, съ половины IX в. по 1410 г. Спб. 1862 г.

Заглавія, послѣсловія и рисунки въ лѣтописяхъ.

Въ лѣтописяхъ есть иногда свои заглавія, напр. извѣстное заглавіе въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть».

Иногда и части лѣтописи имѣютъ свои особія заглавія, напр. въ Лаврентьевскомъ же спискѣ: «Начало княженія Святослава сына Игорева» и т. д.

Тѣ лѣтописи, у которыхъ сохранился конецъ, иногда имѣютъ особое послѣсловіе благочестиваго характера. Иногда такое послѣсловіе попадаетъ и въ срединѣ лѣтописи, обозначая, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ существованіе, среди лѣтописи, прежней лѣтописи, внесенной въ новую.

Извѣстнѣе другихъ послѣсловіе къ древнему своду, сохранившееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «Игуменъ Сильвестръ Святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимирѣ, князю ему Бневѣ, а миѣ въ то время игуменящю у Святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ».

Интереснѣе окончательное послѣсловіе ко всему Лаврентьевскому списку: «Радуется куонецъ прикушъ створивъ и кормь-

чи въ штише приставъ и странникъ въ штечество свое пришедь, также радуется и книжни списатель, дошедь конца книгамъ, также и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божи Лаврентей мнихъ. Началъ яесмъ писати книги сіа, глаголемый лѣтописецъ мѣсяца генваря въ дѣ, на память святыхъ штець нашихъ аввадъ в Синаи и в Раифѣ избьенныхъ, Князю Великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дивнисья и кончалъ яесмъ мѣсяца марта въ К на память Святыхъ штець нашихъ, иже въ манастыри святаго Савы избьенныхъ Ш срадинъ, в лѣто шѣла при благовѣрномъ и христоролюбивомъ Князи Великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христоролюбивѣмъ священномъ Див(ни)сѣмъ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа штци и братья, шже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправлява Бога дѣля, и не клените, зане же книги ветшаны, а оумъ молодъ не дошелъ, слышите Павла Апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами христьяны Христось Богъ нашъ, сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклоняныя со Штцемъ и с Пресвятымъ Духомъ и ныня и присно во вѣкы, аминь».

О подобныхъ послѣсловіяхъ на книгахъ вообще см. Срезневскій: Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, VIII.

На Никоновской лѣтописи есть любопытное надписаніе — заклятіе (и такія встрѣчаются на иныхъ книгахъ): «Лѣта 7169 сію книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго Воскресенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, новаго Иеросолима, смиренный Никонъ, Божією милостью Патріархъ. А кто восхоцеть ю усвоити, якожь Ахарь, сынъ Харміевъ, или утаитъ, якожь Ананія и Сапсеира, да отыметъ отъ него Господь Богъ святую Свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ Своихъ и да приидеть на него неблагословеніе, и клятва, и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какииъ злымъ умыш-

леніемъ испишетъ отъ книги сіа, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя».

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, особенно въ позднѣйшихъ, есть рисунки перомъ или красками, изображающіе рассказы-важныя въ текстѣ событія.

Мы уже сказали, что языкъ и слогъ русскихъ лѣтописей весьма разнообразны. Южно-русскія лѣтописи отличаются художественностью изложенія; новгородскія — мѣткостью, краткостью и такъ сказать дѣловитостью слога; московскія — напыщеннымъ, витѣватымъ, но все же очень сухимъ изложеніемъ.

Языкъ всякой лѣтописи обязательно долженъ былъ состоять изъ двухъ элементовъ, изъ какого либо русскаго нарѣчія, которое было роднымъ для лѣтописца, и изъ церковно-славянскаго языка, языка религіи и школы. Конечно, переписчикъ лѣтописи, или составитель свода могъ внести въ переписанную имъ лѣтопись слова и выраженія, взятые изъ своего роднаго нарѣчія, но чаще это отражалось въ правописаніи словъ, такъ какъ многія слова переписчикъ выговаривалъ иначе, чѣмъ составитель; отъ этого могли происходить и ошибки. Замѣтимъ еще, что вліяніе церковно-славянскаго языка сильнѣе сказывается въ лѣтописяхъ позднихъ, именно московскихъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ древнихъ.

О лѣтописныхъ спискахъ.

Рукопись, въ которой сохранилась лѣтопись, называется лѣтописнымъ спискомъ. Разумѣется, такихъ списковъ очень много (припомнимъ, сколько у насъ было монастырей¹⁾). Еще въ 1846 г. Археографическая коммисія, собиравшая списки для изданія Полнаго Собранія Лѣтописей, насчитала 168 списковъ годныхъ къ употребленію, причѣмъ не объяснила, сколько же у нея было *не годныхъ* и какъ понять это выраженіе.

¹⁾ О популярности у насъ лѣтописей см. Клеванова: О значеніи русской лѣтописи въ духовн. развитіи народа (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. 1).

Въ любой значительной библіотекѣ находится достаточно лѣтописныхъ списковъ, что легко видѣть по каталогамъ; см. напр. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея и т. п. Нѣсколько списковъ есть и въ библіотекѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Есть много лѣтописныхъ списковъ и въ заграничныхъ библіотекахъ; о нѣкоторыхъ писалъ С. Строевъ въ Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ библіотекахъ Германіи и Франціи, 1841 г.; см. также у Шлецера.

Любопытно, что въ той массѣ сборниковъ, которые хранятся въ Импер. Публичной Библіотекѣ и описанія которыхъ теперь начинаютъ издаваться (пока вышло 2 выпуска), находятся экземпляры, которые заключаютъ въ себѣ лѣтописные списки съ важными (по мнѣнію составителей Описанія) вариантами, относящимися къ такимъ, повидимому, извѣстнымъ событіямъ, какъ княженіе Олега (см. № XVIII). Очевидно, что еще не изучена масса лѣтописнаго матеріала.

Рѣдко списки бываютъ точными противными (копіями) какого либо иного, по большей части между нами есть какая нибудь разница; разумѣется, мы не говоримъ о тѣхъ, которые списывались въ позднѣйшее время съ научною цѣлью; напримѣръ Ермолаевскій списокъ древней лѣтописи есть позднѣйшій списокъ съ Хлѣбниковскаго.

Списки называются по какому нибудь случайному признаку: или по имени переписчиковъ, или, гораздо чаще, по мѣсту нахождения списка, напр. по имени владѣльца, причѣмъ, если въ одномъ мѣстѣ есть нѣсколько списковъ одной и той же лѣтописи, то они различаются по счету, но такъ, что всѣ списки всѣхъ лѣтописей одного владѣльца перенумерованы однимъ счетомъ, напр. Никоновскаго сборника принадлежитъ Академіи Наукъ два списка—XIV и XV; такъ называемой Новгородской 3-ей тоже два списка — I и III; списокъ же обозначенный Академическимъ II-мъ — это списокъ Новгородской I-ой лѣтописи.

Древняя лѣтопись есть напримѣръ по Лаврентьевскому

списку — названна по имени переписчика Лаврентія, по Ипатьевскому — по мѣсту прежняго находенія ея (Ипатьевскій монастырь), по Радзивиловскому — отъ имени владѣльца — кн. Радзивила и т. п. Нѣкоторые списки успѣли переименовать свои названія напр. Радзивиловскій очень долго назывался Кенигсбергскимъ, Лаврентьевскій извѣстенъ еще подъ именемъ Пушкинскаго, Троицкій сталъ Академическимъ, Лаптевскій (Никоновскаго сборника) — отъ имени владѣльца — перешелъ въ Публичную Библиотеку и сталъ Публичный VI, Алатырскій (Воскресенскаго сборника) изъ г. Алатыря попалъ въ библиотеку Академіи Наукъ и сталъ Академическій и т. д. Эти переименуванія нужно постоянно имѣть въ виду при занятіяхъ (см. напр. Лейбовичъ Предисловіе къ сводной лѣтописи стр. IV—VI).

Прежде зачастую вмѣсто термина списокъ употребляли терминъ лѣтопись, напр. Лаврентьевскій списокъ, заключающій въ себѣ Древнюю лѣтопись и Суздальскую лѣтопись, — называли прежде Лаврентьевскою лѣтописью. Это смѣшеніе есть (по винѣ редактора — Я. И. Берендиковъ) и въ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей. Отъ такого смѣшенія можетъ выйти большая путаница, развѣ какая либо лѣтопись сохранилась въ одномъ лишь спискѣ, тогда это, разумѣется, все равно.

Лѣтопись обыкновенно издають сличенною по нѣсколькимъ спискамъ, причѣмъ всегда каждый списокъ болѣе или менѣе подробно описывается. Болѣе всего описаній, конечно, въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей.

Въ указанномъ уже сочиненіи Иванова описано 52 списка.

Всю массу лѣтописныхъ списковъ можно классифицировать по 4 признакамъ.

а) по содержанію, или, точнѣе, по мѣстности событій, которыя преимущественно въ нихъ изображаются, списки дѣлятся на разряды, напр. Древняя лѣтопись¹⁾, Кіевская, Нов-

¹⁾ Хотя она и кіевскаго разряда, но обыкновенно выдѣляется въ особый.

городскія, Псковскія и т. д. Въ позднѣйшіе сборники, конечно, вошли лѣтописи различныхъ разрядовъ.

б) Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою или выборомъ извѣстій, или ихъ размѣщеніемъ, или хронологіей, почему они дѣлятся на изводы ¹⁾. Древняя лѣтопись напр. можетъ быть южнаго извода, т. е. списки ея написаны на югѣ Россіи, или суздальскаго извода, т. е. списки ея написаны въ Суздальщинѣ ²⁾.

с) По формѣ изложенія списки распадаются на редакціи, которыя бывають пространныя или краткія.

Дѣленіе это можетъ быть введено лишь для систематизаціи, такъ какъ на самомъ дѣлѣ обыкновенно списки соединяють въ себѣ обѣ редакціи. Въ иныхъ спискахъ начало редакціи кратко до извѣстнаго момента, послѣ котораго слѣдуетъ пространная редакція; въ другихъ совершенно наоборотъ; иногда редакціи даже чередуются.

На практикѣ разница между изводомъ и редакціей такъ невелика, что, въ то время какъ Лейбовичъ изводомъ называетъ прямо разрядъ, отдѣляя отъ него редакцію, Бестужевъ-Рюминъ (въ Русской исторіи) отдѣляетъ изводъ отъ разряда, а изводъ и редакцію смѣшиваетъ, причѣмъ изъ опредѣленія видно, что онъ за редакцію принимаетъ именно изводъ. Практика оправдываетъ это смѣшеніе, такъ какъ слово изводъ мало вошло въ употребленіе и сплошь да рядомъ пишется: Кіевская лѣтопись суздальской редакціи (т. е. извода) или Новгородская—пространной редакціи. Но все же удобнѣе ихъ различать.

д) Существующіе списки сохранились, кажется, не раньше какъ съ XIV вѣка, и доходятъ до XVIII, почему ихъ и дѣлятъ на древніе и новыя, хотя, конечно, такое дѣленіе очень

¹⁾ Терминъ сравнительно новый, внесенный, кажется, Срезневскимъ. Въ XVIII в. Шлецеръ и Добровскій вмѣсто него употребляли терминъ редакціи.

²⁾ Замѣтимъ, что въ актѣ существованія южныхъ лѣтописей въ сѣверномъ изводѣ П. Строевъ видѣлъ доказательства того, что лѣтописи наши суть своды или сборники.

условно. Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ сѹть: Синодальный (новгородскій), писанный въ первой половинѣ XIV вѣка; Лаврентьевскій 1377 г., если не раньше: Одинъ изъ издателей его Тимковскій говорилъ Кубареву, что, судя по почерку и черниламъ, пожелтѣвшимъ отъ времени, онъ (или по крайней мѣрѣ первые 40 его листовъ) далеко отличается отъ приписки Лаврентія; поэтому самый списокъ гораздо древнѣ этой приписки (Др. и Нов. Р. 1880 г. № 2 Барсуковъ: Русскіе Палеологи); то же находилъ и Востоковъ (Погодинъ I, 80). Самъ же Погодинъ на основаніи палеографическихъ особенностей Лаврентьевскаго списка не сомнѣвался въ принадлежности первыхъ 40 листовъ его по крайней мѣрѣ къ XIII, а можетъ быть даже и XII вѣку (Борьба не на животъ, а на смерть). Довольно древни еще списки: Ипатьевскій — конца XIV или начала XV ¹⁾, Троицкій — XV, Радзивилловскій и Строевскій I—XV или начала XVI вѣка; остальные списки уже новѣе.

Было еще нѣсколько древнихъ списковъ, напр. Троицкій, сгорѣвшій въ Москвѣ въ 1812 г., также тѣ, которыми пользовался Татищевъ, напр. Раскольничій, и которые утратились.

Принято думать, что списокъ древнѣйшій есть въ то же время и наиболѣе правильный. Но это не всегда бываетъ такъ. Иногда списокъ новый можетъ быть переписанъ съ болѣе стараго, чѣмъ сохранившійся старый. Важно знать, когда именно написанъ былъ подлинникъ, съ котораго сдѣланы списки. Отъ этого наиболѣе зависитъ сужденіе о правильности списка. Большая или меньшая точность списка узнается по даннымъ языка. Ламбинъ, возстановляя нѣкоторыя мѣста древней лѣтописи, очень часто отдаетъ на этомъ основаніи преимущество позднѣйшимъ спискамъ, гдѣ, по его мнѣнію, эти мѣста были списаны съ подлинника точнѣе. Еще раньше такого же взгляда на списки держался Шлецеръ. Если же въ списокѣ подлинникъ измѣнился, то опредѣленіе времени занесенія въ лѣтопись сообщаемаго извѣстія представляется дѣломъ труднымъ. Словомъ,

¹⁾ По Колосову — второй половины XV в.

это вопросъ и малой и высокой критики по терминологіи Шлегера, т. е. и критики текста и критики содержанія.

е) По матеріалу, на которомъ различные списки написаны, они бываютъ или харатейные, т. е. писанные на пергаментѣ, или бумажные. Первыхъ крайне мало: Синодальный (новгородскій) да Лаврентьевскій. Былъ еще Троицкій харатейный, но онъ сгорѣлъ въ 1812 г. въ Москвѣ (часть его, впрочемъ, уже тогда была напечатана).

Новыя свѣдѣнія о немъ см. въ Читеніяхъ Моск. Общества за 1880 г. У Татищева тоже были харатейные списки, но теперь они утратились. Списокъ Ипатьевскій писанъ на бомбицинѣ.

О всѣхъ важнѣйшихъ спискахъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе.

Изданіе каждаго списка отдѣльно, какъ это принято было въ XVIII и началѣ XIX вѣка, помимо страшной дороговизны (почему и было такъ мало изданій¹⁾), представляетъ еще и потому ненужную роскошь, что многіе списки принадлежатъ къ одному и тому же изводу и редакціи, отличаясь лишь небольшими вариантами да языкомъ. Конечно, если самый языкъ списка важенъ (напр. въ древнихъ спискахъ), тогда списокъ долженъ быть напечатанъ вполнѣ; въ противномъ случаѣ достаточно издавать сводную лѣтопись, выбирая лучший списокъ за основной текстъ и относя варианты въ примѣчанія или печатая ихъ инымъ шрифтомъ. Такъ это теперь всегда и дѣлается; но въ прежнее время этимъ правомъ сводить нѣсколько списковъ въ одинъ текстъ пользовались иногда слишкомъ ужъ широко, сводя списки не только разныхъ редакцій, но и разныхъ изводовъ. Напр. въ Полн. собр. русскихъ лѣтописей древне-русская лѣтопись сведена, между прочимъ, по Лаврентьевскому и Ипатьевскому списку, изъ которыхъ первый суздальскаго, а второй южно-русскаго извода, оба древніе и значи-

¹⁾ Полнѣе насчитывается до Полнаго собранія русскихъ лѣтописей всего 17 изданій.

тельно отличаются между собою по языку. Теперь Археографическая Комиссія поправила эту ошибку новыми изданіями.

Правила, какъ издавать лѣтописи, выработаны очень давно — еще Шлецеромъ. У насъ держатся болѣе тѣхъ, которыя предложены Устряловымъ въ статьѣ: Предположеніе объ изданіи русскихъ лѣтописей, въ Ж. М. Н. Пр. т. XII.

Для важнѣйшихъ списковъ необходимы изданія, вполне удовлетворяющія требованіямъ строгой исторической критики, т. е. такія, чтобы по подобнымъ изданіямъ можно было изучить списокъ въ палеографическомъ отношеніи, какъ по самому оригиналу. Наша Археографическая Комиссія издала нѣсколько такихъ списковъ съ помощью фотолитографіи. Довольно точны и изданія лѣтописей Кн. Оболенскаго.

Въ нестрогихъ научныхъ изданіяхъ позволяется кое что поправлять, наприм. явныя описки (но и то очень осторожно), раздѣлять слитыя по прежнему обычаю слова; причеъ въ этихъ случаяхъ часто бываютъ и споры, напр. читать ли: умышываху у воды дѣвица, или уводы (т. е. уведомъ); а тѣмъ болѣе, если при общемъ сходствѣ есть разница въ одной какойнибудь буквѣ, однако измѣняющей смыслъ, напр.: и бѣ Якунь слѣпъ, или съ лѣпъ (т. е. красивъ) и т. п. Конечно, въ изданіяхъ всѣ такіе варианты должны быть отмѣчаемы.

Иногда лѣтописные списки дошли до насъ въ довольно испорченномъ видѣ: переписчикъ могъ не понять оригинала, съ котораго списывалъ. Если это списки поздніе и испорченность въ нихъ явна сама собою, напр. путемъ сличенія съ нынѣ лучшими списками той же редакціи, то при изданіи всѣ неправильности могутъ быть исправляемы.

Наконецъ, иногда порча въ списокѣ бываетъ механическая: листы утрачены (напр. въ Ипатьевскомъ списокѣ подъ 1073 г.), или нѣкоторые оборваны, или въ срединѣ протерты, или буквы стерлись такъ, что читать можно лишь предположительно. Если правильности чтенія можетъ помочь существованіе сходнаго списка, то при изданіяхъ дѣлается въ такихъ случаяхъ изъ

него вставка, которая должна быть оговорена, что, впрочемъ, всегда и практикуется; но это вопросъ маловажный.

Обыкновенно при изданіи лѣтописи прилагается нѣсколько палеографическихъ образцовъ и снимковъ съ рисунковъ, если таковые имѣются.

Въ литературѣ утвердились свои, какъ оказывается, несовсѣмъ правильныя названія лѣтописей, но они имѣютъ силу давности. Такъ древнѣйшій дошедшій до насъ сводъ называется Древне-русскою лѣтописью, или Древне-русскимъ сводомъ, или Повѣстью временныхъ лѣтъ, или наконецъ (особенно прежде) Лѣтописью Преподобнаго Нестора; нѣкоторые называютъ его Сильвестровскимъ сводомъ (Костомаровъ); другіе Кіево-Выдубецкимъ (Хрущовъ). Остальныя лѣтописи означаются именемъ мѣста, гдѣ онѣ составлены (иногда предполагаемаго), напр. Кіевская, Новгородская, или лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, Архангелогородскій и т. п.

Если лѣтописи какого либо разряда дошли въ нѣсколькихъ различныхъ изводахъ, то ихъ различаютъ по счету, напр. Новгородская первая, вторая и т. д. Къ наименованію Московская иногда прибавляютъ—оффиціальная. Лѣтопись Іоакимовская названа такъ Татищевымъ по имени предполагаемаго ея автора. Позднѣйшіе сборники, куда могли войти многія лѣтописи, называются какимъ нибудь случайнымъ признакомъ, напр. Воскресенскій отъ мѣста нахождения — Воскресенскаго монастыря; Никоновскій, отъ имени патріарха Никона, рукою котораго сверѣленъ одинъ изъ списковъ. Такъ какъ разница между нашими лѣтописями (чаще всего лѣтописными сводами) и лѣтописными сборниками не можетъ быть строго установлена и, кажется, состоятъ только въ томъ, что сборники вообще больше и славка извѣстій въ нихъ нѣсколько хуже, то выраженія Воскресенская, Никоновская лѣтопись употребляются постоянно, и къ этому всѣ уже привыкли.

Затѣмъ мы каждую лѣтопись будемъ разсматривать отдѣльно, придерживаясь дѣленія на разряды, и начнемъ съ важнѣйшей — съ древне-русскаго свода, тоже древне-русская

лѣтопись, повѣсть временныхъ лѣтъ, лѣтопись Нестора etc. Мы предпочтительно будемъ употреблять выраженіе древне-русская лѣтопись, такъ какъ это названіе освящено обычаемъ.

Древне-русская лѣтопись.

Этотъ лѣтописный сводъ имѣетъ изъ всѣхъ лѣтописей самое важное значеніе, главнымъ образомъ потому, что это важнѣйшій источникъ для всей древне-русской исторіи. Или непосредственно въ видѣ разсказа, или путемъ вставки въ этотъ разсказъ различныхъ актовъ, составитель этой лѣтописи сохранилъ намъ обиліе свѣдѣній о древней Руси. Какъ ни важны послѣдующія лѣтописи, но для времени, изображаемаго ими, является уже гораздо больше иныхъ историческихъ источниковъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ XVIII в., все болѣе и болѣе превосходятъ лѣтописи своимъ значеніемъ для исторіи. Кромѣ того древне-русская лѣтопись отличается многими свойствами, дѣлающими ее весьма интересною въ смыслѣ памятника древне-русской литературы.

Немудрено, что при такой важности Древне-русской лѣтописи именно на нее было особенно обращено вниманіе изслѣдователей, ей посвящены самые капитальные труды (Шлецера, Кубарева, Буткова, Вѣляева, Казанскаго, Сухомлинова, Срезневскаго, Оболенскаго, Ламбина и др.). Въ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію нѣсколькихъ лѣтописей, Древняя лѣтопись тоже занимаетъ главное мѣсто (у Костомарова, Бестужева Рюмина и др.). Разумѣется и намъ необходимо результаты изученія этой лѣтописи изложить какъ можно обстоятельнѣе.

Названіе, разбираемой нами лѣтописи, Древне-русскою не совсѣмъ точно: всѣ древнія лѣтописи—древне русскія, а это лѣтопись древняя кievская; но практика установила это названіе, чтобы отличить ее еще отъ одной кievской, хотя и древней, но болѣе поздней, чѣмъ эта.

Древняя лѣтопись сохранилась въ массѣ списковъ; видно, что она была весьма популярна въ древней Руси. Многіе лѣтописцы, составляя свою лѣтопись, начинали ее перепискою

древней лѣтописи, иногда сокращая, иногда пополняя ее; поэтому Древняя лѣтопись и дошла до насъ въ спискахъ самыхъ различныхъ редакцій и изводовъ. У Археологической Комиссіи было 53 списка древне-русской лѣтописи, которые она дѣлила на четыре текста (изводы и редакціи?): древній, средній, новый и сокращенный. Она хотѣла и издавать Древнюю лѣтопись по этимъ текстамъ (кромѣ сокращеннаго, который назначался въ варианты!); но, слава Богу, успѣла издать, и такимъ образомъ испортить одинъ лишь «древній» текстъ.

Лейбовичъ, издавая сводную лѣтопись изъ нѣсколькихъ списковъ, воспользовался 20 лѣтописями, которыя начинаются Древнею лѣтописью (не считая тѣхъ, которыми пользовался Татищевъ); причѣмъ многіе изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько списковъ. У Шлецера, при изданіи временника, были свои списки, теперь утраченные и т. п.

Въ примѣненіи къ Древней лѣтописи вообще важнѣйшими списками признаются наиболѣе древніе. Главные изъ нихъ относятся къ двумъ изводамъ: суздальскому и южно-русскому; списки остальныхъ изводовъ имѣютъ меньшее значеніе.

Изъ списковъ суздальскаго извода болѣе другихъ извѣстенъ такъ называемый Лаврентьевскій (харатейный), названный по имени суздальскаго монаха Лаврентія, списавшаго его въ 1377 г. для Великаго Князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. Можетъ быть, впрочемъ, часть его написана и раньше, а списокъ лишь оконченъ Лаврентіемъ. Мы привели объ этомъ отзывы Тимковскаго, Востокова и Погодина. Такъ какъ списокъ оканчивается 1305 г., то, вѣроятно, подлинникъ былъ составленъ въ началѣ XIV в. По крайней мѣрѣ Лаврентій, судя по его припискѣ, переписывалъ съ книги ветхой. Затѣмъ Лаврентьевскій списокъ принадлежалъ Владимірскому Рождественскому монастырю. Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, у котораго позднѣе онъ оказался, поднесъ его Императору Александру I, который подарилъ его Имп. Публ. Библіотекѣ, гдѣ онъ хранится и донинѣ.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ неточно назвалъ этотъ списокъ

Суздальскою лѣтописью; позднѣе (напр. у Карамзина) онъ сталъ называться Пушкинскимъ, а нынѣ Лаврентьевскимъ. Описаніе его сдѣлано Востоковымъ въ предисловіи Калайдовича къ изданію Древней лѣтописи Тимковскаго (см. ниже), а также въ предисловіи Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, изданной въ 1872 г. А. Ѳ. Бычковымъ. Кромѣ Древней лѣтописи въ этомъ спискѣ есть еще Суздальская лѣтопись, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Съ Лаврентьевскимъ спискомъ сходны: такъ наз. Академическій списокъ (прежде называвшійся Троицкимъ), рукопись Московской духовной академіи XV в. Свѣдѣнія о немъ тоже сообщены въ предисловіи къ Лаврентьевскому списку въ изданіи 1872 года.

Радзивилловскій — XV или начала XVI вѣка; но, вѣроятно, списанъ съ подлинника начала XIII в., такъ какъ оканчивается 1206 годомъ. Списокъ этотъ какому то Станиславомъ Зеновичемъ подаренъ былъ князю Радзивиланъ. Кн. Богуславъ Радзивилъ подарилъ его въ 1668 г. въ Кенигсбергскую бібліотеку, почему онъ называется еще и Кенигсбергскимъ. Петръ Великій, бывши въ 1716 г. въ Кенигсбергѣ, приказалъ сдѣлать съ него списокъ, а при занятіи Кенигсберга во время Семилѣтней войны и подлинникъ перешелъ въ Россію и поступилъ въ бібліотеку Академіи Наукъ. Такъ какъ этотъ списокъ былъ изданъ раньше другихъ съ именемъ преподобнаго Нестора, то его прежде называли Печатнымъ Несторомъ. Списокъ этотъ схожъ съ Академическимъ. Объ этомъ спискѣ см. тоже въ изданіи Лаврентьевскаго списка 1872 года.

Въ Радзивилловскомъ спискѣ есть очень грубая раскрашенная картинка, изображающая пишущаго монаха (въ текстѣ рѣчь идетъ объ основаніи Печерскаго монастыря). Подобныя изображенія пишущихъ лѣтописцевъ есть и въ германскихъ анналахъ.

Всѣ эти списки заключаютъ тоже и Суздальскую лѣтопись. Къ этому же изводу, вѣроятно, относятся три списка, которыми пользовался Тимковскій для своего изданія Древней

лѣтописи (изданной только въ 1824 г.) и которые сгорѣли; изъ нихъ Троицкій былъ харатейный, а именно былъ писанъ на грубомъ и невылощенномъ пергаментѣ (телятинѣ, по выраженію составителя старой описи). По этому и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ архимандритъ Леонидъ (Новыя свѣдѣнія о Троицкомъ спискѣ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1880 г. № 2) относитъ этотъ списокъ къ XIV, а, можетъ быть, и къ XIII в. Оканчивался онъ 1050 годомъ. Изъ него извѣстно то, что внесено, какъ вариантъ, въ очень рѣдкое изданіе Лаврентьевскаго списка Чеботарева и Черепанова 1804 г. (вышло всего 10 листовъ). Троицкимъ спискомъ пользовался еще и Миллеръ, который поправлялъ имъ печатный Радзивилловскій текстъ; поправки Миллера напечатаны Кн. Оболенскимъ въ его Сборникѣ № 11. Еще кое что изъ этого списка находится въ примѣчаніяхъ къ исторіи Карамзина.

Другіе списки изъ извѣстныхъ интереса не представляютъ.

Изъ списковъ южнаго извода важнѣе другихъ Ипатьевскій (или Ипатскій¹⁾), названный по мѣсту нахождения въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Сперва онъ принадлежалъ монастырскому слугѣ этого монастыря Тих. Андр. Мижуеву, потомъ тамъ же старцу Тарасію и, наконецъ, перешелъ въ бібліотеку Академіи Наукъ. Списокъ древній: его относятъ ко времени не позже XV в., а подлинникъ былъ составленъ въ концѣ XIII в., такъ какъ списокъ оканчивается 1296 г. Нѣкоторые изслѣдователи, напр. Янишъ, отдають ему преимущество даже предъ Лаврентьевскимъ спискомъ. Кромѣ Древней лѣтописи онъ заключаетъ въ себѣ лѣтопись Киевскую и Галицко-Волинскую.

Съ этимъ спискомъ сходно еще нѣсколько, напр. Погодинскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій и другіе (обо всѣхъ ихъ см. предисловіе въ II т. Полн. Собр. Лѣтописей и Пред. къ изданію лѣтописи по Ипатск. списку 1872 г.).

¹⁾ Колосовъ, по епиграфическимъ соображеніямъ, говоритъ, что его переписали въ послѣдній разъ и, можетъ быть, переделали въ сѣверной Руск.

Списки иныхъ позднѣйшихъ изводовъ менѣе важны. Обыкновенно переписчикъ переписывалъ одинъ изъ списковъ суздальскаго, дополняя его извѣстія изъ списковъ новгородскихъ и иныхъ. Впрочемъ ученые постоянно дѣлаютъ предположенія, что важное извѣстіе могло потеряться при перепискѣ Древней лѣтописи въ болѣе древніе списки и случайно сохраниться въ спискѣ извода поздняго, напр. новгородскаго или воскреснскаго и др.

Небольшое сличеніе важнѣйшихъ списковъ Древней русской лѣтописи есть у Сухомлинова.

Извѣстнѣйшія изданія Древне русской лѣтописи слѣдующія: Въ 1767 г. издана была Академіей Наукъ лѣтопись Нестора по Кенигсбергскому списку (иное названіе: Библіотека историческая, содержащая древнія лѣтописи, ч. I); это и есть такъ называемый Печатный Несторъ. Издавъ онъ подъ редакціей Баркова и очень плохо, предисловіе же написано Шлецеромъ. Шлецеръ позднѣе даетъ объ этомъ изданіи весьма строгій отзывъ; другіе изслѣдователи снисходительнѣе; но во всякомъ случаѣ теперь уже имъ пользоваться нельзя (см. объ этомъ изданіи у Полѣнова).

Въ 1824 г. Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку, сличенному съ иными, была издана Тимковскимъ. Это очень хорошее изданіе, но доведено оно лишь до 1019 года (Подробности о немъ тоже у Полѣнова).

Въ 1846 г. была издана Лаврентьевская лѣтопись въ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей т. I (подъ редакціей Я. И. Берендикова), причѣмъ она была сличена съ нѣсколькими списками, какъ своего извода, такъ и южнаго, который, появивъ въ варианты, оказался сильно искаженнымъ. Объ этомъ изданіи см. предисловія къ этому изданію и къ изданію 1872 г.

Въ 1872 г. Археографическая Коммиссія напечатала новое (подъ редакціей А. Ѳ. Вычкова) изданіе лѣтописи по Лаврентьевскому списку, сличенному съ Радзивилловскимъ, Академическимъ и Троицкимъ (сгорѣвшимъ). Списки же южно-русскаго извода (Ипатьевскій, Погодинскій и Хлѣбниковскій) были

отдѣлены и издано особо Археогр. Комиссіей, вмѣстѣ съ своимъ продолженіемъ, въ 1871 г. подъ редакціей С. Н. Палаузова, тогда какъ въ прежнемъ II томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей эти списки были напечатаны безъ начала, т. е. безъ Древней русской лѣтописи. Разумѣется, эти новыя изданія несравненно лучше прежнихъ.

Древняя лѣтопись по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискамъ кромѣ того издана была фотолитографически подъ названіемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ — по 1-му списку въ 1872, а по 2-му въ 1871 г. Есть еще учебныя изданія, но не важныя.

Есть заграничныя изданія и переводы, тоже мало интересныя въ научномъ отношеніи (См. Вестужевъ-Рюминъ Р. Исторія I Введ. пр. 4). Въ Германіи переводъ Несторовской лѣтописи былъ сдѣланъ (съ Печатнаго Нестора) еще въ 1773 году (Шлецеръ I, рѣз) Еп. Дамаскиномъ.

Сводный временникъ, изданный Шлецеромъ, о которомъ было выше говорено, самъ по себѣ, конечно, цѣны не имѣетъ.

Небезынтересное изданіе Древней лѣтописи было сдѣлано въ 1876 г. Л. Лейбовичемъ. Оно не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія, такъ какъ въ немъ умышленно выпущены всѣ извѣстія о Византіи, Болгаріи и т. п., словомъ, все не касающееся Россіи, вовсе не обращено вниманія на филологическую сторону и ин. др.; но для пользованія изданіе Лейбовича очень удобно.

Въ этомъ трудѣ Древняя лѣтопись напечатана сличенною по всѣмъ изданіямъ, въ нее даже внесены извѣстія изъ Таищева (хотя не всѣ и произвольно). Не вошли, случайно лишь, Степенная книга и начало Густинскаго списка, но и то авторъ въ предисловіи сдѣлалъ изъ нихъ выборку важнѣйшихъ извѣстій. За то Лейбовичъ пользовался неизданною до сихъ поръ такъ называемою лѣтописью Аврамки. Основной текстъ изданъ по Лаврентьевскому, а въ сноскахъ обозначены всѣ варианты и, такъ какъ къ книгѣ приложены обширные указатели, то отыскивать извѣстія по ней легко.

Въ приложеніяхъ напечатано нѣсколько, иногда тоже сведенныхъ, вставокъ, находящихся въ различныхъ спискахъ. Въ

началъ изданія есть обстоятельное предисловіе, посвященное главнымъ образомъ вопросу о спискахъ; есть и библиографія.

Проф. Ягичъ въ Archiv für slavische Philologie (Т. II вып. 3) далъ объ изданіи Лейбовича очень строгій, но вполне заслуженный отзывъ. Разумѣется, желательнее было бы болѣе серьезное изданіе, но и трудъ Лейбовича немаловаженъ, а при занятіяхъ весьма и удобенъ, напр. для справокъ, потому что легче имѣть подъ руками одну небольшую книгу, чѣмъ всѣ томы Полнаго Собранія и еще нѣсколько изданій¹⁾

Кѣмъ составлена Древняя лѣтопись? Мы видѣли, что долгое время составителемъ, или правильнѣе—лѣтописцемъ ея признавался, согласно съ мнѣніемъ Татищева, Преподобный Несторъ, отчего и лѣтопись названа была его именемъ, причѣмъ Пр. Нестора считали и первымъ лѣтописцемъ въ Россіи.

Мнѣнія о принадлежности лѣтописи Пр. Нестору держатся не только Погодинъ и Бутковъ, но и писатели болѣе новыя, уже знакомые съ важнѣйшими сочиненіями о Древней лѣтописи, напр. Разсудовъ, Лашинюковъ, Ламбянъ; впрочемъ всѣ они повторяютъ аргументы Погодина, опираясь главнымъ образомъ на то, что въ Хлѣбниковскомъ, одномъ Архивномъ и трехъ, извѣстныхъ Татищеву, ея спискахъ приписано имя Нестора²⁾. Но эти списки всѣ поздніе и извѣстная приписка обозначаетъ лишь существованіе преданія о принадлежности этой лѣтописи Нестору, источникъ котораго мы сейчасъ и укажемъ. Преданіе это перешло въ компіляціи XVII вѣка, напр. къ Сафоновичу, а потомъ и въ историографію XVIII в.; но мы видѣли, что преданіе, занесенное въ лѣтопись, указываетъ и нѣкя имена (Сильвестра, Георгія)

¹⁾ Повидимому г. Лейбовичъ намѣревался продолжать свой трудъ; книга называется: Сводная лѣтопись вып. 1-ый; въ предисловіи тоже общается продолженіе, но оно не появилось. Между тѣмъ для Кіевской лѣтописи и иныхъ такое изданіе было бы еще полезнѣе, чѣмъ для Древней лѣтописи, извѣстной чуть ли не наизусть, и продолженіе работы г. Лейбовича было бы дѣломъ весьма полезнымъ и сравнительно неособенно труднымъ.

²⁾ Кромѣ Татищева о такой припискѣ свидѣтельствуютъ еще Миллеръ, Карамзинъ и Перевощиковъ.

Второй аргументъ тотъ, что въ посланіи игумена Печерскаго Поликарпа къ архимандриту Акидину въ Патерикѣ Печерскомъ (при окончаніи житія Св. Агапита) говорится, что Пр. Несторъ написалъ въ лѣтописцѣ житія Святыхъ Дамьяна, Іереміи, Матеія и Исакія; житія этихъ Святыхъ есть и въ Древней лѣтописи. Но этотъ аргументъ, собственно говоря, ничего не доказываетъ и можетъ развѣ объяснить, какимъ образомъ, исходя изъ этихъ житій, возникло преданіе о принадлежности всей Древней лѣтописи Преподобному Нестору.

Наконецъ послѣдній аргументъ, что въ Воскресенскомъ спискѣ подъ 1091 г. разсказчикъ упоминаетъ о себѣ при открытіи мощей Св. Θεодосія такимъ образомъ: азъ же (грѣшный иже и лѣтописаніе се въ то время писахъ) вземъ рогалю, начяхъ копати и т. д. Въ Патерикѣ же Печерскомъ этотъ бывший при открытіи мощей Св. Θεодосія монахъ названъ Несторомъ.

Это извѣстіе Воскресенскаго списка нѣсколько еще подкрѣпляется извѣстіемъ. очень раннихъ списковъ Древней лѣтописи подъ 1051 г., что въ числѣ лицъ, приходившихъ къ Св. Θεодосію постричься въ монахи былъ и разсказчикъ: къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ и пріятель ми, лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего¹⁾. Въ Патерикѣ же Печерскомъ все это говорится о Пр. Несторѣ. И вообще Патерикъ (древняго списка) постоянно придаетъ Нестору званіе лѣтописца, см. напр. въ житіи Св. Никиты Затворника.

Здѣсь аргументація сильнѣе другихъ и, хотя Воскресенскій списокъ поздній и конструкція фразы обозначаетъ вставку, но трудно допустить фальсификацію. Предполагать занесеніе преданія о Несторѣ и въ Патерикѣ Печерскій, т. е. цѣлый рядъ вставокъ, безъ всякаго на то основанія, трудно. Казанскій пытался было поколебать авторитетъ Патерика, именно счелъ вставкою извѣстіе въ посланіи Поликарпа къ Акидину; но мнѣніе его легко было опровергнуто Шевыревымъ. (Выше

¹⁾ Въ такъ называемомъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго тою же рукою (по завѣренію редакторовъ), что и весь списокъ, на полѣ сдѣлана приписка: Несторъ; но это списокъ поздній и видно вліаніе традиціи.

были указаны сочиненія, явившіяся результатомъ статьи Казанскаго о Несторѣ: здѣсь споръ шолъ о мельчайшихъ деталяхъ). Голубинскій принимаетъ, что преданіе о принадлежности лѣтописи Нестору возникло въ самомъ Печерскомъ монастырѣ и въ очень раннее время; но должно же было въ такомъ случаѣ существовать для этого какое либо основаніе. Поликарпъ положительно упоминающій о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ, жилъ не позже 100 лѣтъ послѣ Нестора.

Въ силу этихъ соображеній необходимо допустить, какъ дѣлаетъ напр. Костомаровъ (это мнѣніе впрочемъ нынѣ господствующее), что Пр. Несторъ былъ лѣтописецъ Печерскій и, вмѣстѣ съ жителями святыхъ писалъ и монастырскую лѣтопись, которая вошла въ число источниковъ сохранившейся древней. Но, какъ увидимъ ниже, извѣстія въ лѣтописи, касающіяся Печерскаго монастыря, иногда очень сильно расходятся съ извѣстіями, находящимися въ Патерикѣ Печерскомъ и принадлежащими несомнѣнно Пр. Нестору, и притомъ такъ, что необходимо допустить существованіе по крайней мѣрѣ еще одного лѣтописца въ Печерскомъ монастырѣ раньше Пр. Нестора (а тѣмъ болѣе послѣ него, что впрочемъ стоитъ внѣ сомнѣній), что отнюдь не невѣроятно и на что составители Патерика, внесшіе извѣстія о Пр. Несторѣ, могли не обратить достаточно вниманія.

И такъ Пр. Несторъ лѣтописецъ—лицо не вымышленное; жилъ онъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ въ концѣ XI в., но пришелъ туда даже не при Св. Θεодосіѣ, а при преемникѣ его Стефанѣ, т. е. вскорѣ послѣ 1074 г.¹⁾, писалъ тамъ житія Святыхъ Бориса и Глѣба, Θεодосія и еще нѣкоторыхъ другихъ святыхъ (изъ Патерика извѣстно даже какихъ именно), а также лѣтопись; пользовался общимъ уваженіемъ и извѣстною популярностью. Патерикъ говоритъ о Несторѣ: «поживе же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлахъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминал, и такъ добръ угоди творцу лѣтъ; къ нему же по лѣ-

¹⁾ Объ этомъ онъ самъ сообщаетъ въ житіи Св. Θεодосія.

тѣхъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность». Мощи его почиваютъ въ пещерахъ и до настоящаго времени. Вотъ едва ли не все, что мы о немъ и знаемъ.

Въ прежнее время относили къ Пр. Нестору всѣ тѣ мѣста Древней лѣтописи, въ которыхъ идетъ рѣчь въ первомъ лицѣ, т. е. и то, что онъ 17 лѣтъ пришолъ къ Св. Θεодосію, и то, что онъ во время обрѣтенія мощей Св. Θεодосія писалъ лѣтопись и т. д. Такимъ образомъ получалась довольно обстоятельная біографія Нестора (напр. въ сочин. Погодина, Кубарева); Шлецеръ точно опредѣлилъ и годы жизни Нестора съ 1056—1116 г., и пришествіе въ Печерскій монастырь въ 1673 г., Татищевъ даже указалъ родину Нестора — около Вѣлаго озера; но теперь создавать такимъ образомъ біографію Нестора уже невозможно.

Давно было замѣчено, что въ одномъ мѣствѣ лѣтописи рассказчикъ называетъ себя Василиемъ (когда Несторъ давно уже былъ въ монастырѣ). Объяснить это было, положимъ, не трудно. Такъ Бутковъ объясняетъ, что Пр. Несторъ внесъ рассказъ Василія и забылъ прибавить: Се же хочу сказать, яже слышалъ, — какъ поступилъ онъ съ рассказомъ Гюраты Роговича (подъ 1096 г.). Если бы такой приписки не было, то оказался бы новый рассказчикъ въ лѣтописи — Гюрата, такъ какъ рассказъ идетъ отъ его лица. Но и при такомъ объясненіи все же остается сомнѣніе: а другія мѣста, гдѣ рѣчь идетъ въ первомъ лицѣ, не зашли ли въ лѣтопись въ качествѣ вноснаго предложенія? Вопросъ разумѣется неразрѣшимый.

Второе, обратившее на себя вниманіе, обстоятельство была извѣстная приписка игумена Сильвестра Вндубецкаго, что онъ «написалъ книги сіа лѣтописецъ». Но и это не такъ важно, такъ какъ написалъ можетъ, пожалуй, означать и просто переписалъ (мнѣніе Барамзина), т. е. написалъ въ бубвальномъ смыслѣ слова. Лаврентій говоритъ же въ своей извѣстной припискѣ: «началъ есмь писати книги сіа, глаголемнѣи лѣтописецъ», — тогда какъ онъ былъ переписчикъ лѣтописи.

Но затѣмъ были указаны въ самой лѣтописи значитель-

ныя противорѣчія. Особенно они были подчеркнуты Казанскимъ и Костомаровымъ. Такъ напр. лѣтописецъ говоритъ объ основаніи Переяслава послѣ того, какъ онъ объ немъ уже упоминалъ; два раза говоритъ о приходѣ Печенѣговъ *впервые* на русскую землю; говоритъ, что торки погибли совершенно, а они являются опять чрезъ 21 годъ Положимъ, и эти противорѣчія могутъ быть согласованы. Въ первомъ случаѣ Несторъ внесъ преданіе объ основаніи Переяслава, не позаботясь согласить его съ иными извѣстіями; въ двухъ остальныхъ можно видѣть неточность редакціи; такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ это Лапшиковъ; тѣмъ болѣе, что мѣсто о торкахъ допускаетъ и иное толкованіе.

Но есть и новый аргументъ:

Въ лѣтописи есть извѣстія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ. Въ то же время сохранилось Чтеніе о житіи и погубленіи блаженную страстотерпицу Бориса и Глѣба (есть списокъ XIV в.¹⁾, но отрывокъ, хранящійся въ Импер. Публичной Библіотекѣ, писанъ еще въ XII в.), написанное Пр. Несторомъ, о чемъ говорится прямо: «Се же азъ Нестеръ грѣшныи о житіи и о погубленіи, и о чудесѣхъ святою и блаженною страстотерпицею сею опаснѣ вѣдущихъ исписавы и другая свѣды отъ многихъ мало вписахъ». Это житіе представляетъ очень трудно согласимыя противорѣчія съ лѣтописью, ихъ можно видѣть напр. у Костомарова, или въ соч. Владимірскаго (Учон. Зап. Казанскаго Ун. 1875 г. № 5. О прологѣ). Митрополитъ Макарій объясняетъ эти противорѣчія тѣмъ, что житіе написано Пр. Несторомъ въ молодости, а лѣтописныя извѣстія позднѣе, когда онъ могъ знать подробности лучше; но это предположеніе довольно произвольное: въ житіи видна обширная начитанность автора.

Вопросъ былъ рѣшенъ сочиненіемъ Вилларскаго, указавшаго на несогласную разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу,

¹⁾ Изданіе Срезневскаго въ 1830 г. Обзорѣніе его есть у Хрущева.

Лашнюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія Св. Бориса и Глѣба Пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему лѣтописа, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобравъ всѣ предыдущія мнѣнія; но для него является, повидимому, несомнѣннымъ фактъ, что лѣтопись писана Пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не поднимаетъ. За принадлежность же Пр. Нестору житія стоятъ такіе крупныя авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Лѣтописное житіе Св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ сказанія страстей и похвалы объ убіеніи святуя мученику Бориса и Глѣба Іакова Мниха; такъ полагають Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. др.; но и это оспаривають. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ Древнюю лѣтопись.

Казанскій указываетъ еще на нѣкоторыя противорѣчія лѣтописи съ Патерикомъ, особенно съ житіемъ Св. Θεодосія, тоже написаннымъ Пр. Несторомъ¹⁾. Эти противорѣчія такъ велики, что недавно Проф. Голубинскій (Ист. Русск церкви I, 2-ая половинна, а также въ 1-ой половинѣ стр. 645), сопоставляя извѣстія изъ этихъ источниковъ, касающіяся Почерскаго монастыря, не только отдастъ преимущество лѣтописи, но и обвиняетъ Нестора въ намѣренномъ извращеніи истины.

Н. Владимірскій (I. с.) думаетъ, что и это житіе написано не Пр. Несторомъ, но впрочемъ допускаетъ, что противорѣчія могли явиться въ силу разновременности сочиненія.

Чтобы сохранить за Пр. Несторомъ авторство лѣтописи, Лашнюковъ силится подорвать довѣріе къ Патерику, какъ источнику, еще строго критически не изученному, но онъ забываетъ, что авторство Пр. Нестора несравненно въ большей мѣрѣ опирается на Патерикъ, чѣмъ на самую лѣтопись.

Наконецъ Забѣляиъ, не считая сохранившейся Древнерусской лѣтописи чистымъ сочиненіемъ Нестора (см. ниже) и

¹⁾ Напечатано по списку XII в. въ Чтен. Моск. Общества Исторіи и Древностей 1858 г. кн. 3.

допуская вставки, которые могли дѣлаться уже самимъ Пр. Несторомъ, и за нимъ и другими лѣтописцами, почему онъ теперь для насъ неопредѣлимы (но чѣмъ, конечно, могутъ быть объяснены всякія противорѣчія), все же авторомъ Древней лѣтописи считаетъ Пр. Нестора. Поставленный такимъ образомъ вопросъ, разумѣется, выводитъ предметъ изъ области спора; но такимъ предположеніемъ труднѣе всего доказать именно принадлежность лѣтописи Пр. Нестору.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній надо признать, что сохранившаяся Древняя лѣтопись написана не Пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ.

Гораздо болѣе вѣроятія имѣетъ мнѣніе, что Древняя лѣтопись есть сводъ, что этотъ сводъ составленъ въ XII в. и авторомъ его былъ Сильвестръ игуменъ Выдубецкаго монастыря, о припискѣ котораго подъ 1116 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ уже была рѣчь.

Въ пользу того, что Древняя лѣтопись есть сводъ, говорить во первыхъ сравнительное разнообразіе ея источниковъ, которые вовсе не переработаны въ одно сочиненіе, а оставлены болшею частью въ сыромъ видѣ. Многіе изъ нихъ сохранились и отдѣльно, независимо отъ лѣтописи. Этотъ вопросъ превосходно разработанъ Бестужевымъ-Рюминнымъ въ 1-ой главѣ его труда. Во вторыхъ трудно допустить въ XI или XII вѣкѣ возможность для одного человѣка сочинить подобный капитальный историческій трудъ. Признаюсь, что трудно привыкнуть даже къ мысли, что сохранившаяся Древняя лѣтопись есть сводъ начала XII вѣка, т. е. что въ началѣ XII в. возможны были такіе капитальные труды. Вѣдь составитель лѣтописнаго свода внесъ въ него массу матеріаловъ, которые могли достаться ему лишь съ величайшимъ трудомъ, послѣ многихъ хлопотъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были въ Новгородѣ, иные въ Ростовѣ и т. д. Однако Бестужевъ-Рюминъ во II-ой главѣ доказываетъ принадлежность свода XII вѣку весьма убѣдительно. Напр. при извѣстїи, что Давидъ Игоревичъ получилъ До-

рогобужь, замѣчено: и въ немъ же умре (онъ умеръ въ 6621 г.); а о Васильѣ, умершемъ въ 6632 г., говорится: есть рана та на Васильѣ и нынѣ. О церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 6580 г., сказано: яже стоитъ и нынѣ, а новая церковь освящена въ 6623 г. Эти довольно вѣскія свидѣтельства подкрѣпляются еще и тѣмъ, что приблизительно съ начала XII вѣка начинается большее разногласіе въ спискахъ: они явно распадаются на различные изводы ¹⁾).

Замѣтимъ, что и считавшіе Нестора авторомъ древнѣйшей лѣтописи, тоже относили сочиненіе ея къ началу XII в.

Годъ, гдѣ оканчивается древній сводъ, можно опредѣлить и точнѣе. Большинство изслѣдователей: Карамзинъ, Бередниковъ, особенно Бѣляевъ и потомъ многіе другіе считаютъ послѣднимъ годомъ свода (или лѣтописи) 6618 (1110) годъ, за которымъ слѣдуетъ приписка Сильвестра. Съ этого года, говоритъ Бѣляевъ, въ извѣстіяхъ нѣсколькихъ, наиболѣе схожихъ списковъ есть значительная разница, есть разница и въ манерѣ изложенія и въ слогѣ лѣтописи до и послѣ 6618 г. и, наконецъ, послѣ этого года нѣкоторыя событія повторены. Названные выше историки думаютъ, что лѣтопись въ 6618 г. окончилъ Несторъ, но въ данномъ случаѣ это все равно.

Вестужевъ-Рюминъ считаетъ вѣроятнымъ, что сводъ оканчивается нѣсколько позднѣе, такъ какъ находитъ соотвѣтствіе между однимъ мѣстомъ лѣтописи до приписки и однимъ мѣстомъ послѣ приписки. Оба эти мѣста могли составлять особое сказаніе. Но онъ не настаиваетъ на своемъ мнѣніи, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ можно предполагать путаницу, происшедшую по винѣ переписчика.

Бутковъ считаетъ годомъ окончанія лѣтописи годъ смерти Святополка Михайла, имя котораго помѣщено послѣднимъ въ хронологической росписи, т. е. 1113 годъ. По его мнѣнію важныя разнорѣчія въ спискахъ начинаются именно отсюда. Мнѣніе это принято и Бѣловскимъ (въ предисловіи къ Мопи-

¹⁾ Редакція—у Вестужева-Рюмина.

menta Histor. Poloniae т. I). Но на это возражаютъ, что составитель могъ желать довести лѣтопись до смерти Святополка, но вѣтъ основанія думать, что онъ довелъ ее именно до этого времени.

Миллеръ относитъ окончаніе лѣтописи къ 1115 г. на томъ основаніи, что приписка Сильвестра была сдѣлана въ 1116 году; Шлецеръ же совершенно послѣдовательно, даже къ 1116 году. Но лѣтопись могла быть составлена въ одномъ году, а оканчиваться могла совершенно другимъ. Вѣроятно она и была составлена между 1113 — 1116 годами, въ княженіе Владиміра Мономаха, такъ какъ въ 1113 году умеръ Святополкъ, смерть котораго внесена въ хронологическую роспись.

Иловайскій тоже принимаетъ 1116 годъ за годъ окончанія Древней лѣтописи, считая появленіе приписки Сильвестра подъ 1110 г. ошибкою¹⁾. Въ Никоновской лѣтописи эта приписка стоитъ именно подъ 1116 годомъ.

Нѣкоторые изслѣдователи считали окончаніе Древней лѣтописи и раньше, напр. Татищевъ относилъ составленіе ея къ 1093 г., такъ какъ за этимъ годомъ стоитъ въ нныхъ спискахъ: аминь. Но Погодинъ подобралъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ пользу того, что аминь могъ быть поставленъ среди текста. Перевощиковъ нашелъ подобный аминь въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ 1073 г. и это тѣмъ болѣе интересно, что именно съ этого года чувствуется большая разница, какъ въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ очень многими списками, до этого года сходными, такъ и въ языкѣ ихъ. Въ силу этого Перевощиковъ и считаетъ окончаніемъ лѣтописи именно 1073 годъ.

Погодинъ, не соглашаясь съ Перевощиковымъ о разницѣ въ спискахъ и не дѣлая никакихъ самостоятельныхъ выводовъ, указываетъ однако, что путаница въ концѣ лѣтописи начинается со внесенія въ нее подъ 1097 г. сказанія объ ослѣпленіи Василька. Всѣ подобныя указанія, по мнѣнію Бестужева-

¹⁾ Онъ считаетъ назначеніе Владиміромъ Мономахомъ Сильвестра епископомъ Переяславскимъ наградою за лѣтописный трудъ.

Рюмина, даютъ возможность предполагать существованіе предшествоващаго Древней лѣтописи лѣтописнаго свода. Это очень возможно, и возможно даже предположить, что такой предыдущій сводъ былъ не одинъ, причѣмъ каждый изъ этихъ сводовъ былъ поглощенъ послѣдующимъ. Мы видѣли, что Срезневскій (Чтенія) принимаетъ три такихъ концентрическихъ свода, согласно извѣстнымъ хронологическимъ гранямъ.

Иловайскій, не отрицая существованія лѣтописи, предшествовавшей Повѣсти временныхъ лѣтъ, не признаетъ самостоятельности имѣющагося у насъ свода начала XII, а считаетъ его частью кievскаго лѣтописнаго свода, извѣстія котораго доходятъ до конца XII вѣка; самый же сводъ былъ составленъ можетъ быть даже и въ началѣ XIII в. Въ доказательствахъ своихъ Иловайскій особенно наираетъ на тотъ фактъ, что многія извѣстія такъ называемой Повѣсти временныхъ лѣтъ по всѣмъ признакамъ принадлежатъ къ болѣе позднему времени, причѣмъ въ нихъ даже нѣтъ разницы въ языкѣ. Приводимые Иловайскимъ примѣры въ статьѣ: «Еще о Норманизмѣ» очень остроумны, но всѣ положенія высказываются имъ безъ какого бы то ни было анализа, въ данномъ случаѣ необходимаго, такъ какъ всѣ примѣры здѣсь общезвѣстны и ихъ можно истолковать, да и толкуются они обыкновенно совсѣмъ иначе.

Наконецъ Забѣлинъ считаетъ вопросъ объ окончаніи Древней русской лѣтописи неразрѣшимымъ по существу, такъ какъ, по его мнѣнію, и позднѣйшія лѣтописи до самаго XVII вѣка ничѣмъ не отличаются отъ Древней: одинъ тонъ, одинъ характеръ повѣствованія, въ которомъ дѣло личнаго авторства совсѣмъ исчезаетъ, все сливается въ непрерывный и цѣльный рассказъ. Конечно, авторомъ слишкомъ раздвинуты рамки, но для вопроса о границѣ между Древнею и Кіевскою лѣтописями это замѣчаніе имѣетъ цѣну.

Всѣ принимающіе Древнюю лѣтопись за сводъ XII вѣка совершенно послѣдовательно составителемъ его считаютъ Сильвестра, на основаніи извѣстной приписки. Этого мнѣнія о Сильвестрѣ, какъ о составителѣ свода, держатся: Срезневскій, ха-

рактизируя самое отношеніе Сильвестра къ дѣлу (Чтенія), Костомаровъ и даже Иловайскій¹⁾, считая Сильвестра авторомъ Древней лѣтописи, переработанной въ кievскомъ сводѣ, и относя къ нему нѣкоторыя изъ тѣхъ извѣстій, которыя прежде приурочивались къ Нестору, напр. что онъ пришелъ къ Θεодосію 17 лѣтъ и др. Для этого предполагается, что Сильвестръ былъ монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря (но не тѣмъ, который похороненъ въ пещерахъ — см. Бутковъ «Оборона», стр. 216). Приписка же его подъ 1116 г. въ лѣтописи уцѣлѣла случайно. Голубинскій считаетъ несомнѣннымъ, что по крайней мѣрѣ отъ 1060 г. до конца, т. е. на пространствѣ 50 лѣтъ лѣтопись написана (а не составлена) однимъ лицомъ — монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря и, относя къ нему нѣсколько автобіографическихъ указаній лѣтописи, тоже склоненъ считать этимъ монахомъ Сильвестра, доказывая, что приписка (особенно въ редакціи Никоновской лѣтописи) скорѣе обнаруживаетъ автора лѣтописи, чѣмъ ея переписчика.

Бестужевъ-Рюминъ подтверждаетъ мнѣніе о принадлежности приписки Сильвестру еще и тѣмъ, что указываетъ, какъ нѣкоторыя даты, обличающія въ составителя свода лицо XII в., отлично подходятъ къ Сильвестру, напр. говорится о Васильбѣ, какъ о лицѣ живомъ—онъ умеръ черезъ годъ послѣ Сильвестра.

Если сводъ составленъ Сильвестромъ, бывшимъ въ то время игуменомъ Выдубецкаго монастыря, то онъ и составленъ въ этомъ монастырѣ, такъ что приписка: «черноризца Печерскаго монастыря» обозначаетъ или позднѣйшее преданіе, что вся лѣтопись составлена въ Печерскомъ монастырѣ, или относится только къ части лѣтописи.

Но въ то же время Бестужевъ-Рюминъ указываетъ, что въ сводѣ незамѣтно особеннаго расположенія къ Владиміру Мономаху. Согласно ли это съ предположеніемъ, что авторъ—

¹⁾ Присоединимъ сюда и В. И. Григоровича. Мы сами отъ него это мнѣніе неразъ слышали.

лицо столь близкое къ Мономаху, какъ былъ Сильвестръ, ставшій при немъ даже епископомъ Переяславскимъ? Разумѣется, отвѣчать на это трудно, тѣмъ болѣе, что въ лѣтописи незамѣтно и вражды къ Мономаху; здѣсь нуженъ бы очень тонкій анализъ. Затѣмъ Вестужевъ-Рюминъ приводитъ, по его мнѣнію, вѣское замѣчаніе Буткова противъ принадлежности лѣтописи Сильвестру (остальныя онъ самъ легко опровергаетъ): почему такъ мало извѣстій въ лѣтописи о Видубецкомъ монастырѣ, архимандритомъ котораго былъ Сильвестръ? Но это аргументъ отрицательный и на него можно отвѣтить просто незнаніемъ нами всѣхъ условій, при которыхъ составлялась лѣтопись¹⁾.

Замѣтимъ еще предположеніе Хруцова, что Сильвестръ былъ изъ Переяславля; но лѣтопись для этого мнѣнія не даетъ достаточно основаній.

Защищающіе принадлежность Древней лѣтописи Пр. Нестору (напр. Лашнюковъ) считаютъ Сильвестра лишь ея перепищикомъ, но приписку скорѣе можно толковать въ смыслѣ самостоятельной дѣятельности писавшаго (См. еще соображенія Голубинскаго I, 647).

Попалось намъ еще гдѣ то замѣчаніе, что Сильвестръ продолжалъ лѣтопись собственно послѣ 1116 года, но изъ приписки этого не видно; такія приписки всегда стоятъ въ концѣ; а иныхъ аргументовъ нѣтъ.

Бѣлевскій на основаніи одного мѣста изъ Татищева (Ист. Росс. II, 206 — изъ утраченныхъ списковъ) думаетъ, что Сильвестръ описалъ только чудо, которымъ лѣтопись оканчивается; но опять таки единственный источникъ — приписка — этому явно противорѣчить.

Скептики указывали, что считается лѣтописцемъ одинаково съ Несторомъ и Сильвестромъ, еще имѣетъ право и нѣкто Василій, заявляющій о себѣ подъ 1097 г. Даже Карамзинъ видѣлъ въ немъ пополнителя Несторовской лѣтописи, но здѣсь очевидно, что Василію принадлежитъ только одинъ разсказъ объ ослѣпленіи Василька.

¹⁾ Отвѣтъ на этотъ вопросъ Хруцова (стр. 101) несомнѣнъ удаченъ.

Иловайскій составителемъ свода, заключающаго въ себѣ Древнюю и Кіевскую лѣтописи, считаетъ архимандрита Выдубецкаго монастыря Мойсея. О Кіевской лѣтописи мы еще будемъ говорить, мнѣніе же Иловайскаго относительно участія архим. Мойсея въ составленіи Древняго лѣтописнаго свода, мы считаемъ недоказаннымъ.

Бередииковъ думалъ, что нѣкоторыя извѣстія вставлены въ Древній сводъ Лаврентіемъ при выборѣ извѣстій изъ древнѣйшихъ лѣтописей, отчего и возникли повторенія. Но съ Лаврентьевскимъ спискомъ схожъ и Ипатьевскій, который (да и всѣ остальные) вовсе не былъ копіей съ Лаврентьевскаго.

Мнѣніе о поддѣлкѣ Древней лѣтописи мы считаемъ не нуждающимся въ опроверженіи.

Въ какомъ видѣ дошелъ до насъ лѣтописный сводъ XII вѣка? И на этотъ счетъ въ наукѣ существуютъ разнообразныя мнѣнія. Шлецеръ полагалъ, что лѣтопись Нестора досталась намъ весьма испорченною переписчиками. Забѣлинъ говоритъ, что чистаго Нестора никогда и не существовало. Въ первой же копіи съ него уже должны были находиться свои прибавки, объясненія и т. п., такъ какъ и самъ Несторъ, переписывая вновь свою лѣтопись, долженъ былъ вносить въ нее новыя вставки, объясненія и т. п., ибо это не сочиненіе, а сборникъ.

Погодинъ, напротивъ, увѣренъ, что мы имѣемъ лѣтопись Нестора почти въ чистомъ видѣ. Различные изслѣдователи никогда не затруднялись то или другое извѣстіе, согласно съ какою нибудь данною цѣлью, считать вставкою. Бестужевъ Рюминъ при каждомъ извѣстіи задаетъ вопросъ: а не внесено ли оно въ сводъ позднѣе? И онъ правъ: доказать, что извѣстіе, когда бы оно ни было записано, не занесено въ сводъ позднѣе—абсолютно невозможно. Можетъ быть запись прошла черезъ нѣсколько сводовъ? И этого отрицать нельзя. Можно еще говорить, да и то лишь предположительно, о томъ, когда записано извѣстіе, современна ли эта записка. Но когда извѣстная записка попала въ дошедшій до насъ сводъ—это вопросъ, разумѣется, неразрѣшенный, такъ какъ единственнымъ доказа-

тельствомъ могло бы служить обозначеніе въ самомъ сводѣ времени, когда она была внесена, чего нѣтъ. Даже находженіе извѣстія въ разныхъ спискахъ, которые сходны до извѣстнаго періода и расходятся далѣе, ничего не доказываетъ: можетъ быть у составителей или переписчиковъ подъ рукою былъ одинъ и тотъ же источникъ. Словомъ, вопросъ не разрѣшимъ по существу. Даже филологическая критика здѣсь не въ силахъ помочь: она можетъ судить о томъ, когда составлено было извѣстіе, но (по крайней мѣрѣ пока) не можетъ рѣшить, когда оно внесено въ извѣстный списокъ.

Иловайскій, мы видѣли, совсѣмъ отрицаетъ принадлежность дошедшаго до насъ свода XII вѣку.

Мы не говоримъ о томъ, что почти во всѣхъ спискахъ Древней лѣтописи есть ошибки и неисправности, подобныя тѣмъ, о которыхъ было сказано на стр. 99-й; онѣ болѣе и менѣе исправлены теперь, благодаря сличенію списковъ между собою.

Раньше, чѣмъ дѣлать анализъ Древней лѣтописи; прослѣдимъ вскользь ея предполагаемое содержаніе по древнѣйшимъ спискамъ.

Начинается она въ Лаврентьевскомъ и иныхъ спискахъ знаменитою заглавною фразою: Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть.

По этой фразѣ лѣтопись и была прозвана Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Выраженіе «временныхъ лѣтъ» Голубинскій толкуетъ повѣстью лѣтъ, снабженныхъ хронологіей, приводя переводъ фразы изъ Амартола βιβλία χρονικῆ—книги временныя.

Въ иныхъ спискахъ есть приписка: Черноризца Феодосева монастыря Печерскаго, а въ иныхъ даже приписано имя Нестора (см. выше).

Послѣ заглавія: Се почнемъ повѣсть сію.

Далѣе слѣдуетъ разселеніе народовъ послѣ потопа, разселеніе славянъ и русскихъ славянъ; описаніе воднаго пути изъ Варягъ въ Греки и путешествія Св. Андрея (съ разска-

зомъ о баняхъ), рассказъ объ основаніи Кіева и этнографическія свѣдѣнія о народахъ, живущихъ въ Россіи (между прочимъ легенды объ обрахъ).

Собственно лѣтопись начинается такъ: Въ лѣто 6360 индѣкта 15 день наченшю Михаилу (Императоръ византійскій Михаилъ III) царствовать, начаса прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречѣствѣмъ. Тѣмъ же отседе почнемъ и числа положимъ.

Къ этому приложена и хронологическая таблица такъ: Отъ Адама до потопа столько то лѣтъ, отъ потопа до Авраама столько то... отъ Константина же до Михаила столько то. А отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олегова русскаго князя лѣтъ 29; далѣе перечисляются годы по подобнымъ же гранямъ до смерти Святополка Изяславича.

Далѣе идетъ уже самая лѣтопись, среди которой сравнительно большими рассказами являются извѣстія о призваніи варяговъ, о дѣяніяхъ Аскольда и Дира, объ Олегѣ и походѣ венгровъ въ Паннонію, причѣмъ встаетъ рассказывается о дѣятельности Св. Кирилла и Меѳодія; походъ Олега на Константинополь и его договоръ съ греками; смерть Олега съ соображеніями о чародѣйствѣ. Затѣмъ порядкомъ такъ: Княженіе Игоря, походъ его на Грековъ, новый походъ и договоръ. Смерть Игоря, мечь Ольги и другія извѣстія объ Ольгѣ, путешествіе ея въ Царьградъ, извѣстія о Святославѣ, войны его въ Болгаріи и договоръ съ Греками. Ссоры между собою сыновей Святослава и торжество Владимира. Убіеніе Св. Первомучениковъ варяговъ. Далѣе слѣдуетъ обширная повѣсть о перемѣнѣ вѣры, куда вставлены: рѣчь греческаго философа о вѣрѣ и исповѣданіе вѣры Св. Владимира. Потомъ въ лѣтописи очень долго идетъ княженіе Св. Владимира съ извѣстными легендами, которыми особенно обильны поздніе списки; въ нѣкоторыхъ спискахъ вставленъ и уставъ Владимира о церковныхъ судахъ и десятинахъ. Далѣе идетъ повѣсть о убіеніи Св. Бориса и Глѣба и войны, прекратившіяся княженіемъ Яро-

слава. Книженіе Ярослава и послѣдующихъ князей разсказано вполне лѣтописнымъ порядкомъ и обширно только тѣ его мѣста, относительно которыхъ легко замѣтить, что это вставки, какъ напр. разсказы о волхвахъ, о рожденіи уродца (подобные разсказы всегда сопровождаются благочестивыми размышленіями), разсказъ Гюраты Роговича о Югрѣ, судъ Ярослава, Русская правда, разсказы объ основаніи Печерскаго монастыря, о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба, житіе Св. Θεодосія Печерскаго и другихъ подвижниковъ Печерскаго монастыря, Демьяна, Іереміи, Матвѣя, Исакія, нѣсколько поученій, какъ Св. Θεодосія, такъ и иныхъ (напр. въ 2-хъ утраченныхъ спискахъ было поученіе Луки Жидаты), разсказъ объ обрѣтеніи мощей Св. Θεодосія, ослѣпленіе Василька, наконецъ поученіе Владиміра Мономаха (въ одномъ Лаврентьевскомъ спискѣ).

Послѣдніе годы лѣтописи особенно подробно повѣствуютъ о войнахъ съ половцами.

Въ предполагаемомъ концѣ (см. выше) лѣтописи есть какая то путаница, такъ какъ одно и тоже событіе, именно съѣздъ князей въ Долобскѣ, противъ половцевъ, находящійся подъ 6611 г., повторенъ (хоть и не буквально) во второй разъ, но послѣ известной приписки Сильвестра, т. е. уже въ Кіевской лѣтописи подъ 6619 годомъ (по спискамъ южнаго извода). Путаница, какъ увидимъ въ свое время, есть и въ поученіи Мономаха. Оканчивается Повѣсть временныхъ лѣтъ описаніемъ знаменія, бывшаго въ Печерскомъ монастырѣ въ 1110 году; послѣ чего въ Лаврентьевскомъ спискѣ слѣдуетъ уже известная приписка Сильвестра; впрочемъ нѣсколько въ иной формѣ она есть и въ иныхъ спискахъ.

Таково приблизительно содержаніе Древняго лѣтописнаго свода. Прибавимъ, что въ немъ есть много вставокъ изъ византійской и болгарской исторіи и, чѣмъ позднѣе списокъ, тѣмъ ихъ больше; но нѣкоторыя, напр. разсказъ о крещеніи болгаръ, есть и въ древнѣйшихъ спискахъ. Разсказы эти въ различныхъ спискахъ часто стоятъ и на различныхъ мѣстахъ.

Конечно, нельзя утверждать, чтобы всѣ мѣста, носящія

характеръ вставочный, вставлены были еще въ Древній лѣтописный сводъ: они могли быть вставлены и позже, при перепискѣ. Мы видѣли, что ученые постоянно и предполагаютъ болѣе или менѣе позднее занесеніе въ списокъ того или другаго разсказа. Но во всякомъ случаѣ объ этихъ вставкахъ еще можно спорить. А попадаются и такія вставки въ древнѣйшій текстъ, которыя сами выдають свое новое происхожденіе, напр. въ нѣкоторыхъ спискахъ есть роспись новгородскихъ владыкъ, доходящая до 1673 г. и т. п. Такія вставки собраны Лейбовичемъ въ приложеніи № 2 и 5 и говорятъ о нихъ при обзорѣ лѣтописи мы не будемъ.

По всей вѣроятности не принадлежитъ къ составу Древней лѣтописи и нѣсколько памятниковъ, впрочемъ очень древнихъ, вставочный характеръ которыхъ ясенъ самъ собою, и находящихся лишь въ немногихъ спискахъ. Это именно: очень интересная вставка о городѣ Кіевѣ, при извѣстіи о Кіѣ, находящаяся въ Воскресенскомъ и еще въ нѣкоторыхъ позднихъ спискахъ и имѣющая характеръ поученія, уставъ Св. Владиміра о церковныхъ судахъ и о десятинахъ, судъ Ярослава Князя, сына Володимірова, Русская правда, поученіе Луки Жидаты (въ двухъ сгорѣвшихъ спискахъ; митрополиту Макарію оно извѣстно изъ особаго сборника, см. Ист. р. церкви I, стр. 221) и поученіе Владиміра Мономаха, внесенное подъ 6096 г. въ Лаврентьевскій списокъ, гдѣ оно не на мѣстѣ. Погодинъ указываетъ, что притомъ поученіе нѣсколько и спутано. Въ концѣ оно сливается съ посланіемъ Мономаха къ Олегу Святославичу, по поводу смерти сына Мономаха; это посланіе въ концѣ тоже спутано и къ нему приставленъ повальный канонъ Андрею Критскому. Всѣ эти вставки кромѣ Русской Правды, всѣ списки которой сведены въ изслѣдованіи о ней Калачева, приводятся Лейбовичемъ въ приложеніи къ его изданію сводной лѣтописи. Лейбовичъ присоединяетъ сюда и нѣсколько печерскихъ сказаній; но позднѣйшій вставочный характеръ ихъ далеко не доказанъ.

Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы ни одинъ изъ выше

названныхъ памятниковъ уже не былъ въ Древнемъ сводѣ, но это мало вѣроятно; во всякомъ случаѣ всѣ они имѣютъ свое собственное значеніе и о нихъ будетъ гозорено въ иныхъ частяхъ курса.

Перейдемъ къ вопросу о составѣ нашей Древней лѣтописи и ея источникахъ.

Большинство ученыхъ, мы видѣли, признаютъ, что Древняя лѣтопись есть сводъ. Сводъ этотъ, вѣроятно, сдѣланъ былъ такимъ образомъ: взятъ былъ извѣстный остовъ — хронологическая таблица съ записями и на нее наназанъ цѣлый рядъ имѣвшихся подъ руками у составителя свода разновременныхъ матеріаловъ, какъ то: небольшихъ замѣтокъ (погодныхъ), отдѣльныхъ сказаній и повѣстей, актовъ, поученій и т. п., и изъ этого, по возможности, было сдѣлано нѣчто цѣльное. Еще вѣроятнѣе, что хронологическая таблица съ замѣтками была у составителя свода и не одна, такъ что онъ свелъ въ свой сводъ нѣсколько лѣтописей, писанныхъ, конечно, разными лицами, согласивъ ихъ между собою, какъ умѣлъ. Одна изъ такихъ лѣтописей должна была принадлежать Пр. Нестору.

Конечно, составитель свода не воспользовался всѣми тѣми лѣтописными матеріалами, который былъ до него; этотъ матеріалъ, какъ увидимъ ниже, вошелъ въ иные лѣтописные своды.

Какъ относился составитель свода къ своимъ матеріаламъ? Можно бы думать, что готовые памятники вносились болѣе точно, не въ пересказѣ, хотя и сокращались, и дополнялись, а извѣстія изъ устныхъ источниковъ перерабатывались; но провѣрить такое предположеніе трудно.

Съ какого времени въ сводѣ начинаются таблицы сказать трудно; одно только можно считать почти рѣшоннымъ, что не раньше XI вѣка, такъ что предыдущіе годы вставлены уже позднѣе, когда какойнибудь изъ составителей лѣтописи разбивалъ на годы отдѣльныя сказанія, чтобы и ихъ внести въ лѣтопись.

Трудно рѣшить, относительно какойнибудь записи, принадлежитъ ли она, такъ сказать, къ остову лѣтописи, или

представляет извѣстіе, уже позднѣе вставленное въ лѣтопись? Относительно отдѣльныхъ записей, мелкихъ летучихъ, этого разумѣется опредѣлить почти невозможно; но и относительно сказаній и повѣстей это тоже очень трудно, такъ какъ сказаніе или повѣсть, входя въ лѣтопись, испытываютъ при этомъ измѣненія, напр. подвергаются спайкѣ и т. п., и выдѣленіе ихъ должно быть дѣломъ анализа и именно путемъ, такъ сказать, косвенныхъ уликъ. Объ этомъ постоянно идутъ споры. Бестужевъ-Рюминъ особенно склоненъ чуть ли не всякую запись принимать за вставку. Конечно, для повѣсти или сказанія лучшею примѣтою можетъ служить существованіе ихъ отдѣльно; но они могли выдѣлиться уже изъ лѣтописи. Последній случай, впрочемъ, считается сравнительно болѣе рѣдкимъ.

Бестужевъ-Рюминъ пытается опредѣлить вставку, записи или сказанія все равно, по инымъ примѣтамъ: иногда замѣтна шивка, напр. видно противорѣчіе предыдущимъ извѣстіямъ, дурно согласованное, или совсѣмъ не тронутое; иногда извѣстныя выраженія или даже слогъ не соотвѣтствуютъ тому мѣсту, гдѣ стоитъ извѣстіе. Есть и внутренніе признаки (этотъ способъ раньше указанъ Соловьевымъ), напр., по сочувствію лѣтописца къ тому или другому лицу, иногда, будто бы, можно опредѣлить мѣсто, гдѣ сдѣлана запись и т. п.; но все это весьма шатко.

На практикѣ Бестужеву-Рюмину служатъ указаніемъ на шивку отдѣльныя даты въ концѣ разсказа,—употребленіе глагола въ прошедшемъ времени, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ живомъ, выраженія: якоже рекохомъ, а мы на прежнее возвратимся и пр.; но и это несовсѣмъ доказательно.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы дѣлаемъ анализъ состава Древней лѣтописи, допуская фикцію, что лѣтопись до 1110 года, сохранившаяся въ древнѣйшихъ спискахъ (кромѣ вставокъ, которыя указаны нами выше на стр. 123), представляетъ одновременный сводъ. Фикцію эту мы допускаемъ потому, что только при этомъ условіи и можетъ идти рѣчь о составѣ Древней лѣтописи или о ея источникахъ. Притомъ учоныя во-

все не разрѣшили вопроса, что считать позднѣйшею вставкою въ лѣтопись и что относить къ ея составу? Конечно, мы все же будемъ отмѣчать тѣ мѣста, которыя кѣмъ либо изъ ученыхъ считаются позднѣйшею вставкою.

При такой постановкѣ вопроса о составѣ Древней лѣтописи удобнѣе изучать его вмѣстѣ съ иными вопросомъ: объ источникахъ Древней лѣтописи, по тѣсной ихъ связи между собою.

Составитель Древней лѣтописи несомнѣнно пользовался самыми разнообразными источниками, какъ иностранными, такъ и отечественными, которые мы постараемся и указать. Анализъ источниковъ Древней лѣтописи сдѣланъ лучше всего въ известномъ сочиненіи Сухомлинова, выводы котораго мы здѣсь и изложимъ, конечно, съ тѣми дополненіями, которыя въ этомъ вопросѣ сдѣланы были иными изслѣдователями позднѣе, особенно для туземныхъ источниковъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Замѣтимъ встать, что, конечно, и тутъ есть пререканія: нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія иными учеными причисляются къ имѣющимъ иноземное происхожденіе, другіе же ученые считаютъ эти извѣстія національными.

Главнымъ источникомъ для заимствованія, какъ увидимъ ниже, были труды писателей византійскихъ—это понятно само собою; нѣкоторые изъ этихъ трудовъ были известны въ Россіи въ южно-славянскихъ редакціяхъ. Иные иноземные источники попадаютъ рѣдко.

Внося свѣдѣнія, заимствованные изъ какого либо источника, въ свою лѣтопись, составитель ея, конечно, руководствовался какими либо соображеніями, но они намъ не всегда доступны. Иногда лѣтописецъ изъ того, что ему было пригодно, дѣлалъ только выборку, иногда же вносилъ въ лѣтопись весь актъ, или все сказаніе цѣликомъ.

Вотъ тѣ главнѣйшіе иноземные источники, откуда, по мнѣнію Сухомлинова, составитель лѣтописи заимствовалъ свои свѣдѣнія¹⁾:

¹⁾ Порядокъ источниковъ въ комъ изложеніи нѣсколько измѣненъ.

Книги священнаго писанія, чтеніе которыхъ было весьма распространено въ древней Руси. Сухомлиновъ указываетъ много мѣстъ, заимствованныхъ лѣтописью изъ Св. Писанія, но они являются лишь въ видѣ цитатъ — сентенцій къ подходящему случаю. Таково было употребленіе текстовъ Св. Писанія во всей средневѣковой литературѣ. Въ лѣтопись зашло еще нѣсколько преданій изъ библіи, напр. о смерти Авеля, о смерти сына Евера, но они проникли собственно чрезъ византійскую редакцію (черезъ Палей — см. ниже). Библейскій мотивъ — исторія Давида и Голіафа, виденъ и въ рассказѣ о Янѣ Усмошвцѣ, побѣдившемъ печенѣга.

Наконецъ Шлецеръ и другіе историки находили сходство въ слогѣ Древней лѣтописи не столько съ византійскимъ, сколько съ библейскимъ слогомъ, что, конечно, можно бы приписать влиянію библіи; но объ этомъ скажемъ особо.

Изъ византійскихъ источниковъ лѣтописецъ многое заимствовалъ изъ такъ называемой Палеи. Слово палея греческое: *παλαιά* значитъ ветхая, подразумевается *ἡ παλαιά διαθήκη* Вѣтхій Заветъ.

Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстенъ въ славянскихъ рукописяхъ переводъ съ греческаго языка изложенія ветхозавѣтной исторіи, впрочемъ съ нѣкоторыми апокрифическими добавленіями.

Палея бываетъ историческая, если въ ней соблюденъ порядокъ времени, и толковая, гдѣ изложеніе приспособлено къ полемикѣ противъ іудеевъ и магометанъ, съ цѣлью доказать, при помощи Ветхаго Завета, справедливость Новаго. Историческая Палея (Книга бытія небесе и земли) напечатана недавно А. Н. Поповымъ, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1881 г. т. I, по 3 спискамъ, изъ которыхъ самый древній XV в.; но она появилась въ славянской письменности въ болгарскомъ переводѣ не позже XII в. Греческій подлинникъ ея, составленный не ранѣе IX в., до сихъ поръ еще не изданъ.

Что историческая Палея обращалась въ Россіи, видно изъ присоединенной къ изданію Палеи А. Н. Попова сокра-

щевой Палеи русской редакціи по списку XVI в. Толковая Палея еще не издана. Она сохранилась въ болѣе древнихъ спискахъ (XIV в. — Александро-невскій списокъ) и притомъ харатейныхъ. О Палеѣ вообще есть статья Жданова (Кіев. Ун. Изв. 1881 г. № 9 и 10), а о Палеѣ толковой есть изслѣдованіе В. Успенскаго: Толковая Палея (Казань 1876 г.), относящаго составленіе ея тоже ко времени не ранѣе IX вѣка. Впрочемъ о Палеѣ и ея источникахъ мы еще будемъ говорить въ части курса, посвященной памятникамъ словесности.

Въ лѣтописи свѣдѣнія заимствованы изъ толковой Палеи. Сопоставленіе ихъ сдѣлано Сухомлиновымъ и Успенскимъ по разнымъ ея спискамъ. Кн. Оболенскій (въ статьѣ о Георгіѣ Амартолѣ въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 4) указываетъ, какъ на источникъ Нестора, на Палею Іоанна Дамаскина, но не говоритъ, что именно изъ нея заимствовано; да и принадлежность Палеи Дамаскину нынѣ отвергается. У Сухомлинова же и Успенскаго указаны тѣ мѣста, которыя вошли въ лѣтопись изъ Палеи, именно извѣстія о вѣрѣ магометанской у болгаръ, вошедшія въ предложенія вѣрѣ Св. Владиміру. Изъ Палеи же заимствована ветхозавѣтная исторія въ обширной проповѣди греческаго философа миссіонера¹⁾, также начальный разсказъ лѣтописи о столпотвореніи. Что лѣтопись пользовалась именно Палеєю, а не Священнымъ Писаніемъ, видно изъ того, что въ ея извѣстіяхъ есть свѣдѣнія апокрифическія.

Конечно, нѣкоторыя извѣстія могли и изъ Древней лѣтописи проникнуть въ позднюю редакцію Палеи; такъ и случилось съ свѣдѣніями, касающимися русской и сосѣднихъ земель, перешедшими въ космографію Палеи при переводѣ ея на славянскій языкъ (см. сличеніе у Успенскаго); но библейскія извѣстія въ лѣтописи являются лишь эпизодически, тогда какъ въ Палеѣ они составляютъ одно цѣлое.

¹⁾ Одинъ изъ эпизодовъ ея: о паденіи Сатанила, ииѣющій апокрифическій источникъ, встрѣчается и отдѣльно въ сборникахъ.

Строевъ (О византійскомъ источникѣ Нестора) полагалъ, что разсказъ философа внесенъ въ лѣтопись изъ сочиненія Амартола (о немъ будемъ говорить сейчасъ же), и дѣйствительно, есть мѣста сходныя; но всѣ эти мѣста заимствованы изъ библіи, а въ лѣтописи есть мѣста, сходныя съ Палеей и не находящіяся у Амартола. Лѣтописецъ пользовался и Амартоломъ, но комбинировалъ его извѣстія съ извѣстіями изъ Палеи. Срезневскій считаетъ слово философа особымъ сочиненіемъ, подлинникъ котораго былъ греческій, и по языку относитъ его къ X вѣку.

Лѣтописное изложеніе ветхозавѣтной исторіи заключается сборникомъ пророчествъ (они перечислены Сухомлиновымъ), заимствованныхъ уже не изъ Палеи, такъ какъ есть нѣкоторая разница, а изъ какого то источника, откуда они перешли въ Палею. Но Сухомлиновъ не соглашается допустить, что они въ Палею перешли изъ лѣтописи. Этотъ сборникъ пророчествъ находится и въ одномъ изъ списковъ слова Иларіона (митрополита Кіевского, половины XI в.) о законѣ и благодати¹⁾; но расположеніе ихъ въ словѣ таково, что, по мнѣнію Сухомлинова, скорѣе можно допустить позднѣйшее внесеніе ихъ въ слово изъ лѣтописи, чѣмъ наоборотъ. Ждановъ же полагаетъ, что на составленіе слова о законѣ и благодати повліяла именно Палея.

Нѣкоторыя извѣстія о религіи болгаръ не находятся въ Палеѣ. Они заимствованы (по Сухомлинову) изъ византійскихъ жизнеописаній Магомета, древнѣйшій образецъ которыхъ принадлежитъ Теофану († 817). Біографіи эти извѣстны и въ славянскихъ переводахъ.

Символь вѣры, приводимый въ лѣтописи, какъ преподаанный Св. Владиміру по крещеніи, есть сокращеніе того символа, который гораздо пространнѣе сохранился въ греческихъ

¹⁾ Любопытно, что основной списокъ Палеи, напечатанный Ав. Поповымъ, находится въ сборникѣ, гдѣ есть и слово Иларіона.

редакціяхъ, напр. въ исповѣданіи вѣры Михаила Синкелла¹⁾. Исповѣданіе это было рано переведено на славянскій языкъ и находится въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г.; Сухомлиновъ и приводитъ его параллельно съ лѣтописнымъ извѣстіемъ. Митрополитъ Макарій считалъ помѣщенное въ лѣтописи исповѣданіе вѣры дѣйствительно тѣмъ самымъ символомъ, который исповѣдывалъ Кн. Владиміръ; но это несовсѣмъ правдоподобно (см. А. Павловъ: Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 8). Голубинскій указываетъ, что въ Святославовомъ сборникѣ въ исповѣданіи читается «Сынъ единосущнъ Отцю», а въ повѣсти: «Сынъ подобосущенъ Отцю», что, какъ извѣстно, представляеть оттѣнокъ арианства.

За символомъ въ лѣтописи слѣдуетъ извѣстіе о 7 вселенскихъ соборахъ, заимствованное не изъ Синкелла. И редакція не та, что у Синкелла (у него говорится о соборахъ вѣратцѣ), и число соборовъ у него 6. Ближе къ лѣтописи статья о соборахъ въ сборникѣ Святослава, помѣщенная вслѣдъ за исповѣданіемъ же, но и здѣсь есть разница въ лицахъ и тоже 6 соборовъ. Вблизи къ лѣтописи извѣстіе о 7 соборахъ въ посланіи патр. Фотія къ болгарскому царю Михаилу, которое могло быть извѣстно и въ Россіи; но оно гораздо подробнѣе, и все же есть разница; такъ что точный подлинникъ этого извѣстія (хотя онъ тоже несомнѣнно былъ византійскій) пока еще не опредѣленъ.

Вѣроятно же всего мнѣніе А. Павлова (op. cit. стр. 9 — 14), что извѣстіе о 7 вселенскихъ соборовъ тоже заимствовано изъ Палей. Павловъ приводитъ для сличенія и выдержки изъ лѣтописи и Палей; но все же, при сходствѣ въ именахъ, есть значительная разница въ изложеніи, которую Павловъ объясняетъ тѣмъ, что лѣтописецъ пользовался Палеєю, какъ и другими источниками, довольно свободно.

¹⁾ Онъ былъ Синкеллъ—*cancellaneus, domesticus (dignitas ecclesiastica)* іерусалимск. патр. Фомы и жилъ въ VIII—IX в.

Въ разсказѣ о вселенскихъ соборахъ находится обличительная статья противъ латинянъ. Бѣляевъ (о Несторовской лѣтописи) приписывалъ ей оригинальное происхожденіе; и точно: двѣ фразы заимствованы изъ слова Пр. Θεодосія Печерскаго о вѣрѣ варяжской (Поповъ: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемиическихъ сочиненій противъ латинянъ; также Павловъ). Но источникъ разсказа о Петрѣ Гугнивомъ Павловъ тоже ищетъ въ Палеев¹⁾, считая впрочемъ византійскій источникъ, откуда онъ перешелъ въ Палею, неизвѣстнымъ.

Лѣтописное обвиненіе латинянъ составлено не позже 1074 года, т. е. до церковныхъ преобразованій папы Григорія VII, такъ какъ въ немъ упоминается о бракахъ католическаго духовенства.

Поповъ говоритъ, что вставка о латинянахъ сложилась позднѣе, чѣмъ символъ вѣры Михаила Синкелла и сказаніе о 7 вселенскихъ соборахъ. Соглашаясь съ этимъ, Павловъ все же считаетъ всѣ три извѣстія одною лѣтописною повѣстью, составленною очень искусно уже въ Россіи.

Разсказывая подѣ 1096 г. о нашествіи половцевъ, лѣтописецъ упоминаетъ о племени, которое заключено Александромъ Македонскимъ за горами и выйдетъ къ кончинѣ вѣка; при этомъ онъ ссылается на Мееодія и даже приводитъ изъ него свидѣтельство. Этотъ Мееодій, по мнѣнію древняго лѣтописца и послѣдующихъ писателей, какъ русскихъ, называющихъ его Патарскимъ, Патарійскимъ или Патаромъскимъ, такъ и западныхъ, былъ епископъ Патарійскій (въ Ликии), который жилъ въ III — IV вѣкѣ и пострадалъ во время гоненія Діоклеціана. Его сочиненія весьма цѣнились послѣдующими писателями (см. о немъ у Сухомлинова); нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны и въ славянскомъ переводѣ. Между прочимъ ему приписывался сборникъ различныхъ предсказаній, озаглавлен-

¹⁾ О Петрѣ Гугнивомъ см. Лидова: О такъ называемой Кирилловой книгѣ—Казань 1858 г., также Поповъ и Павловъ, *op. cit.* стр. 17 — 26, гдѣ авторъ пытается объяснить все это мѣсто лѣтописи.

ный въ славянскомъ переводѣ: Слово о царствіи азгъ послѣднихъ временъ. Онъ изданъ въ греческомъ текстѣ и въ латинскомъ переводѣ, но не съ имѣющагося греческаго подлинника, а съ какою-то иного. Переводъ его изданъ Тихонравовымъ въ Памятникахъ отреченной русской литературы т. II (см. о Словѣ еще Новоструева: Слово Св. Инполита объ антихристѣ). Славянскій переводъ слова сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ двухъ разрядовъ — одни болѣе близкіе къ подлиннику, другіе значительно уклоняющіеся отъ него. Одинъ изъ списковъ находится въ томъ сборникѣ, гдѣ есть и изданная Ан. Поповымъ Палея, куда и вошло изъ слова нѣсколько свѣдѣній. Сухолиновъ приводитъ лѣтописныя извѣстія, заимствованныя изъ этого слова. Въ другомъ сочиненіи (о преданіяхъ древней русской лѣтописи) онъ приводитъ обстоятельныя выдержки изъ слова и говоритъ о его дальнѣйшей литературной исторіи. Есиповъ (Люди стараго времени, въ статьѣ о самозванцахъ царевичахъ) приводитъ любопытный разсказъ, какъ проникшія въ народъ изъ слова легенды объ Александрѣ, смѣшавшіяся съ сходными легендами, разсказываемыми о Фридрихѣ Барбароссѣ и другихъ лицахъ, приурочены были къ Петру Великому.

Въ настоящее время ученые вполнѣ отрицаютъ принадлежность слова Еп. Меѳодію Патарскому; иные указываютъ на Меѳодія исповѣдника, другіе на патріарха константинопольскаго Меѳодія, даже на Меѳодія младшаго (тоже патріарха константинопольскаго); но этотъ жилъ въ 1204 г., тогда какъ слово было извѣстно въ Россіи въ XI—XII в. Переводчикомъ сочиненій Меѳодія Патарскаго на славянскій языкъ считаютъ русскаго митр. Никифора († 1121 г.).

Извѣстія объ Александрѣ Македонскомъ находятся еще въ такъ называемой Александріи—повѣсти очень распространенной въ средніе вѣка во всей Европѣ. У насъ она рано появилась въ болгарской редакціи, такъ какъ находится въ переводѣ хроники Малалы пресвитера Григорія (см. ниже); если только это не позднѣйшая вставка, какъ думаетъ напр. Пыпинъ (Ист. Сл. Д. I, 57). Съ Александріею были знакомы составители

многихъ лѣтописей, но не Древней (См. объ этомъ статью въ Ж. М. Н. Пр, 1880 г., № 8, стр. 432).

Составитель лѣтописи пользовался и сочиненіями нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ. Вопросъ, какіе именно историки были извѣстны составителю нашей Древней лѣтописи и, можетъ быть, послужили ему образцомъ, давно занималъ нашихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сказали выше, зависимость русской лѣтописи отъ византійской хронографіи не можетъ быть оспариваема. Нашъ лѣтописецъ постоянно ссылается на лѣтописаніе греческое, или вообще на грековъ. Особенно много труда на опредѣленіе византійскихъ источниковъ Нестора потратилъ Шлецеръ, хотя и безъ особенныхъ результатовъ

Шлецеръ полагалъ, что Несторъ могъ знать слѣдующихъ четырехъ историковъ, жившихъ приблизительно въ его время—Бедрина, Іоанна Скилиція, Іоанна Ксифилина и Зонару; но онъ не указываетъ, что именно взялъ у этихъ историковъ Несторъ, а говоритъ лишь объ общемъ сходствѣ. Пытался Шлецеръ опредѣлять и источники отдѣльныхъ мѣстъ, но тоже неудачно; такъ, указывая нѣсколько источниковъ (уже иныхъ—см. I, 141) для космографіи, которою начинается временникъ Нестора, онъ замѣчаетъ при этомъ, что особеннаго сходства нѣтъ, и у Нестора вѣрно былъ еще иной источникъ.

Извѣстію о разселеніи народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, хотъ и несомнѣнно византійскому, Шлецеръ не хочетъ и искать источника. Источникомъ тѣхъ извѣстій лѣтописи, гдѣ авторъ ссылается на Георгія (Амартола), Шлецеръ считаетъ Георгія Бедрина; но опять замѣчаетъ его неполноту въ данныхъ случаяхъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шлецеръ прямо отказывается опредѣлять византійскій источникъ.

За Шлецеромъ и Погодинъ говорятъ о византійскихъ лѣтописяхъ, какъ источникахъ для Нестора. вмѣстѣ съ барономъ Розенкампфомъ онъ принимаетъ, что эти лѣтописи извѣстны были болѣе въ болгарскихъ редакціяхъ. Положеніе со-

вершено правильное¹⁾, но Погодинъ разсуждаетъ объ этомъ вообще почти безъ доказательствъ и примѣровъ.

Потомъ вопросъ о византійскихъ источникахъ Древней лѣтописи неразъ былъ поднимаемъ въ учонныхъ трудахъ; особенно много для рѣшенія его сдѣлалъ Сухомлиновъ; теперь эти византійскіе источники и ихъ славянскія редакціи уже достаточно опредѣлены.

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе В. М. Ундольскаго: О церковно-славянскихъ хронографахъ, гдѣ, конечно, есть систематическое изложеніе вопроса о вліяніи византійскихъ хронографовъ на русскую лѣтопись, до сихъ поръ еще не издано, хотя было отпечатано; имъ пользовался Ан. Поповъ по экземпляру Московскаго музея (Обзоръ хронографовъ II, 7²⁾).

Чѣмъ же именно составитель Древней лѣтописи пользовался?

Трудно сказать, зналъ ли составитель нашей лѣтописи лѣтопись Іоанна Малалы? Но одно извѣстіе, вошедшее изъ нея въ Древнюю лѣтопись, Г. Терновскимъ указано.

Іоаннъ Малала (т. е. риторъ) былъ антихіецъ, время жизни котораго до сихъ поръ точно не опредѣлено (см. Поповъ: Обзоръ хронографовъ I, 5); Терновскій же относитъ его къ VI в.—ко времени Имп. Юстиніана, царствованіемъ котораго оканчивается его лѣтопись (563 г.). Характеристика Малалы, какъ писателя, тоже есть у Терновскаго. Особенность его исторической манеры та, что онъ любитъ рисовать портреты историческихъ дѣятелей, указывая физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Сочиненіе Малалы издано въ Оксфордѣ въ 1691 г.

Переводъ Малалы явился въ Болгаріи при Ц. Симеонѣ т. е. въ началѣ X в., подъ названіемъ: Изложеніе о лѣтахъ

¹⁾ Въ хронографахъ упоминаются лѣтописи не только болгарскія, но и сербскія.

²⁾ Можетъ быть это то самое сочиненіе, о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія Викторовъ въ описаніи рукописей Ундольскаго, стр. 55 и которое въ свое время было удостоено Демидовской преміи? Оно трактуетъ собственно о Георгіѣ Амартолѣ.

миру. Предполагаютъ, что онъ сдѣлаъ пресвитеромъ Григоріемъ, но это не доказано (см. Пыпинъ Ист. Сл. Л. 1, 57). Часть перевода по списку XV в. сохранилась въ сборникѣ Архива М. Ин. Дѣл. Въ переводѣ есть дополненія изъ Пален (отъ Адама и до Руен).

Извѣстіе, о которомъ я упомянулъ, есть рассказъ о единоборствѣ гота съ персомъ при Имп. Θεодосіѣ Младшемъ. Этотъ рассказъ очень напоминаетъ лѣтописную сказку о Янѣ Усмошцѣ, а одна фраза въ немъ — еще рассказъ о борьбѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Редедю, Княземъ Косожскимъ. Но мнѣ кажется, что въ первомъ случаѣ и у Малалы и въ русской лѣтописи источникомъ были преданія, основанныя на библейскомъ сказаніи о Давидѣ и Голиафѣ, а во второмъ случаѣ видѣнъ обычный сказочный мотивъ. Сравнительно болѣе извѣстій заимствовано было у Малалы нѣсколько болѣе поздними лѣтописями и хронографами.

Но самый важный греческій историкъ, которымъ воспользовалась наша Древняя лѣтопись,—это Георгій Амартолъ. Хроникю его составитель лѣтописи зналъ вполне, на нее ссылается онъ въ очень многихъ мѣстахъ; наконецъ она повліяла и на его художественную манеру. У Амартола заимствованы лѣтописцемъ цѣлыя картины, сравненія, отдѣльныя фразы и т. п.; Иловайскій прямо считаетъ Амартола образцомъ для труда Сильвестра; Гедеоновъ говоритъ даже, что въ немъ для Нестора сосредоточилась вся классическая литература!

Какъ извѣстно, лѣтописецъ постоянно ссылается на какого то Георгія, не называя его по фамиліи или прозвищу¹⁾. Шлецеръ, мы видѣли, принималъ этого Георгія за Кедрина. Дѣйствительно, кое что изъ того, что приводится съ именемъ Георгія въ лѣтописи, есть у Кедрина, но не очень схоже; въ дополненіе Шлецеръ приводилъ извѣстія изъ Евсевія и Кеса-

¹⁾ Интересно, что такъ ссылаются на Амартола и греческіе лѣтописцы, напр. Михаилъ Глика. Писатель начала XVIII в. Фабрицій склоненъ былъ видѣть въ немъ Георгія Сякелла, но не удачно

рія, брата Григорія Богослова, думая, что ссылку надо читать такъ: глаголетъ Кесарій, братъ Григорія. Но Георгій и Григорій не все равно; впрочемъ Шлецеръ неособенно настаивалъ на своей догадѣ.

Позднѣе Кругъ, Ермолаевъ и другіе ученые¹⁾ высказали мнѣніе, что Георгій—это Амартолъ. Это мнѣніе внесъ Еп. Инокентій Пензенскій въ свое Начертаніе церковной исторіи, и наконецъ П. Строевъ (въ статьѣ о византійскомъ источникѣ) указалъ славянскій переводъ Амартола и выписками доказалъ, что въ Древнюю лѣтопись внесено изъ Амартола много мѣстъ, и въ томъ числѣ всѣ тѣ, гдѣ есть ссылка на Георгія. Этимъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Если же въ извѣстіяхъ, взятыхъ лѣтописью у Амартола, есть сходство съ извѣстіями Кедрина, Теофила, Глика и другихъ византійскихъ историковъ, то это легко объясняется тѣмъ, что эти историки заимствовали свои извѣстія тоже изъ Амартола. Вся исторія открытія Амартола и подходящая библіографія указаны Сухомлиновымъ.

Георгій, по эпитету, припому изъ иноческаго смиренія (*ἀμαρτολός μοναχός*), Амартолъ, т. е. грѣшникъ, былъ монахъ, можетъ быть, архимандритъ, жилъ въ первой половинѣ IX в. и, вѣроятно, нѣкоторую часть жизни провелъ въ Египтѣ, если не родился въ Александріи. Вотъ немногія данныя о его жизни. Подробная характеристика его личности и его сочиненія сдѣлана Терновскимъ. Содержаніе хроники изложено имъ же и Сухомлиновымъ. Кроме того Георгію Амартолу посвящено еще нѣсколько сочиненій, напр. Снегирева: замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ въ Трудахъ Общ. Ист. и Др. Росс., т. V (Здѣсь и обзоръ одного изъ списковъ), Иванова въ Учен. Записк. Каз. Универс. за 1843 г.; Муральта, въ предисловіи къ изданію Амартола (1861 г.), и другихъ. О языкѣ перевода Амартола писалъ Срезневскій (Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ памятникахъ).

¹⁾ Раньше всѣхъ, кажется, Альтеръ въ 1799 г., см. Пышинъ: Очеркъ литер. повѣстей, стр. 23.

Хронику свою Амартолъ начинаеть съ древнѣйшихъ временъ и доводитъ до 842 года. У Сухомлинова показанъ 867 годъ; но мы отдаемъ предпочтеніе мнѣнію Муральта, какъ лица наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ. Греческій текстъ Амартола напечатанъ въ 1861 г. Муральтомъ въ Учон. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, т. VI. Раньше готовился издавать его Бодянский со всѣми его изображеніями, но не издалъ. Онъ много работалъ надъ Амартоломъ (см. Барсуковъ: Русск. Палеологи).

Хроника Амартола очень рано переведена была на славянскіе языки¹⁾, въ Сербіи подъ названіемъ Лѣтовникъ вратцѣ и пр. и въ Болгаріи подъ названіемъ Временникъ вратцѣ отъ различныхъ хронографовъ и сказатель. Отношеніе сербской и болгарской редакціи между собою таково, что Ундольскій предполагалъ два различныя греческія оригинала и отличалъ Георгія Грѣшника болгарской редакціи отъ Григорія Инова сербской. И оба они описывали одно и то же время. Основанія для такого мнѣнія Ундольскаго неизвѣстны, такъ какъ сочиненіе его не напечатано, но мнѣнія Ундольскаго держится и Поповъ (Обз. Хр. II, 15). По мнѣнію Кн. Оболенскаго болгарскимъ переводчикомъ былъ извѣстный пресвитеръ Григорій, жившій при Ц. Симеонѣ. Съ этимъ связываетъ Оболенскій и начало лѣтописанія, но это далеко имъ не доказано. Переводъ Амартола сохранился въ очень многихъ спискахъ Сахаровъ уже въ 1847 году зналъ ихъ 12, теперь извѣстно больше; очевидно хроника пользовалась большою популярностью. Терновскій указываетъ, что изъ Амартола обильно черпались свѣдѣнія всею древнею русскою литературой, хотя намъ кажется, что Терновскій приписываетъ ему уже слишкомъ много значенія.

Одинъ списокъ Амартола недавно найдетъ на Аѳонѣ въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Другой харатейный съ портретами, и въ томъ числѣ самого Георгія, хранится въ Троицко-

¹⁾ См. объ этомъ Кн. Оболенскій: О греческ. кодексахъ Георг. Амартола въ Чтен. Моск. Общ. 1846 г. № 4.

Сергіевской лаврѣ. Славянскій переводъ болгарской редакціи дошелъ въ спискахъ XIII—XIV в., сербской XIV в. Половина перевода хронографа Амартола сербской редакціи отъ начала до Константина Великаго издана по Синодальной рукописи, писанной на Аеоѣ въ 1386 г., фотолитографически Обществомъ люб. др. письм. 1878 — 1880 г. Для васъ важнѣе списки болгарской редакціи; однимъ изъ нихъ пользовался лѣтописецъ. Впрочемъ, есть иныя (Срезневскаго: Свѣдѣн. о малозвѣстныхъ памятн. I, 20), что переводъ сдѣланъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ лѣтописецъ пользовался переводомъ, а не подлинникомъ. Анализъ вліянія Амартола на нашу лѣтопись сдѣланъ Терновскимъ очень обстоятельно. Необходимы же для сличенія съ текстомъ лѣтописныя отрывки напечатаны въ прил. къ I т. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, иные приведены и сличены частью Строевымъ, частью Сухомлиновымъ, причомъ послѣдній разъясняетъ термины, неясныя у лѣтописца. По указанію Кн. Оболенскаго составитель Древней лѣтописи взялъ свѣдѣнія главныя образомъ изъ 4-й книги Амартола. Изъ перевода Амартола внесены въ нашу лѣтопись слѣдующія мѣста: описаніе быта сирійцевъ, вавилонянъ, амазонокъ и другихъ вѣстивыхъ народовъ; потомъ свѣдѣнія о раздѣленіи земли между потомками Ноя, съ перечисленіемъ странъ трехъ частей свѣта, о захватѣ потомками Хама чужаго удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; можетъ быть, рассказъ о нечестивыхъ обычаяхъ эллиновъ; рассказъ о знаменіяхъ въ Іерусалимѣ при царѣ Антиохѣ; о волхвѣ Аполоніѣ Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ вообще, сравненіе жреца изъ Конопа съ чудскимъ кудесникомъ, рассказы о звѣздѣ въ видѣ коня при Неронѣ, о чудныхъ явленіяхъ при Константинѣ Копронимѣ, о блистаницѣ при Юстинѣ и о рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ при Маврикіѣ. Затѣмъ еще нѣсколько фразъ, напр. выраженіе—ходя аки пардусъ (о Святославѣ), находитъ себѣ соотвѣтствіе въ фразѣ: скочи аки пардусъ (объ Александрѣ Македонскомъ) и т. п.

Можетъ быть сюда слѣдуетъ присоединить и рассказъ объ исцѣленіи Св. Владиміра во время совершенія надъ нимъ

тайнства Св. Крещенія, находящій себѣ аналогію въ разсказѣ Амартола о крещеніи Константина Великаго.

Изъ сличенія извѣстій Амартола съ лѣтописью, Сухомлиновъ и особенно Терновскій выводятъ заключеніе, что лѣтописецъ пользовался хроникою довольно свободно, группируя извѣстія, какъ ему это нравилось. Терновскій полагаетъ между составителемъ нашей Древней лѣтописи и Амартоломъ такую разницу, что послѣдній относится къ образованію отрицательно, говоря, что отъ слишкомъ большой мудрости можно впасть въ нечестіе, а первый, наоборотъ, хвалитъ книжное ученіе.

Амартоль имѣлъ нѣсколько продолжателей (см. о нихъ въ предисловіи Муральта и у Терновскаго). Изъ нихъ только первый, можетъ быть Симонъ Логоветъ¹⁾ (званіе въ родѣ статсъ секретаря), писавшій до 948 г., могъ послужить источникомъ для Древней лѣтописи. Остальные продолжатели Амартола не были извѣстны въ русской литературѣ. Приводимые же Терновскимъ еще другіе византійскіе историки, напр. Манассія, или Зонара, служили источникомъ уже для лѣтописей болѣе позднихъ, такъ какъ жили въ XII вѣкѣ.

На Симона Лагофета ссылается составитель лѣтописи, говоря о приходѣ Руси на Царьградъ (яко же пишется въ лѣтописаніи греческомъ); отъ этого событія пытается онъ, какъ извѣстно, установить и свою хронологію.

Изъ продолжателя Амартола внесена большая часть извѣстій о походѣ Аскольда и Дира (этихъ именъ впрочемъ у византійскаго историка нѣтъ) на Царьградъ въ 6374 году (и этого года у Логофета нѣтъ, но онъ вѣрно указанъ въ лѣтописи; см. у Ламбина), и о чудѣ съ ризою Влахернской Божіей матери, спасшемъ Царьградъ (см. анализъ преданія у Голубинскаго)²⁾. Отсюда же взято извѣстіе о неудачномъ походѣ

¹⁾ Ундольскій Симона Логовета считаетъ продолжателемъ Георгія Инока, и продолжателя Георгія Амартола считаетъ неизвѣстнымъ.

²⁾ Въ лѣтописи нѣтъ имени славянаго князя Влахерна, которое есть у продолжателя Амартола. Въ хроногравахъ извѣстіе о походѣ Руссовъ на Царьградъ ближе въ расказу этого продолжателя, чѣмъ въ лѣтописи.

Игоря, впрочемъ, скобинированное составителемъ лѣтописи съ русскимъ преданіемъ.

Нѣсколько краткихъ извѣстій изъ византійской исторіи тоже взяты лѣтописцемъ изъ какой либо византійской хроники, но они такъ кратки, что опредѣлить ихъ источникъ точнѣе невозможно. Самыя раннія изъ этихъ извѣстій касаются Царя Иравлія (въ 1-й половинѣ VII вѣка) и его отношеній къ аварамъ (обрамъ), уграмъ и персамъ; это первое историческое указаніе лѣтописи¹⁾. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя краткія извѣстія вошли въ лѣтопись и изъ византійской пасхальной таблицы съ замѣтками въ такомъ родѣ: въ лѣто 6376 нача царствовати Василій. Дамбинъ особенно на этомъ настаиваетъ. По указанію Срезневскаго самостоятельныя византійскія (и болгарскія) извѣстія въ Древней лѣтописи превращаются на 943 г.

Извѣстія, касающіяся болгарской исторіи, взяты или изъ болгарскихъ лѣтописей, доселѣ не отысканныхъ, или, что вѣрнѣе, изъ византійскихъ хроникъ въ болгарскихъ переводахъ, гдѣ приписаны были и болгарскія извѣстія. Извѣстія изъ южно-славянской исторіи, внесенныя въ Древнюю лѣтопись въ позднихъ лѣтописныхъ сводахъ, проникли туда очень поздно, или изъ хронографовъ, или изъ иныхъ источниковъ (о нихъ будетъ сказано въ обзорѣннн этихъ лѣтописныхъ сводовъ).

Изъ византійскаго же источника заимствована и извѣстная хронологическая таблица въ началѣ лѣтописи. Я уже имѣлъ случай говорить, что она вошла въ лѣтопись изъ такъ называемаго Лѣтописца вскорѣ (*хроноуграфъ σύνταξις*), приписываемаго, хотя совершенно неосновательно, Патр. Никифору II цариградскому, жившему въ VIII в. Лѣтописецъ этотъ былъ переведенъ еще при Ц. Симеонѣ Болгарскомъ на славянскій языкъ (онъ находится въ сборникѣ Симеона, гдѣ доходитъ до начала X в.) и дополненъ потомъ свѣдѣніями изъ русской хронологіи. Хотя ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ въ

¹⁾ Есть извѣстіе, что во время борьбы Иравлія съ аварами въ 624 г. въ станѣ ихъ были и русскіе. Это указаніе приводитъ Папарригопуло, не сообщая источника (Терновскій: Исторія церкви).

славянской редакціи списковъ его (первый изъ Софійскаго харатейнаго номоканона XIII в. — напечатанъ въ приложеніяхъ къ Полному Собр. Русс. Лѣтописей т. I, другой напечатанъ *ibid.* т. IX) краткой таблицы, подобной краткой таблицѣ лѣтописи нѣтъ; но она есть во многихъ греческихъ спискахъ и въ латинскомъ переводѣ; причомъ въ одномъ изъ списковъ есть ошибки, въ силу которыхъ начало царствованія Михаила должно быть отнесено къ 6360 г., какъ и обозначилъ его авторъ лѣтописи (см. замѣчанія Буника къ статьѣ Погодина: Гедеоновъ и его система, въ Прил. къ VI т. Зап. Ак. Н.; а также статью Ламбина въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г., 4, стр. 99).

По образцу Лѣтописца вскорѣ были составлены оба напечатанные Срезневскимъ (Изв. II Отд. Ак. Н. т. VIII) лѣтописные перечни, первый изъ синодальной кормчей XIII в., — событій съ 862 по 1277 г., а второй изъ сборника XVII в., принадлежавшаго Срезневскому, до 1224 г. Отличія обомъ перечней (впрочемъ неважныя) указаны Срезневскимъ. Сперва исчисляются греческіе императоры, а потомъ соотвѣтствующія русскія событія; такъ до смерти Святополка Окаяннаго. Потомъ сперва указаны русскія событія (раза два указаны византійскіе императоры), причомъ постоянно отмѣчено, сколько лѣтъ прошло до этого событія отъ Адама. Послѣднія извѣстія касаются Ростова; не тамъ ли и составлены перечни?

Кромѣ Лѣтописца вскорѣ составитель лѣтописи могъ пользоваться для своей хронологіи хроникою Георгія Амартола съ ея продолженіемъ въ болгарскомъ переводѣ, причомъ Ламбинъ и тутъ указываетъ ошибку, повліявшую на счетъ годовъ въ лѣтописи, и еще древней пасхальной таблицей, тоже византійскаго происхожденія.

Какъ вполне доказано Н. Лавровскимъ (О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками 1853 г.), находящіеся въ Древней лѣтописи договоры русскихъ князей съ греками несомнѣнно переведены съ греческаго. Впрочемъ, о нихъ подробнѣе будетъ говорено въ иной части курса.

Въ послѣднее время Ламбинъ пытался доказать, что, ис-

коня признаваемыя за русскія, нѣкоторыя преданія Древней лѣтописи имѣютъ византійскій источникъ и притомъ официальный, такъ что это вовсе не преданія, занесенныя въ лѣтопись, а документальное изложеніе событій на основаніи официальныхъ данныхъ. По мнѣнію Ламбина при церкви Св. Ильи въ Кіевѣ¹⁾, уже при самомъ появленіи христіанства въ Россіи, была духовная, а въ тоже время и политическая миссія, составлявшая для византійскаго правительства официальные доклады о различныхъ событіяхъ, которые и посылались въ Константинополь, брульоны же оставались дома; такъ что при церкви Св. Ильи образовался своего рода архивъ, документы изъ котораго и стали извѣстны составителю Древней лѣтописи (по Ламбину—Нестору), послѣ закрытія при этой церкви миссіи при Владимірѣ Святомъ, хотя и не въ цѣлости, а въ видѣ различнаго архивнаго матеріала.

Такая гипотеза весьма правдоподобна, если говорить о ней вообще. Но при анализѣ какагонибудь извѣстія, чтобы считать его внесеннымъ изъ указаннаго архивнаго источника, нужно имѣть болѣе данныхъ, чѣмъ это приводилъ Ламбинъ, иначе теряется всякая точка опоры для исторической критики—рѣшительно всякое извѣстіе можетъ быть подведено подъ категорію внесенныхъ изъ архивныхъ источниковъ: опровергнуть это такъ же невозможно, какъ и доказать.

Всего вѣроятнѣе, что кіевскіе доклады были источникомъ для извѣстій о Россіи Константина Вагрянороднаго (только переведены были не всегда правильно). Въ архивѣ церкви Св. Ильи могли сохраняться на всякій случай и копии договоровъ грековъ съ русскими, также копія съ клятвенной записи Святослава, данной Цимисхію при заключеніи мира въ Доростоу въ 971 г. (По мнѣнію Ламбина она была прислана въ Кіевъ немедленно, когда еще не знали о смерти Святослава), и еще какіенибудь, утерянные для насъ акты, наприимѣръ официаль-

¹⁾ Объ этой церкви есть изслѣдованіе Остроумленскаго: О церкви Св. Ильи, Кіевъ 1830 г., но маловвѣстное.

ная переписка. Могли быть и пасхальные таблицы съ замѣтками, внесенными отсюда въ лѣтописи. Но Ламбинъ ищетъ въ этомъ архивѣ и источника лѣтописнаго извѣстія о происхожденіи Руси. По его мнѣнію переворотъ, происшедшій въ Кіевѣ въ 881 г., т. е. убійство Аскольда и Дира и начало княженія здѣсь Олега, былъ рассказанъ въ особой запискѣ и, въ видѣ официальной реляціи, посланъ въ Константинополь, причѣмъ, для обстоятельности, въ него внесены были извѣстія о предыдущихъ завоеваніяхъ Олега и даже объ основаніи государства варягами. Авторъ этой реляціи былъ, по всей вѣроятности, крещенный варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, и писалъ ее года два или три спустя (въ началѣ войны Олега съ угличами). Этотъ рассказъ при внесеніи въ лѣтопись былъ насильно втиснутъ въ хронологическую рамку, отчего, какъ извѣстно, и пострадалъ. Онъ разбился на отдѣльные сегменты между 6360—6393 годами Ламбинъ и выдѣляетъ весь этотъ рассказъ по различнымъ спискамъ Древней лѣтописи и приводитъ его въ предполагаемомъ первообразномъ видѣ, кое гдѣ восстанавливая текстъ (въ ст. Источникъ лѣтописнаго сказанія etc. № 6, стр. 245) и снабдивъ его обычными примѣчаніями, въ которыхъ, главнымъ образомъ, показываетъ, какъ, по его мнѣнію, позднѣйшіе переписчики этотъ текстъ измѣняли.

Нѣкоторые мѣста въ этомъ рассказѣ, а именно фразы: 1) сиче бо тѣи звахуся варяги Русь и д., 2) новугородьци, тѣи суть людѣ новугородьци отъ рода варяжска и д., 3) еже ся нынѣ зоветъ Угорское и д. и 4) еже и до смерти Ярославлѣ даяще варягомъ, — а также распредѣленіе походовъ Олега по годамъ, Ламбинъ считаетъ не относящимися къ реляціи глоссами и объяснительными вставками лѣтописца, или его компиляторовъ.

Въ этой реляціи нѣтъ извѣстій о походѣ Аскольда и Дира на Царьградъ и послѣдующемъ крещеніи части Руси, такъ какъ это и безъ того было хорошо извѣстно въ Царьградѣ.

Замѣтимъ, что Ламбинъ вообще на каждомъ шагу допускаетъ множество предположеній, совершенно понятныхъ по

самоу свойству источника, но не служащихъ къ подрѣпле-
нію его теоріи.

Изъ архива церкви Св Ильи вошли въ лѣтопись нѣко-
торыя замѣтки о Русской землѣ и народахъ въ ней обитав-
шихъ, напр. объ угличахъ, тиверцахъ и др. Свѣдѣнія взяты
изъ черновыхъ различныхъ донесеній въ Константинополь (изъ
бѣловыхъ взяты именно свѣдѣнія у Константина Багрянород-
наго), потому и натканы въ лѣтопись гдѣ попало, безъ вся-
кой системы. Авторъ могъ прибавить къ нимъ указаніе, какіе
изъ этихъ народовъ славяне и какіе иноплеменники въ совре-
менномъ ему русскомъ государствѣ. Объ этомъ мнѣніи Ламбина
приходится сказать то же, что и о предыдущемъ.

Ламбинъ отрицаетъ и безусловно легендарный характеръ
похода Олега на грековъ. По его мнѣнію извѣстіе о походѣ
составлено изъ двухъ письменныхъ извѣстій: современнаго и
вполнѣ достовѣрнаго, которое неразрывно связано съ условіями
мира, продиктованными грекамъ подъ стѣнами ихъ столицы
самимъ побѣдоноснымъ Олегомъ, и позднѣйшаго баснословнаго,
появившагося въ письменной редакціи не ранѣе XI в. (а до
того времени, конечно, существовавшего въ видѣ преданія).
Возстановляетъ онъ оба эти извѣстія въ текстѣ Древней лѣ-
тописи довольно удачно. Спайку въ рассказѣ объ Олегѣ ви-
дѣлъ и Соловьевъ.

Бъстати замѣтить, что Ламбинъ принимаетъ за принадлежа-
щее къ составу Древней лѣтописи извѣстіе о войнѣ Свенельда
съ угличами, сохранившееся лишь въ болѣе позднихъ спис-
кахъ, и потому исключенное Карамзиннымъ, Соловьевымъ и др.
изъ ея состава.

О нѣкоторыхъ вошедшихъ въ лѣтопись преданіяхъ, ко-
торыя можетъ быть имѣютъ византійское происхожденіе, ска-
зано будетъ ниже.

Иныя мѣста лѣтописи имѣютъ западно-славянское проис-
хожденіе; таковы, безъ сомнѣнія, извѣстія о дѣятельности Св.
братьевъ Кирилла и Меодія, источникомъ для которыхъ по-
служили такъ называемыя паннонскія жизнеописанія, которыхъ

сохранились позднѣйшія редакціи. Это мнѣніе Горскаго (статья о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Москвитинѣхъ 1843 г. № 6), нынѣ общепринятое. Сличеніе есть у Сухомлинова.

О позднѣйшихъ вставкахъ въ лѣтописные своды извѣстій изъ западно-славянскихъ и западно-европейскихъ источниковъ можно сказать тоже самое, что и о южно-славянскихъ.

Разсказъ о путешествіи по Россіи Ап. Андрея представляетъ особое сказаніе, по мнѣнію многихъ ученыхъ, не находящееся въ Древней лѣтописи, такъ какъ составитель ея именно знаетъ, что въ Россіи не учили апостолы. Но можно возразить на это, что составитель лѣтописи внесъ это сказаніе, не позаботясь согласить его съ иными, находящимися въ его трудѣ извѣстіями. Внесено это сказаніе изъ письменнаго источника апокрифическаго характера, хотя и окрашено преданіемъ. Источникъ этотъ до сихъ поръ не опредѣленъ, хотя Васильевскій (Русск. визан. отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 1 и 2) проанализировалъ цѣлый рядъ апокрифовъ относительно дѣланій Ап. Андрея, изъ которыхъ многіе имѣли мѣсто въ русской странѣ, даже сдѣлалъ нѣсколько приближеній ихъ съ связаніемъ лѣтописи (см. стр. 182). Выводъ его тотъ, что лѣтопись имѣла хожденіе въ болѣе древней, до насъ уже недошедшей формѣ. Можетъ быть это хожденіе прошло чрезъ южно-славянскую редакцію.

Котляревскій (Чтен. въ Общ. Нестора т. I) находитъ аналогію для извѣстнаго разсказа о новгородскихъ баняхъ, написаннаго, по его мнѣнію, конечно, не русскимъ, который не сталъ бы удивляться банямъ, а какимъ либо иностраннымъ купцомъ,—съ извѣстіемъ гамбургскаго юриста Діонисія Фабриція (поляка XVI—XVII в.) въ его *Livonicae historiae compendiosa series*. Здѣсь разсказывается о подобномъ же приключеніи папскаго легата въ доминиканскомъ монастырѣ Фальвена близъ Дерпта; Котляревскій предполагаетъ въ обоихъ разсказахъ общій источникъ.

Кромѣ Васильевскаго о хожденіи Ап. Андрея трактуетъ и Голубинскій. Объ этомъ хожденіи 2 раза дѣлалъ сообще-

нія въ Обществѣ Преп. Нестора г. Малышевскій, но выводы его мнѣ неизвѣстны.

Ламбинъ приписываетъ западно-славянское происхожденіе извѣстіямъ Древней лѣтописи о дунайскихъ славянахъ и ихъ дальнѣйшемъ расселеніи, даже и въ Россіи, до словъ «тѣмъ же и грамота прозвася словѣнская», тоже обыкновенно принимаемымъ за слѣдъ народнаго преданія. Ламбинъ напротивъ считаетъ это извѣстіе сочиненіемъ какого либо западно-славянскаго книжника, составленнымъ въ Великой Моравіи, Чехіи, Польшѣ, или другой западно-славянской землѣ на основаніи легендъ о посѣщеніи Ап. Павломъ Иллирика, гдѣ онъ училъ славянъ и поставилъ имъ учителя и намѣстника вмѣсто себя, — ученика своего Андроника. Дѣйствительно, въ сказаніи о расселеніи славянъ чувствуется желаніе объяснить славянскую этнографію, а не народное преданіе.

Въ этомъ сказаніи есть извѣстіе о волгахъ, насильникахъ славянъ; если это и преданіе, то во всякомъ случаѣ нерусское.

Что заимствовано въ лѣтописи изъ варяжскихъ источниковъ, сказать трудно. Сходство нѣкоторыхъ преданій съ скандинавскими еще ничего не обозначаетъ — это бродячія сказки, существующія у самыхъ разнообразныхъ племенъ. По годинъ, по обыкновенію, говоритъ о варяжскихъ источникахъ вообще (I, 102). Кажется, онъ полагалъ, что, кромѣ извѣстныхъ сказокъ, отъ варяговъ перешли въ лѣтопись нѣкоторыя этнографическія извѣстія—о племенахъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря, и извѣстіе о пути изъ Варягъ въ Греки¹⁾. Котляревскій (въ рецензіи на книгу Забѣлина) считаетъ старымъ варяжскимъ преданіемъ, перенесеннымъ на русскую почву и переданнымъ въ русской книжной оболочкѣ, — рассказъ о принесеніи въ жертву при Владимірѣ двухъ варяговъ.

Кромѣ иноземныхъ источниковъ составитель лѣтописи пользовался, разумѣется, и туземными. Какъ и въ первомъ случаѣ,

¹⁾ Не знаю почему, но извѣстіе лѣтописи о давнихъ путяхъ Срезневскій причисляетъ къ преданіямъ.

составитель лѣтописи могъ пользоваться источникомъ двойнымъ способомъ: или вставлятъ его цѣликомъ (или частью) въ лѣтопись, или вставить изъ него извѣстіе въ собственномъ пересказѣ.

Анализъ туземныхъ источниковъ мы начнемъ съ лѣтописныхъ преданій, такъ какъ во первыхъ здѣсь тоже иногда можно предполагать въ русскомъ переводѣ все же иноземное происхожденіе, и во вторыхъ большая часть преданій несомнѣнно проникла въ лѣтопись путемъ вставокъ, можетъ быть даже изъ письменнаго источника.

Источникъ весьма многихъ преданій въ Древней русской лѣтописи указанъ быть не можетъ, потому что преданія эти сходны съ преданіями самыхъ разнообразныхъ народовъ—очевидно, это бродячія саги. Можно видѣть въ нихъ и народныя преданія, и обломки дружиннаго эпоса, и книжныя легенды. Какъ извѣстно, въ современномъ русскомъ народномъ сказочномъ и былинномъ эпосѣ сохранилось слишкомъ мало рассказовъ, имѣющихъ сходство съ лѣтописными, да и тѣ, вѣроятно, проникли въ эпосъ путемъ отдѣльныхъ народныхъ повѣстей, заимствованныхъ уже изъ лѣтописи.

Сухомлиновъ (въ статьѣ о преданіяхъ) анализируетъ три лѣтописныхъ преданія: 1) о сотвореніи челоуѣка двумя враждебными одна другой силами въ рассказѣ о волхвахъ. Съ этимъ преданіемъ сходно и еще одно псковское преданіе и одна малороссійская оповѣдка, приводимыя Сухомлиновымъ. Сухомлиновъ сопоставляетъ съ ними извѣстія изъ скандинавской саги, апокрифическій рассказъ и магометанское преданіе, схожіе кое въ чемъ между собою, но мало похожіе на лѣтописный рассказъ. Въ рассказѣ же этомъ скорѣе можно видѣть отраженіе богумильскихъ взглядовъ, которые несомнѣнно проникали къ намъ въ древности изъ Болгаріи и циркулировали у насъ въ апокрифическихъ сочиненіяхъ.

Такіе же рассказы сохранились и донинѣ у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, напр. у вотяковъ.

Недавно Н. Владимірскій (Уч. Зап. Каз. Ун. 1875 г.

№ 5, О прологѣ) указалъ еще на апокрифическіе источники для Древней лѣтописи, напр. извѣстіе о Симонѣ волхвѣ, вошедшее въ лѣтопись въ разсказѣ о бѣлозерскихъ волхвахъ подѣ 6579 г.; впрочемъ, приведенная имъ статья изъ одного пролога несовсѣмъ убѣдительна. Источникъ извѣстія о волхвахъ фараоновыхъ (здѣсь же) онъ указываетъ въ Евангеліи Никодима, которымъ пользовался митрополитъ Иларіовъ въ словѣ о законѣ и благодати.

Второе преданіе, приводимое Сухомлиновымъ, — о смерти Олега, извѣстно въ скандинавской редакціи (исландская сага объ Оррварѣ Оддѣ) и въ сербской (смерть турецкаго султана). Сюда же присоединяетъ онъ нѣсколько сагъ о неизбѣжности рока¹⁾.

Съ преданіемъ о смерти Олега сходенъ еще разсказъ о смерти римскаго сановника, насмѣявшагося надъ христіанскимъ проповѣдникомъ и умершаго, согласно его предсказанію, отъ укушенія мраморнаго льва, т. е. отъ ехидны, гнѣздившейся въ его пасти, куда вельможа всунулъ руку насмѣшки ради.

Аналогичная же легенда недавно записана въ грязовецкомъ уѣздѣ вологодской губерніи и сообщена въ журналѣ Свѣтъ 1879 № 7, о смерти боярина Засѣвки отъ свиной туши, согласно предсказанію юродиваго, что онъ умретъ отъ любимыхъ свиней.

Разсказъ о мести Ольги Сухомлиновъ сопоставляетъ съ извѣстіями Ніаль саги, Стиръ саги и съ разсказами о взятіи Гаральдомъ Смѣлымъ одного сицилійскаго города, и Тита Ливія о хитрости Аннибала. Такая же сказка была у чеховъ и на нее есть намекъ въ хроникѣ Далимила, по поводу взятія Кіева татарами. Личность Ольги облечена многими преданіями (см. ниже). Разсказъ объ отношеніяхъ ея къ сыну Сухомлиновъ сближаетъ съ былинною о Василю Буслаевѣ и его матери Мамельфѣ Тимофеевнѣ.

¹⁾ Хрущовъ сравниваетъ извѣстіе о смерти Олега съ былиннымъ разсказомъ о смерти Василя Буслаевича, гдѣ тоже идетъ рѣчь о борьбѣ съ судьбою.

Полнѣ указаны преданія русской лѣтописи (до Владимира Святаго) въ статьѣ Костомарова, который однако не говоритъ о томъ, народныя ли это преданія, или дружинныя. Такъ какъ Костомаровъ вспоминаетъ при этомъ и Бояна и автора Слова о полку Игоревѣ,—надо думать, что и преданія онъ считаетъ дружинными. Но съ другой стороны всякое приводимое имъ преданіе Костомаровъ сближаетъ съ иными русскими (особенно малорусскими) народными преданіями, что составляетъ очень богатый матеріалъ. Конечно, онъ сближаетъ эти преданія и съ другими подходящими, хотя бы и не народными. Мы перечисляемъ эти преданія независимо отъ того, какого они могутъ быть происхожденія, такъ какъ здѣсь о каждомъ преданіи ведутся жаркіе споры. Геденовъ и Иловайскій гораздо болѣе отводятъ мѣста византійскому элементу, чѣмъ это было до сихъ поръ. Хрущовъ указываетъ, что большинство древнихъ преданій имѣетъ мѣстный характеръ, касаясь Кіева и близъ лежащихъ мѣстностей, напр. Переяславля, Бѣлгорода, Дривлянской земли ¹⁾).

Вотъ какія преданія указываетъ Костомаровъ: преданіе о славянахъ и волхвахъ. Нѣкоторые ученые допускаютъ вѣрность извѣстія о волхвахъ — насильникахъ славянъ и принимаютъ за волхвовъ различныя племена.

Мифіе объ этомъ Ламбина мы уже указали.

Преданія объ уграхъ и обрахъ. Иловайскій склоненъ приписать преданію объ обрахъ византійское происхожденіе, на основаніи слога, отзывающагося переводомъ. Онъ приводитъ византійскую поговорку: погibli, какъ гунны. Но въ сказаніи франкскаго лѣтописца Фредегара (III в.) тоже говорится о насиліяхъ аваровъ надъ славянами, такъ что здѣсь скорѣе можно видѣть западно-славянское преданіе; это соображеніе подтверждается еще и тѣмъ, что слова: обръ у чеховъ, оборъ у лужичанъ и обримъ у поляковъ, сохранились въ значеніи исполина, великана.

¹⁾ Преданія Древней лѣтописи указаны и въ Чтеніяхъ Срезневскаго, но безъ всякой критики.

Преданія о родоначальникахъ Изъ этихъ преданій любопытнѣе другихъ преданія о Кіѣ, которыхъ уже у лѣтописца было два. По мнѣнію Срезневскаго одно изъ нихъ мѣстное кievское, другое дунайское, занесенное изъ Болгаріи. Лѣтописецъ выбралъ болѣе почетное для Кіа, съ негодованіемъ отвергнувъ мысль объ основаніи Кіева на перевозѣ черезъ Днѣпръ. Но уже Шлецеръ приписывалъ Кіеву такое же происхожденіе, какъ Франкфурту, Оксенфурту и т. п. Во всякомъ случаѣ подобныхъ преданій для объясненія географическихъ названій у насъ очень много. Было преданіе о походѣ Кіа на Царьградъ, это, конечно, одно изъ многихъ подобныхъ преданій. Погодинъ разсужденіе о Кіѣ въ лѣтописи считалъ вставкою, Нестору не принадлежащею.

Причисляемое Срезневскимъ къ преданіямъ, извѣстіе о древнихъ княжествахъ послѣ Кіа представляетъ, кажется, скорѣе домыселъ лѣтописца.

Преданіе о странахъ поднѣстровскихъ и объ угличахъ, принимается Ламбинимъ за достовѣрное извѣстіе (см. выше).

Преданія о казарахъ.

Преданіе о призваніи князей. Анализъ его сдѣланъ у Костомарова слабо, но ему посвящена большая часть работъ Иловайскаго о норманизмѣ. Иловайскій подобралъ для доказательства сказочности извѣстія много аналогическихъ разсказовъ, напр. разсказъ Прокопія о герудахъ и т. п. Ояъ склоненъ даже видѣть въ этомъ разсказѣ тенденціонную выдумку книжника XI—XII вѣка, можетъ быть, новгородскаго происхожденія, внесенною въ лѣтопись съ цѣлью придать русскимъ князьямъ происхожденіе отъ знаменитыхъ въ то время по своимъ подвигамъ нормановъ¹⁾. Иловайскій сопоставляетъ съ нимъ извѣстія Лаврентьевскаго списка о призывѣ князей въ Суздаль по смерти Андрея Боголюбскаго, равно какъ и легенду о возникновеніи литовскаго государства; такъ что здѣсь виденъ

¹⁾ Иловайскій въ появленіи этой басни въ лѣтописи готовъ видѣть даже участіе князей, напр. Мономаха.

какъ бы извѣстный лѣтописный мотивъ. Любопытно, что уже древніе списки лѣтописи (Лаврентьевскій и Ипатьевскій) расходятся въ указаніи мѣста, гдѣ поселился Рюрикъ: 1-й называетъ Новгородъ, 2-й—Ладогу. Кажется, извѣстіе о призваніи варяговъ было у насъ не въ одной редакціи: въ Никоновской лѣтописи напримѣръ нѣтъ извѣстія о приходѣ Аскольда и Дира. Въ частности извѣстная фраза: земля наша велика и обильна, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ рассказѣ Видукинда о призваніи англосаксовъ: *terra postea spatiosa et fertilis*, и, можетъ быть, представляетъ подражаніе тѣмъ мѣстамъ библіи, въ которыхъ говорится о плодородіи земли.

Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ съ преданіемъ о призваніи князей связаны преданія о Гостомыслѣ (Не Осмомыслъ ли?).

Срезневскій считаетъ преданіемъ и извѣстіе о древней дани чуди и другихъ народовъ варягамъ.

Извѣстно, что мнѣнія о достовѣрности извѣстія о призваніи князей еще держится очень много ученыхъ и считаютъ его не преданіемъ, а лѣтописною записью, или историческимъ сказаніемъ. Взглядъ на это извѣстіе Ламбина мы уже видѣли.

Недавно г. Барсовымъ напечатана народная сказка о Юрикѣ новоселѣ (Др. и Н. Р. 1879 № 9), въ которой нельзя не видѣть сатирическаго отраженія въ народѣ преданія о призваніи Рюрика.

Преданія о переворотѣ въ Кіевѣ (т. е. о смерти Аскольда и Дира); о нихъ было говорено.

Преданіе объ Олегѣ. Выраженіе Олега относительно Кіева «Мати градомъ» близко къ греческому *μητρόπολις*¹⁾. Извѣстно, что съ походомъ Олега на Царьградъ между прочимъ сопоставляютъ былинны о Вольгѣ Святославичѣ и малорусскую пѣсню о Вайдѣ. Костомаровъ приводитъ еще и другія аналогичныя извѣстія. Иловайскій сближаетъ легенду о походѣ Олега съ греческимъ извѣстіемъ о знаменитомъ походѣ скифовъ въ III в.

¹⁾ Кунякъ замѣчаетъ, что и въ библіи (ин. Самуила 20, 19) Іерусалимъ названъ матерью городовъ израильскихъ (*μητρόπολις ἐν Ιερουζαλὴμ*).

(2000 кораблей и сравненіе Олега съ Св. Дмитріємъ, спасшимъ Солунѣ во время скифскаго похода).

Преданіе о смерти Олега; о немъ сказано выше.

Преданіе объ Игорѣ и Ольгиной мести—см. выше. Она относится къ циклу преданій (народныхъ по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи Древлянской земли. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ рассказовъ (по Срезневскому—лѣтописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едва ли могутъ быть отнесены къ раннему времени.

Извѣстно, что способъ убійства Игоря древлянами, какъ онъ ни легендаренъ повидимому, засвидѣтельствованъ однако почти современнымъ византійскимъ свидѣтельствомъ.

Въ позднихъ спискахъ лѣтописи есть много преданій объ Ольгѣ; нѣкоторыя изъ нихъ сходны съ рассказами о Февроньи Муромской. Народныя преданія объ Ольгѣ сохранились въ Псковской землѣ, откуда Ольга была родомъ (Якушинъ Путев. письма 1860 г. стр. 155 и д.).

Преданіе о земскомъ строеніи при Ольгѣ. Что это преданіе, видно изъ самого рассказа лѣтописи.

Преданіе о крещеніи Ольги и ея поѣздкѣ въ Константинополь. Здѣсь легендарны, конечно, лишь лѣтописныя подробности. Голубинскій полагаетъ, что позднѣйшая легенда замѣнила древнюю запись о крещеніи Ольги. Оболенскій приписываетъ извѣстіе о крещеніи Ольги слугнику ея священнику болгарину Григорію (оно было въ его лѣтописи), которому онъ приписываетъ и переводы Малады и Амартола. Хрущовъ тоже принимаетъ для извѣстій объ Ольгѣ письменный источникъ, слѣды котораго видны въ поученіи патріарха Ольгѣ и въ словахъ Ольги сыну.

Взятіе Святославомъ 80 городовъ на Дунаѣ Иловайскій считаетъ отраженіемъ извѣстія Проконія о построеніи Юстиніаномъ 80 дунайскихъ городовъ.

Начало рассказа о смерти Ольги (слова Святослава: не любо ми въ Кіевѣ быти) Хрущовъ считаетъ началомъ сказанія

объ осадѣ Кіева печенѣгами, только попавшимъ не на свое мѣсто.

Легендарнымъ характеромъ отличается предложеніе греческимъ императоромъ даровъ Святославу, который хватаетъ прежде всего мечъ, — обычный эпическій мотивъ.

Разсказъ о чашѣ, сдѣланной изъ черепа Святослава находитъ себѣ аналогію въ разсказѣ Амартола о смерти императора Никифора Геника, изъ черепа котораго Крумъ болгарскій сдѣлалъ чашу. Подобныя же преданія есть у иныхъ народовъ, напр. у лангобардовъ.

Междоусобіе сыновей Святослава. Здѣсь легендарны и отдача Владиміра новгородцамъ (притомъ это легенда съ сатирическимъ оттѣнкомъ), и разсказъ о Лютѣ, и исторія Рогяды, и личность Блуда, и личность Варяжко (здѣсь есть слѣды диттографіи, столь обычной въ римской исторіи). Для разсказа о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ Срезневскій предполагалъ особую повѣсть. Хрущовъ видитъ въ ней, преданіе изъ эпоса, скорѣе сочувственное Ярополку, чѣмъ Владиміру.

Преданія о Владимірѣ до крещенія.

Принятіе христіанства Владиміромъ и крещеніе Руси. Объ этой повѣсти скажемъ особо. Замѣтимъ только, что подробности осады Корсуня взяты несомнѣнно изъ бродячихъ сказокъ (См. подобныя преданія въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 6, стр. 405). Конечно, чистый вымыселъ представляютъ разсказы о Перуѣ.

Преданія о княженіи Владиміра послѣ его крещенія. Вполнѣ свазоченъ характеръ разсказа о Янѣ Усмошвицѣ, о которомъ мы уже говорили. Имя его записано Никоновскою лѣтописью; въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго богатырь этотъ названъ Переяславлемъ, потому что переписчикъ дурно прочелъ разсказъ. Съ нимъ сходны общеизвѣстныя сказки о Кожемякѣ. Въ лѣтописи сказка пристала къ преданію объ основаніи города Переяславля къмъ то, кто переелъ чью то славу. Хрущовъ сближаетъ разсказъ о Янѣ еще съ былинами; см. еще Буслаева: Русскій богатырскій эпосъ.

Осада Бѣлгорода. Сравни разсказъ Геродота о тиранѣ милетскомъ Тразибулѣ и царѣ лидійскомъ Алліатѣ. Странно, что Костомаровъ не замѣтилъ этого сходства и видѣлъ въ разсказѣ лишь насмѣшку надъ глупостью печенѣговъ.

Преданіе о пирахъ Владиміра, отразившееся и въ рускомъ богатырскомъ эпосѣ; характеръ преданія здѣсь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Полоцкія преданія о Рогнѣдѣ. Они, кажется, въ самомъ дѣлѣ мѣстнаго происхожденія.

Преданія о Владимірѣ и его эпохѣ въ Никоновскомъ сводѣ. Это большею частью распространенныя преданія изъ преданій предыдущихъ. Преданія о богатыряхъ занесены книжниками изъ былинъ или сказокъ, довольно позднихъ.

Преданіе о кающемся разбойникѣ Могутѣ относится къ разряду бродячихъ, такъ какъ встрѣчается часто и имѣетъ прототипомъ разсказъ о разбойникѣ евангельскомъ.

Преданій послѣ Владиміра уже не много. Въ разсказѣ о борьбѣ Святополка съ Ярославомъ легендарны лишь нѣкоторыя подробности.

Легенду о борьбѣ Мстислава съ Редедеемъ можно сблизить съ одною изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и еще нѣсколькими бродячими сказками. Легенда эта, вѣроятно, пристала къ извѣстію о постройкѣ Мстиславомъ въ Тмутаракани церкви Пресв. Богородицы.

Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще на слѣдъ пѣсни въ разсказѣ о битвѣ при Лиственѣ, гдѣ принималъ участіе варягъ Якунъ.

Обиліе преданій, занесенныхъ въ Древнюю русскую лѣтопись, несомнѣнно доказываетъ существованіе у насъ древняго былеваго эпоса, предшествовавшего такъ называемому русскому богатырскому эпосу. Полевой предполагалъ у насъ, на основаніи лѣтописныхъ преданій, существованіе цѣлыхъ поэмъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто еще не проанализировалъ этихъ преданій научнымъ образомъ. Извѣстія о древнихъ русскихъ юстахъ собраны Бестужевымъ-Рюминымъ (Лѣтописи стр. 41—

43), Майковимъ въ предисловіи къ его переводу Слова о полку Игоревѣ, Буслаевымъ и ин. др.

Большая часть указанныхъ преданій совершенно слилась съ лѣтописнымъ изложеніемъ и съ трудомъ можетъ быть изъ него выдѣлена въ формѣ отдѣльныхъ сказаній, тѣмъ болѣе, что составитель лѣтописи, безъ сомнѣнія, считалъ ихъ болѣею частью истинными, подтверждая ихъ то примѣромъ изъ византійской исторіи, то рассказомъ о современныхъ событіяхъ. Сухоминовъ указываетъ, что преданія эти поддерживались въ общей памяти существованіемъ извѣстныхъ памятниковъ, напр. могилъ древнихъ князей, которыя были извѣстны еще въ XI в.

Легче выдѣлить изъ состава древняго лѣтописнаго свода нѣсколько сказаній, вошедшихъ въ него цѣликомъ, или частью, почти не слившихся съ остальнымъ изложеніемъ. Мы укажемъ на тѣ мѣста Древней лѣтописи, которыя большинствомъ ученыхъ признаются вставками: особыми сказаніями и повѣстями. При этомъ, гдѣ это будетъ возможно, мы отмѣтимъ и предполагаемые источники этихъ вставокъ.

Легче всего выдѣляются изъ состава Древней лѣтописи сказанія и повѣсти религіознаго содержанія.

По мнѣнію почти всѣхъ изслѣдователей обширный лѣтописный рассказъ о принятіи христіанской вѣры Св. Владиміромъ и Землею русскою представляетъ собою огромную вставку. Повѣсть эта составлена по нѣсколькимъ источникамъ: византійскіе элементы въ ней уже нами указаны, самостоятельная же часть ея составлена по существовавшему въ XI вѣѣ житію Блаженнаго Владиміра (напечатанному митр. Макаріемъ въ Христіанскомъ чтеніи 1849 г. и въ Исторіи церкви т. I), но уже въ распространенной редакціи. Сравненіе лѣтописи съ житіемъ и вообще анализъ повѣсти сдѣланы Сухоминовымъ, Голубинскимъ и Хрущовымъ. Послѣдній предполагаетъ для этой повѣсти рядъ предыдущихъ сказаній: сказаніе о томъ, какъ къ князю приходили проповѣдники вѣры, сказаніе о грекѣ фидософѣ и т. д.

Митрополитъ Макарій приписываетъ составленіе житія

Іакову Мняху. Вутковъ, а за нимъ Хрущовъ и Голубинскій отрицають это и авторомъ житія считаютъ какого либо грека, поселившася въ Россіи, можетъ быть, Θεодосіа, жившаго въ Кіевѣ въ первой половинѣ XII вѣка, автора и переводчика нѣкоторыхъ сочиненій (см. о немъ у Голубинскаго). Въ такомъ случаѣ житіе составлено уже послѣ Древней лѣтописи, откуда въ него даже внесено нѣсколько извѣстій, и въ томъ числѣ похвала Блязю Владиміру. Тогда, разумѣтся, и Повѣсть внесена въ Древнюю лѣтопись позднѣе ея составленія, причеиъ переработку ея Голубинскій считаетъ сдѣланною подѣ влияніемъ повѣсти Іегуды Галеви (жившаго въ 1-ой половинѣ XII вѣка) объ обращеніи хазаръ въ іудейство.

Въ сборникахъ сохранилась повѣсть, но уже сокращенная по лѣтописи: слово о томъ, како крестися Володимерь, возмья Корсунь, сдѣланная какииъ то Θεодосіемъ (см. Опис. рукоп. Рум. музея № 306 и Голубинскій I, 119, пр. 2). Еще одна повѣсть о крещеніи Владиміра сохранилась на греческомъ языкѣ (напечатана въ переводѣ Голубинскимъ), причеиъ въ ней рассказъ о крещеніи Владиміра смѣшанъ съ рассказомъ о принятіи христіанства Диромъ, находящимся только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, и съ извѣстіями о Кириллѣ и Меѳодіѣ — и все это происходитъ при императорѣ Василіѣ Македоняннѣ. Въ Софійской лѣтописи говорится, что крещеніе Владиміра было при патр. Фотіѣ, который жилъ въ половинѣ IX вѣка. Костомаровъ полагаетъ, что рассказъ о принятіи вѣры русскимъ княземъ сложился въ $\frac{1}{2}$ IX в. и потомъ уже былъ перенесенъ на Владиміра.

У лѣтописца, какъ извѣстно, было еще нѣсколько преданій о крещеніи Владиміра, напр. что онъ крестился въ Василевѣ. Хрущовъ указываетъ на сходство рассказа въ лѣтописи о милостянѣ Владиміра съ рассказами о томъ же въ житіи Бориса и Глѣба Пр. Нестора и предполагаетъ для нихъ одинъ общій источникъ — какую либо древнюю запись. Майковъ (о былинахъ Владимірова цикла) сопоставляетъ заботу Владиміра о дружинѣ съ нѣкоторыми выраженіями народныхъ стиховъ.

Были еще древнія сочиненія о Владимірѣ, напр. похвала ему Іакова Мниха и слово Иларіона, но въ составъ лѣтописи они не вошли, почему о нихъ, равно какъ и о житіи Бл. Владиміра, скажемъ въ свое время.

Вставку въ лѣтопись представляетъ и сказаніе о судьбѣ Бориса и Глѣба, кажется, сокращенное изъ сказанія Іакова Мниха ¹⁾ о Борисѣ и Глѣбѣ, о чемъ было сказано выше. Впрочемъ, Ламбинъ и Иловайскій думаютъ, что приписываемое Іакову Мниху житіе составлено не имъ, а, по мнѣнію Иловайскаго, кѣмъ либо писавшимъ уже позднѣе Нестора. Іаковъ Мнихъ могъ написать тоже похвалу Св. Борису и Глѣбу, до насъ недошедшую (Р. Ист. I, пр. 58 и 59).

Отношеніе разсказа о Борисѣ и Глѣбѣ въ житіяхъ къ сказанію лѣтописи разсмотрѣно Срезневскимъ въ статьѣ Древнія жизнеописанія русскихъ князей (Изв. II Отд. Ак. Н. т. II) и Хрущовымъ; причѣмъ видно, что въ лѣтописи было прибавлено нѣсколько самостоятельныхъ извѣстій и еще отрывковъ изъ акафиста святымъ братьямъ. Хрущовъ полагаетъ, что и разсказъ лѣтописи о переселеніи мощей Св. Бориса и Глѣба сокращенъ изъ подробнаго разсказа о томъ же Іакова Мниха.

Восточовъ и митр. Маварій указали, что въ лѣтописи вставлены подъ 6575 г. (въ иныхъ спискахъ подъ 6596 г.) мѣста изъ поученія, приписываемаго Преп. Ѳеодосію печерскому — о казняхъ Божіихъ; поученіе это сохранилось особо. См. обо всемъ этомъ у Сухомлинова, который сдѣлалъ обстоятельное сличеніе поученія съ лѣтописью.

Впослѣдствіи было указано, что поученіе о казняхъ Божіихъ составлено по слову о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ, приписываемому Златоусту и находившемуся въ древней славянской письменности, и, такъ какъ въ лѣтописи это поученіе сохранилось будто бы въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ читаемое отдѣльно, то есть мнѣніе, что поученіе напротивъ кѣмъ то за-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ выдержекъ изъ Іакова Мниха значительно больше.

имствовано изъ лѣтописи (Срезневскій: Свѣдѣнія о малозвѣстныхъ памятникахъ № XXIV и Вадковскій: о поученіяхъ, Θεодосія Прав. Собес. 1876 г. ч. 3-я); но Голубинскій отстаиваетъ принадлежность поученія Преп. Θεодосію.

Подъ 6582 г. въ лѣтописи находятся отрывки поученія Преп. Θεодосія о постѣ, что означено въ самой лѣтописи.

Нѣсколько фразъ изъ слова Преп. Θεодосія о варяжской вѣрѣ находятся въ повѣсти о вселенскихъ соборахъ (см. выше стр. 131).

Костомаровъ считаетъ проповѣдями риторическія размышленія подъ 1078, послѣ смерти Изяслава, и подъ 1093 г. — по поводу нашествія половцевъ.

Въ лѣтопись вошло нѣсколько печерскихъ сказаній, именно сказаніе объ обрѣтеніи мощей Преп. Θεодосія печерскаго, написанное самимъ обрѣтателемъ, ученикомъ Θεодосія. Съ этимъ сказаніемъ связано сказаніе о погребеніи Маріи, жены Яновой, — по предположенію большинства изслѣдователей, жены тысяцкаго Яна Вышатица. Тому же ученику Θεодосія, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, принадлежатъ и еще два печерскихъ сказанія: чесо ради прозвася печерскій монастырь ¹⁾ и сказаніе объ успѣнїи Θεодосія, къ которому примыкаетъ рассказъ о подвигахъ Θεодосіевой братіи. Костомаровъ именно это сказаніе принимаетъ за лѣтопись печерскаго монастыря. Анализъ ихъ сдѣланъ Бестужевымъ-Рюминимъ.

Къ автору этихъ сказаній легче чѣмъ къ кому либо иному могутъ быть отнесены общеизвѣстныя автобіографическія даты Древней лѣтописи. Характеристика его на основаніи сказаній сдѣлана Хрущевымъ. Анализъ же печерскихъ сказаній сдѣланъ Яковлевымъ: Древнія кїевскія религіозныя сказанія, причомъ авторъ старается указать на ихъ источники или византійскіе образцы. Впрочемъ о Патерикѣ печерскомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Извѣстія этого сказанія особенно не согласны съ извѣстіями, сообщаемыми Несторомъ въ житїи Св. Θεодосія.

Хрущовъ допускаетъ, что авторъ этихъ сказаній могъ сдѣлать еще нѣсколько записей, вошедшихъ въ лѣтопись, особенно о Печерскомъ монастырѣ; но примѣры записей, приводимые имъ, таковы, что они могли быть записаны кѣмъ угодно. Вестужевъ-Рюминъ доказываетъ, что въ лѣтопись не вошло очень много и важныхъ извѣстій о Печерскомъ монастырѣ, а тѣ, которыя вошли, носятъ характеръ вставокъ. Можетъ быть все это обломки древней печерской лѣтописи, но вѣрнѣе допустить, что эти сказанія существовали независимо отъ церковныхъ погодныхъ записокъ, заключая одинаковый съ ними историческій матеріалъ изъ синодиковъ и другихъ аналогическихъ источниковъ (См. у Яковлева стр. 101).

Хрущовъ считаетъ эти сказанія (именно сказаніе объ основаніи Печерскаго монастыря) началомъ историческаго творчества въ этомъ монастырѣ, но это уже произвольно. Вѣрнѣе видѣть въ нихъ уже вторую редакцію (Яковлевъ).

Въ лѣтопись подъ 1071 г. внесено еще самостоятельное сказаніе о волхвахъ, состоящее изъ четырехъ рассказовъ. Изъ нихъ самый подробный о Янѣ Вышатичѣ. Хрущовъ склоненъ приписать это сказаніе тому же ученику Феодосія, которому приписаны и предыдущія сказанія. Кромѣ сходныхъ литературныхъ приемовъ его наводитъ на эту мысль предполагаемая близость Яна Вышатича къ Печерскому монастырю. Нѣкоторые иноземные источники этого сказанія указаны выше. Вестужевъ-Рюминъ считаетъ этотъ рассказъ особою повѣстью, — сокращеннымъ поучительнымъ сочиненіемъ противъ волхвовъ.

Къ внесеннымъ въ лѣтопись сказаніямъ относятся еще рассказы о нападеніи половцевъ. Ихъ три: подъ 1068 годомъ, чрезвычайно живой и написанный современникомъ событія. Авторомъ его Хрущовъ считаетъ духовное городское лицо, близкое къ Всеславу Полоцкому; но для этого очень мало данныхъ. Къ этому сказанію позднѣе было присоединено поученіе о казняхъ Божіихъ, о которомъ было говорено. Второе сказаніе подъ 1093 годомъ, тоже написанное духовнымъ лицомъ, и третье подъ 1096 г. — о нашествіи Болыка, написано въ Печерскомъ

монастырь и, по мнѣнію Хрущова, Преп. Несторомъ. Анализъ всѣхъ этихъ сказаній сдѣланъ Хрущовымъ. Къ послѣднему сказанію примыкаетъ и записанный авторомъ третьяго сказанія со словъ Гюраты Роговича особый рассказъ о югрѣ; о немъ скажемъ тотчасъ же. Этому же автору Хрущовъ склоненъ приписать и составленіе повѣсти временныхъ лѣтъ. Замѣтимъ однако, что принадлежность какихъ либо сказаній одному и тому же автору Хрущовъ принимаетъ исключительно на основаніи литературныхъ соображеній, на основаніи напр. извѣстной сжатости или распространенности слога, картинности или сухости, смиренія и т. п.; почему достигнутые такимъ образомъ Хрущовымъ результаты не всегда могутъ считаться доказанными.

Преп. Нестору, по мнѣнію Хрущова, можетъ быть приписанъ и рассказъ о смерти Ольги, съ похвалой ей.

Отдѣльную повѣсть, кажется, позднѣе вставленную въ лѣтопись, подъ 6605 годомъ представляетъ рассказъ о судьбѣ Василька Князя Теробовльскаго, о его ослѣпленіи и послѣдующихъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ, событіяхъ. Повѣсть эта, по мнѣнію большинства изслѣдователей, внесена въ лѣтопись изъ письменнаго источника, составленнаго жителемъ города Владиміра Волынскаго Василюмъ¹⁾, который велъ переговоры между Василькомъ и Давидомъ Игоревичемъ, о чемъ ясно рассказано въ самой лѣтописи. Конечно, всѣ свѣдѣнія Василій зналъ отъ первыхъ лицъ, т. е. отъ самаго Василька.

Изслѣдователи неодинаково отмѣчаютъ начало рассказа Василя; чтобы избѣгнуть этого различія, Сухомлиновъ принимаетъ, что въ началѣ подлинный рассказъ Василя замѣненъ изложеніемъ лѣтописца. Нѣкоторыя извѣстія рассказа еще разъ повторяются въ лѣтописи, хотя подъ иными годами.

Замѣчено сходство въ слогѣ Василя съ слогомъ Галицко-Волынской лѣтописи и даже съ слогомъ Слова о полку Игоревѣ. Соловьевъ считаетъ рассказъ о Василькѣ отрывкомъ изъ недошедшей до насъ первой части Галицко-Волынской

¹⁾ Карамзинъ полагалъ, что напротивъ Василій пополнялъ Нѣсторк.

лѣтописи; но все же онъ могъ быть прежде отдѣльнымъ сказаніемъ. Литературный анализъ разсказа сдѣланъ Хрущовымъ.

Кто такой этотъ разсказчикъ Васидій? Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника Галицкой области; но Бутковъ (Оборона) отиѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они ни разу не называютъ его: отче, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волни осматривалъ училища. Наконецъ Хрущовъ приводитъ нѣкоторыя соображенія объ отношеніяхъ Васидія къ Выдубецкому монастырю.

Несомнѣнно особое сказаніе представляетъ разсказъ Гюраты Роговича¹⁾ о Югрѣ. Иные считаютъ его разсказомъ самого Гюраты лѣтописцу (Се же хоцю сказати, яже слышахъ... яже сказа ми се и т. д.). Бестужевъ-Рюминъ, напротивъ, думаетъ, что разсказъ заимствованъ составителемъ лѣтописи изъ письменнаго источника новгородскаго происхожденія, гдѣ уже написано было «се же хоцю сказати и т. д.». Онъ сближаетъ его съ извѣстіемъ о чудесахъ въ Югрѣ, именно о стеклянныхъ глазкахъ²⁾ и пр., находящимся въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи. Возможно, что это два отрывка одного новгородскаго сказанія. И тотъ и другой разсказъ находятъ себѣ аналогію въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ Страбона, напр. о мѣновой торговлѣ Карагена.

Къ разсказу Гюраты Роговича присоединена вставка изъ Мееодія Патарскаго, о которой было говорено.

Среди записей конца XI вѣка инны блещутъ такими подробностями, что можно предполагать здѣсь особыя сказанія; таковъ разсказъ объ убійствѣ Итларя подъ 1095 годомъ, писанный или разсказанный лѣтописцу однимъ изъ дружинниковъ Владиміра Мономаха или воеводы его Ратибора. Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы сказали, указываетъ такія сказанія особенно часто.

¹⁾ Иные читаютъ: Гюря (Юріѣ) Търговичъ (см. Шлецерь I, 88).

²⁾ Т. е. о бисерѣ. См. объ этомъ Забѣлинъ: Ист. русса. жизни, т. 2-ой.

Соловьевъ, а за нимъ и Бестужевъ-Рюминъ принимаютъ за особое сказаніе разсказъ о борьбѣ Мстислава Владиміровича съ Олегомъ черниговскимъ и считаютъ его новгородскимъ, такъ какъ онъ сходенъ съ новгородскими лѣтописями; написанъ онъ не монахомъ.

Среди этого разсказа вставлено извѣстіе о нападеніи Бояна, о которомъ было уже говорено.

Затѣмъ въ лѣтописи есть большой разсказъ о походахъ русскихъ князей на половцевъ, вѣроятно примыкающій къ извѣстію объ огненномъ столпѣ, которое обыкновенно принимается за окончаніе Древняго свода, такъ какъ здѣсь стоитъ приписка Сильвестра. Но въ этомъ разсказѣ въ началѣ повторяется то, что есть въ разсказѣ о походѣ 1103 г., лишь въ иной редакціи; потомъ уже идетъ разсказъ оригинальный и въ заключеніи снова говорится объ огненномъ столпѣ. Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы видѣли, на основаніи этого мѣста предполагаетъ окончаніе свода нѣсколько позднѣе 1110 года, такъ что здѣсь одно сказаніе разрѣзано припискою Сильвестра. Но и это предположеніе не объясняетъ той путаницы, которая оказывается въ этомъ мѣстѣ лѣтописи. Притомъ составитель этого сказанія не можетъ быть составителемъ свода, такъ какъ онъ не могъ смѣшать походы 1103 и 1111 годовъ; см. выше мнѣнія о времени, которымъ оканчивается Древняя лѣтопись.

Многіе ученые: Костомаровъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, отдѣляютъ, какъ особенное сказаніе, внесенное въ сводъ и его начинающее, повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ что это заглавіе относятъ не ко всей лѣтописи, а къ ея части. Костомаровъ считаетъ эту повѣсть предисловіемъ (безъ годовъ) и думаетъ, что она оканчивается тамъ, гдѣ начинается числовая лѣтопись (въ лѣто 6360). Въ свою очередь и она состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, спаянныхъ вмѣстѣ и перепутанныхъ; въ нее вошли отрывки изъ Георгія Амартола, дополненія къ нимъ русскаго повѣствователя, легенда о Св. Андреѣ, исчисленіе народовъ въ русскомъ мирѣ и исторія полянъ, которую Костомаровъ склоненъ считать за основу всей повѣсти.

Въ этой повѣсти, по мнѣнію Костомарова, можетъ принадлежать и сказаніе о призваніи варяговъ; а, можетъ быть, была особая повѣсть — отъ изгнанія варяговъ и до 1043 г., т. е. до послѣдняго похода на Грецію (когда тонъ разсказа уже дѣлается инымъ), опять таки съ особыми вставками: лѣтопись Печерскаго монастыря, повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, о крещеніи Владимира, договоры, поученіе Мономаха и т. п. Наконецъ объ повѣсти могли составлять и одно цѣлое. Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ оканчиваютъ повѣсть временныхъ лѣтъ утвержденіемъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ («кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити» и т. д.), причо́мъ по Вестужеву-Рюмину повѣсть эта происхожденія кіевскаго (ср. отъзвы о полянахъ) и написана едва ли не съ цѣлью связать Кіевъ и Новгородъ, а можетъ быть и показать преимущества Кіева предъ Новгородомъ (сказаніе объ Апост. Андрѣ). Впрочемъ, Бестужевъ Рюминъ полагаетъ, что ее неразъ передѣлывали, кое что вставляли и т. д., такъ что и здѣсь мы имѣемъ сводъ, конечно, не говоря уже о византійскихъ приставкахъ. Вестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ въ ней нѣсколько сегментовъ, начинающихся напр. такъ: Полянѣмъ же жившимъ особѣ, или, славянску же языку, живущу на Дунаѣ и т. п. Писана была повѣсть безъ чиселъ, таблица же я годы вставлены позднѣе, причо́мъ есть много пустыхъ годовъ. Составлена повѣсть не раньше половины XI вѣка, такъ какъ въ ней есть извѣстіе о половцахъ, и не позже XII, ибо по ней вятичи еще не крещены. Вестужевъ-Рюминъ допускаетъ, что она составлена монахомъ Печерскаго монастыря; къ этой повѣсти присоединяетъ онъ и разсказъ о призваніи варяговъ. Хрущовъ дѣлаетъ предположеніе, что монахъ этотъ былъ именно Преп. Несторъ, которому онъ приписываетъ первую работу надъ русскимъ лѣтописаніемъ и полагаетъ, что повѣсть временныхъ лѣтъ доходитъ до Владимира, причо́мъ, разумеется, допускаетъ и вставки; такими позднѣйшими вставками считаетъ онъ разсказы объ Апост. Андрѣ и о Рюрикѣ; послѣдній вставленъ уже Сильвестромъ.

Выдѣливъ изъ состава Древней лѣтописи все то, что, по мнѣнію ученыхъ, заимствовано изъ отдѣльныхъ сказаній или повѣстей, мы должны сказать еще нѣсколько словъ и о находящихся въ ней небольшихъ замѣткахъ. Мы говорили уже, что почти невозможно рѣшить, принадлежитъ ли извѣстная запись въ составу какой либо лѣтописи, предшествовавшей своду, и была ли она записана въ нее подъ опредѣленнымъ годомъ, или она была мелкою летучею замѣткою, попавшею въ лѣтопись или даже въ сводъ изъ иного источника. Можно полагать, что отдѣльными замѣтками были записи, отмѣчающія болѣе древнія событія, но и записи о новыхъ событіяхъ тоже могли существовать независимо отъ лѣтописи и потомъ быть въ нее вставлены. Бестужевъ-Рюминъ при опредѣленіи состава Древней лѣтописи постоянно допускаетъ возможность такой вставки.

Анализъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ составъ Древней лѣтописи, сдѣланъ Срезневскимъ въ Чтеніяхъ о лѣтописяхъ.

Исходя изъ существованія у насъ книгъ еще въ X вѣкѣ, Срезневскій доказываетъ, что сохранившіяся лѣтописи — это такъ сказать палимпсесты, по которымъ можно прочесть и болѣе древнія лѣтописи, составлявшіяся въ свою очередь изъ древнѣйшихъ; доказательствъ этой теоріи Срезневскій ищетъ именно въ древнихъ лѣтописныхъ замѣткахъ.

Древняя лѣтопись 1110 г.; но въ нее занесены извѣстія о событіяхъ болѣе раннихъ — VII и VIII вѣка и, кромѣ византійскихъ и болгарскихъ (проникшихъ изъ иныхъ источниковъ), записаны и событія русскія; есть рядъ годовыхъ чиселъ, начиная съ 852 года съ замѣтками. Откуда все это могло взяться?

Подъ 859 г. записано: Имаху дань варязи, пришедше изъ заморья. Какъ могло быть записано подобное извѣстіе въ XII вѣкѣ?

Рядъ такихъ записей, причѣмъ онѣ сохраняютъ очень мелкія и точныя подробности, въ то время, какъ рассказы о несравненно болѣе важныхъ событіяхъ, если они сохранились

лишь въ формѣ народнаго преданія, отличаются крайнею неопредѣленностью и неправдоподобностью, существованіе о какомъ либо событіи различныхъ преданій, въ которыхъ лѣтописецъ XII вѣка долженъ уже былъ разбираться и ниня оспаривать; существованіе многихъ мелкихъ и точныхъ замѣтокъ о древнѣйшихъ событіяхъ не только въ древней лѣтописи, но и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ—все это привело Срезневскаго къ убѣжденію, что замѣтки о событіяхъ дѣлались тогда, когда извѣстное событіе хорошо помнилось, можетъ быть, даже тогда, когда оно случилось, т. е. что замѣтки существовали у насъ по крайней мѣрѣ съ начала X вѣка¹⁾). Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, какія замѣтки сдѣланы современниками, какія несовременниками, Срезневскій считаетъ уже невозможнымъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ выборку извѣстій, изъ которыхъ мы нѣсколько и приведемъ: «Въ лѣто 6367 козари имаху на полянѣхъ и на сѣверѣхъ и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и выверидѣ отъ дыма». Опять, какъ могли сохраниться подробности о дани? «Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ». Извѣстіе точно. «Въ лѣто 6422 иде Игорь на древланы и побѣдивъ взложи на нихъ дань большю Ольгову». Конечно, говоритъ Срезневскій, когда записывали извѣстіе о походѣ Игоря, былъ еще памятенъ походъ Олега. При имени Свѣнѣльда въ 6453 г. прибавлено «тѣ же отць Мъстишинѣ», а кто такой этотъ Мстиша, неизвѣстно. Очевидно, онъ былъ важенъ для составителя замѣтки только какъ современникъ. «6477 г. умре Ольга іюля въ 11 день». Откуда такая подробность? Въ 6479 г., когда Святославъ зиковалъ въ Бѣлобережьи, «бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча». Конечно, говоритъ Срезневскій, такія полныя свѣдѣнія могли быть занесены лишь современникомъ.

Далѣе, во II-мъ чтеніи Срезневскій приводитъ выборку такихъ замѣтокъ (отдѣленныхъ отъ преданій) до принятія Св.

¹⁾ Срезневскій въ этихъ самыхъ фактахъ видитъ доказательство существованія и лѣтописи въ X вѣкѣ, но это не убѣдительно.

Владиміромъ крещенія; впрочемъ, здѣсь указаны извѣстія, несомнѣнно заимствованныя изъ преданій. Срезневскій и оговорилъ, что иногда при краткости преданія оно ничѣмъ не отличается отъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Начиная съ Владиміра Святого краткихъ замѣтокъ о событіяхъ въ лѣтописи дѣлается все больше и больше. Весьма вѣроятно, что замѣтки эти сдѣланы современниками и, быть можетъ, даже самими лѣтописцами.

Масса древнихъ замѣтокъ, повидимому, не вошла въ Древнюю лѣтопись, а нашла себѣ мѣсто, какъ въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ, такъ и въ иныхъ источникахъ, напр. въ житіяхъ святыхъ и т. п. Прежде полагали, что всѣ подобныя замѣтки или сочинены позднѣе Древней лѣтописи, или пропущены при ея перепискѣ позднѣйшими переписчиками; но теперь, когда доказано существованіе древнихъ, независимыхъ отъ лѣтописи замѣтокъ, древность нѣкоторыхъ изъ сохранившихся въ позднѣйшихъ источникахъ записей вообще не можетъ быть оспариваема. Анализъ ихъ сдѣлалъ Вестужевымъ-Рюминомъ (Лѣтопись, стр. 60—69), высказывающимся въ пользу достовѣрности извѣстій въ этихъ записяхъ.

Нѣкоторыя изъ такихъ древнихъ замѣтокъ сохраняютъ даже печать современности, напр. въ Никоновской лѣтописи подъ 6375 (869 г.) записано, что въ Кіевѣ былъ гладъ великій. Кѣмъ и зачѣмъ, говорить Сухомлиновъ, могло быть выдумано подобное извѣстіе?

Всѣ извѣстія до 1110 г., не вошедшія въ Древнюю лѣтопись и сохранившіяся въ иныхъ печатныхъ источникахъ, собраны Вестужевымъ-Рюминомъ въ I приложеніи къ его сочиненію о лѣтописяхъ. Не вошли лишь извѣстія изъ Сянопсиса, изъ такъ называемой Подробной лѣтописи, изданной Львовымъ, и изъ лѣтописи Іоакимовской. Остальныя извѣстія, находящіяся въ составленномъ Татищевымъ лѣтописномъ сводѣ, Вестужевымъ-Рюминымъ внесены; внесены нѣкоторыя извѣстія и Стрыйковскаго, даже Титмара Мерзебургскаго, а во II при-

ложеніи — Длугоша. Впрочемъ, Бестужевъ-Рюминъ внесъ все, не исключая и позднѣйшихъ сказокъ.

Говорить о достовѣрности записей вообще очень трудно, но ученые склонны думать, что сухая лѣтописная замѣтка, исключая всякій слѣдъ субъективнаго отношенія записавшаго лица къ записанному имъ событію, болѣе или менѣе достовѣрна. Сухомлиновъ именно приводитъ примѣры, какъ какая либо запись при перепискѣ Древней лѣтописи выростала уже подъ вліяніемъ риторики; напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 6411 г. сказано: Игоревы възрастшю и хожаше по Ользѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу. Въ лѣтописцѣ Переяславля суздальскаго это извѣстіе передано слѣдующими словами: Игоревы възрастшю и хожаше по Ользѣ и всю воля его творѣ. Приведошѣ ему жену Ѡ Плескова именемъ Олгу, остроумную и корень и основаніе вѣрѣ христіанстей и намъ вождѣ. Списки Древней лѣтописи въ Никоновскомъ и другихъ позднѣйшихъ сборникахъ отличаются большимъ распространеніемъ замѣтокъ. Впрочемъ, существуютъ примѣры, что очень краткое и, повидимому, весьма объективное извѣстіе (Рюрикъ умеръ въ Корелѣ) оказывается не достовѣрнымъ (см. Бестужевъ-Рюминъ, лѣтописи стр. 60).

Гдѣ краткія замѣтки могли быть записаны? Вопросъ почти не разрѣшенный, но кое что можно указать. Прежде всего разумѣется въ Кіевѣ. Бестужевъ Рюминъ началомъ ихъ считаетъ первый годъ Олега. Годы предыдущихъ извѣстій вставлены уже потомъ по лѣтописямъ греческимъ. Гдѣ же писались эти замѣтки въ Кіевѣ? Это могли быть церковныя и монастырскія замѣтки, напр. нѣкоторыя извѣстія, касающіяся Печерскаго монастыря, могли быть записаны впервые именно въ Печерскомъ монастырѣ. Извѣстіе подъ 6596 г. объ освященіи церкви св. Михаила, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, могло быть записано въ Михайловскомъ Выдубецкомъ монастырѣ и т. п. Другія замѣтки, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, могли быть записаны при дворѣ великихъ князей и такія имѣютъ офиціальныя характеръ. Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, находящіяся въ Древней лѣто-

писи, могли быть предварительно записаны и не въ Кіевѣ. Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ постоянно принимаютъ, что новгородское извѣстіе записано въ Новгородѣ, волынское на Волыни и т. д., хотя это и проблематично: мало ли какимъ путемъ новгородское извѣстіе могло дойти до кіевскаго лѣтописца? По крайней мѣрѣ Срезневскій не рѣшался такъ сортировать извѣстія. Впрочемъ и Бестужевъ-Рюминъ выражается условно (см. напр. примѣч. на стр. 49). Въ средину этихъ извѣстій опять могли быть вставлены извѣстія, или даже сказанія, предварительно записанныя въ иномъ мѣстѣ и т. д. Всѣ эти замѣтки въ свою очередь могли имѣть самое разнообразное происхожденіе.

Бестужевъ-Рюминъ, дѣлая на стр. 49—57 подробный анализъ краткихъ извѣстій Древней лѣтописи по мѣстностямъ, иногда пытается даже опредѣлить, кто могъ записать извѣстное событіе? Или, лучше сказать, насколько видна въ записи личность автора? Въ такихъ случаяхъ Бестужевъ-Рюминъ руководствуется анализомъ симпатій и антипатій составителя замѣтки къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ; иногда анализъ касается манеры изложенія. Но нельзя не сказать, что выводы Бестужева-Рюмина, весьма правильныя съ точки зрѣнія теоріи, оказываются шаткими въ примѣненіи къ каждой данной записи, такъ какъ основаній для опредѣленія личности ея составителя всегда очень недостаточно, и самъ Бестужевъ-Рюминъ въ этомъ случаѣ постоянно выражается условно.

При невозможности выдѣлить изъ состава Древней лѣтописи краткія замѣтки, внесенныя въ нее позднѣе, очевидно, невозможно опредѣлить степень личнаго участія въ ней самого ея составителя. Конечно, говорить Бестужевъ-Рюминъ, онъ долженъ былъ находиться въ главномъ центрѣ тогдашней умственной дѣятельности и быть въ сношеніяхъ со многими людьми; многое могло быть записано имъ самымъ изъ изустныхъ разсказовъ. Трудно было не только собраніе извѣстій и слуховъ, но и самое собраніе письменныхъ сказаній, изъ которыхъ одно писалось въ Новгородѣ, другое въ Владимірѣ Волынскомъ,

третье, можетъ быть, въ Ростовѣ. Весьма вѣроятно, какъ принимаетъ и Вестужевъ-Рюминъ, что составителемъ внесены извѣстія, близкія ко времени составленія лѣтописи, т. е. конца XI и начала XII вѣка.

Прежде приписывали составителю Древней лѣтописи (какъ думали Нестору) всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ лѣтописи говорятъ очевидецъ; но рѣшить, былъ ли этимъ очевидцемъ самъ составитель лѣтописи, или онъ внесъ извѣстія, раньше записанныя какимъ либо очевидцемъ, теперь уже невозможно. Даже слово «ми» въ лѣтописи не всегда обозначаетъ лѣтописца: быть можетъ это «ми» было уже въ источникѣ, которымъ лѣтописецъ воспользовался, какъ это видно въ рассказѣ Василія о Васильѣ, гдѣ «ми» обозначаетъ Василія. По поводу рассказа Гюраты Роговича, мы указали, что и для этого рассказа Вестужевъ Рюминъ предполагалъ въ лѣтописи письменный источникъ, а не рассказъ самого Гюраты лѣтописцу. Но все таки несомнѣнно, что въ Древней лѣтописи нѣкоторые извѣстія сохранены очевидцами. Выборка таковыхъ извѣстій есть во всѣхъ сочиненіяхъ о лѣтописяхъ, напр. у Вестужева-Рюмина (стр. 14), у Костомарова (Левція стр. 24) и др.

Подъ 6614 г. записано наиболѣе точное указаніе на очевидца, сообщавшаго извѣстія какому то лѣтописцу, судя по времени, вѣроятно, составителю Древней лѣтописи: представися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90... отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь.

Одно указаніе, сообщенное очевидцемъ, нѣсколько смущало изслѣдователей своею будто бы несообразностью. Подъ 6573 г. записано: «Въ си же времена бысть дѣтищь ввержень въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровокомъ до вечера и пакы ввергоша и въ воду; бяшешъ бо сиць: на лицѣ ему срамнии удове, много нельзя казати срама ради». Но Погодинъ видѣлъ такого уродца въ мюнхенскомъ музеѣ.

Не могутъ служить указаніемъ на лѣтописца и довольно часто попадающіяся въ Древней лѣтописи случаи, гдѣ рассказъ

щикъ слѣды прошлаго подкрѣпляетъ современными фактами, напр.: «есть могила его (Олега Святославича) и до сего дне оу Вручого», «и есть село ес Ольжичи и доселе», такъ какъ подобныя глоссы могли перейти въ лѣтопись изъ первичнаго источника. Выборка такихъ мѣстъ есть у Погодина и у Хрущова.

Вотъ и все, что можно сказать о составѣ Древней лѣтописи на основаніи болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Точнѣйшее же опредѣленіе состава, какъ мы уже неразъ имѣли случай высказаться по поводу различныхъ частныхъ вопросовъ, признается современною наукою невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ вполне справедливы слова Бестужева-Рюмина, что Повѣсть временныхъ лѣтъ является архивомъ, въ которомъ хранятся слѣды погибшихъ для насъ произведеній нашей литературы.

Древняя лѣтопись сообщаетъ такую массу извѣстій о былевой и бытовой исторіи Россіи, что смѣшно и думать о ихъ указаніи. Замѣтимъ только то, что ни въ одномъ историческомъ источникѣ, касающемся русской исторіи, не выступаетъ съ такою ясностью образъ народа, какъ въ Древней лѣтописи. Народныя движенія, чувства, страсти, понятія и т. д. вырисовываются, не смотря на сухое, повидимому, лѣтописное изложеніе, съ необыкновенною рельефностью. Въ обширныхъ разсказахъ лѣтописей новгородскихъ и псковскихъ, или лѣтописей позднѣйшихъ южно-русскихъ есть картины движеній народныхъ массъ, неуступающія картинамъ Древней лѣтописи, но въ мелкихъ ея замѣткахъ, иногда состоящихъ ихъ двухъ трехъ словъ выступаетъ жизнь народа съ необыкновенною живостью, тогда какъ въ иныхъ лѣтописяхъ эти мелкія замѣтки посвящаются дѣяніямъ отдѣльныхъ личностей. Въ Древней лѣтописи личный элементъ почти отсутствуетъ и, если наша исторія удѣльно вѣчеваго періода даетъ намъ нѣсколько ясныхъ образовъ историческихъ лицъ, какъ напр. Преп. Θεодосія ¹⁾

¹⁾ Если еще въ житіи его не видѣть сильнаго вліянія византійскихъ источниковъ; см. Яковлевъ : Кіевскія религиозныя сказанія.

или Владимира Мономаха, то эти образы почерпаются из иных исторических источниковъ, свѣдѣнія которыхъ даже несомнѣнно сходны съ свѣдѣніями, сообщаемыми объ этихъ лицахъ лѣтописью. Но, благодаря Древней лѣтописи, намъ гораздо болѣе извѣстны, или лучше сказать дается путемъ непосредственнаго впечатлѣнія, а не путемъ ученаго историческаго анализа, бытъ народа въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ его дѣятельности. Справедливость требуетъ замѣтить, что столь же народный характеръ имѣтъ и лѣтопись такъ называемая Кіевская, отличающаяся и такою же художественностью. Лѣтописи же новгородскія, даже древнія псковскія и позднѣйшія южно-русскія, при всей ихъ народности, отличаются отсутствіемъ художественности. Это свойство лѣтописи—преимущественно служитъ выразителемъ народныхъ понятій и чувствъ, объясняется, конечно, тѣмъ значеніемъ, которое еще имѣлъ народъ въ продолженіе всего удѣльно-вѣчеваго періода, когда еще шумѣли вездѣ по городамъ народныя вѣча, когда народъ зачастую рѣшалъ всѣ общественныя дѣла сдумавши между собою, когда онъ заключалъ ряды съ своими князьями и садилъ ихъ на столъ, и когда на его обсужденіе отдавалъ князь то, что онъ думалъ съ своими боярами; когда еще смерды считали въ своемъ распоряженіи всѣ поля, лѣса и луга, гдѣ ходили ихъ соха, топоръ и коса, когда у нихъ были рыбныя ловли, бобровыя гоны и бортныя ухажи, словомъ, когда еще земля, по словамъ лѣтописца, была и велика и обильна; но уже начиналось подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ и политическихъ условій разложеніе стараго государственнаго и общественнаго строя и замѣна его новымъ, въ которомъ къ національнымъ чертамъ уже примѣшивались и черты, заимствованныя изъ византійскихъ идеаловъ (См. подобную же характеристику лѣтописи у Лапшюкова).

Мы не рѣшаемся говорить о хронологіи Древней лѣтописи, такъ какъ это вопросъ открытый и въ высшей степени трудный; можно сказать, что признаніе Древней лѣтописи лѣтописнымъ сводомъ дѣлаетъ его рѣшеніе въ общемъ и невозможнымъ. Исслѣдованіе о хронологіи Древней лѣтописи, даже о

хронологіи ея извѣстій въ какомъ либо изъ ея списковъ должно разбитъ на рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій чуть ли не о каждомъ ея годѣ. Вотъ отчего теперь въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи, для котораго почему либо важна какая нибудь хронологическая дата изъ лѣтописи, встрѣчается относительно ея болѣе или менѣе самостоятельное изслѣдованіе. Число такихъ маленькихъ изслѣдованій весьма велико, но никто еще не пытался хоть сколько нибудь ихъ согласить. Одно только можно сказать, что весьма многія даты въ лѣтописи не вѣрны; напр. Васильевскій и другіе изслѣдователи вполне доказали, что взятіе Корсуня Владиміромъ Святѣмъ имѣло мѣсто уже послѣ его крещенія. Несомнѣнно, что древней русской исторіи прійдется значительно измѣнить свой видъ, когда хронологія Древней лѣтописи опредѣлена будетъ правильно, если только это возможно.

Такъ какъ все то, что мы могли бы еще сказать о хронологіи Древней лѣтописи, относится и къ хронологіи лѣтописей вообще, то, чтобы не повторяться, мы укажемъ лишь на то мѣсто нашего труда (стр. 87 и д.), гдѣ объ этомъ вопросѣ уже было говорено.

Древняя русская лѣтопись, какъ памятникъ древне-русской литературы.

Характеристика Древней лѣтописи, какъ памятника литературнаго, превосходно сдѣлана Сухомяновымъ въ его сочиненіи о Древней лѣтописи. Но Сухомяновъ исходилъ изъ предположенія, что Древняя лѣтопись — продуктъ творчества одного лѣтописца, а именно Преп. Нестора. Въ настоящее время, когда лѣтопись признана сводомъ, характеристика ея сводится на характеристику цѣлаго литературнаго направленія, имѣвшаго мѣсто въ древней Руси въ XI вѣкѣ. Но характеристика этого направленія, основанная исключительно на Древней лѣтописи, можетъ считаться не полною, такъ какъ отъ XI вѣка дошли и иные литературные памятники, сходные съ тѣми, которые вошли въ составъ Древней лѣтописи, имѣющіе много

общихъ съ нею типическихъ чертъ и рельефно выражающіе идеи, жившія въ умахъ образованныхъ людей XI вѣка. Однако мы не рѣшаемся здѣсь расширить рамки нашего изложенія, такъ какъ имѣемъ въ виду лишь непосредственную цѣль—ознакомленіе съ Древнею лѣтописью. Поэтому, излагая ея характеристику съ литературной стороны, мы желаемъ указать лишь на свойства лѣтописцевъ XI вѣка. Въ сущности, мы допускаемъ здѣсь такую же фикцію, какъ и въ вопросѣ о составѣ Древней лѣтописи, т. е. принимаетъ эту лѣтопись за памятникъ цѣльный. Въ своемъ изложеніи мы руководствуемся лишь выводами Сухомлинова, такъ какъ послѣдующіе изслѣдователи или повторяютъ его мнѣнія, или даже, какъ напр. Бестужевъ-Рюминъ, прямо отсылаютъ читателей къ изслѣдованію Сухомлинова.

Замѣтимъ еще, что характеристику Древней лѣтописи Сухомлиновъ дѣлаетъ параллельно съ характеристикой нѣсколькихъ западно-европейскихъ лѣтописей, о чемъ мы будемъ говорить тотчасъ же.

Предметъ Древней лѣтописи, какъ и всѣхъ другихъ русскихъ лѣтописей,—судьба русской земли. Точно также и содержаніе ея составляютъ войны изъ за нея, набѣги непріятелей, княжескіе раздоры, сооруженіе церквей и монастырей и судьба ихъ, подвижничество монаховъ, распространеніе христіанства, наконецъ, сохраненіе преданій древности о родной землѣ. Помѣщеніе въ лѣтописи обширныхъ вставокъ, по мнѣнію Сухомлинова, показываетъ и цѣль литературную,—желаніе сообщать извѣстія достопамятныя вообще, не предназначая ихъ для какаго либо исключительнаго употребленія, и происходятъ изъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій.

Записи въ лѣтописи есть и краткія, и болѣе или менѣе пространныя; иногда такія замѣтки сплошь краткія; при разсказѣ о событіяхъ часто сообщаются свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ, а извѣстія о лицахъ состоятъ въ сообщеніи какихъ либо датъ изъ ихъ жизни, чаще

всего времени ихъ смерти и мѣста погребенія. Въ извѣстіяхъ о смерти какого либо лица часто упоминается о его дѣлахъ, дѣлаются отзывы о немъ, иногда дается его портретъ, или краткая характеристика.

Въ лѣтописи сообщенно и много чертъ быта внутренняго: вѣрованія, нравы, обычаи и т. п.

Мы сказали, что, характеризуя Древнюю лѣтопись, какъ памятникъ литературный, Сухомлиновъ сравниваетъ ее съ сочиненіями нѣкоторыхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, именно Козьмы пражскаго, Ламберта гершфельдскаго († 977 г.) и Григорія турскаго († 595). Всѣ три лѣтописца были монахи, первый и второй жили въ одно время съ Преп. Несторомъ; Григоріемъ турскимъ и Козьмою пражскимъ начинается лѣтописаніе во Франціи и Чехіи: слѣдовательно точекъ соприкосновенія между всѣми этими лѣтописцами есть много.

Въ извѣстіяхъ всѣхъ лѣтописей есть значительное сходство; но русская лѣтопись безпристрастнѣе всѣхъ въ описаніи нравовъ. Она не скрываетъ недостатковъ въ бытѣ славянъ, тогда какъ напр. Козьма пражскій бытъ древней Чехіи рисуетъ въ видѣ идилліи; Григорій турскій въ этомъ отношеніи ближе подходитъ къ русской лѣтописи.

У всѣхъ лѣтописцевъ преобладаютъ рассказы о внѣшней исторіи надъ рассказами о внутреннемъ бытѣ, и это само собою понятно, такъ какъ до послѣдняго времени внѣшнія событія болѣе привлекали общее вниманіе, нежели міръ внутренній. Всѣ лѣтописи отводятъ много мѣста войнамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, одинаково говорятъ о чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ. Русская лѣтопись даетъ сравнительно мало этого рода свѣдѣній, которыхъ особенно много у Григорія турскаго. Въ характеристикѣ лицъ всѣ лѣтописи кратки; живѣе другихъ Козьма пражскій, который притомъ очень любитъ говорить о красотѣ женщинъ,—черта въ нашей лѣтописи почти отсутствующая. Форма изложенія въ Древней лѣтописи такая же, какъ и во всѣхъ иныхъ лѣтописяхъ. Въ ней послѣдовательность хронологическая, событія, совершившіяся въ продолженіи нѣ-

сколькихъ лѣтъ, разбиты по годамъ. Иногда авторъ встаети вспоминаетъ и о времени позднѣйшемъ, напр. «Владиміръ творя пиры во всѣ лѣта»; иногда — о болѣе раннемъ: «Олегу помяну конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не вседати нань, бѣ бо преже въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ» и т. д. Такія отступленія дѣлаются лишь въ поясненіе событій, имѣвшихъ въ глазахъ автора извѣстное значеніе. Отсутствіе многихъ извѣстій, говоритъ Сухомлиновъ, объясняется тѣмъ, что не пришлось привести ихъ встаети въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку времени. Если отступленіе составляетъ цѣлый эпизодъ, то за нимъ слѣдуетъ извѣстная связка: но мы на прежнее возвращаемся и т. д. Такою же связью между частями разсказа служатъ выраженія: и се да скажемъ, или: се хоцю сказати. Совершенно таково же изложеніе Ламберта и Космы пражскаго. Григорій турецкій постоянно забываетъ прежній разсказъ изъ за новаго эпизода и потомъ къ нему возвращается.

Сухомлиновъ говоритъ далѣе, что кромя внѣшней хронологической послѣдовательности въ Древней лѣтописи видна и внутренняя послѣдовательность, видны понятія и чувства автора. Признавая Древнюю лѣтопись сводомъ, мы можемъ признать эту внутреннюю послѣдовательность лишь въ видѣ единства понятій и чувствъ вообще у нашихъ древнихъ лѣтописателей.

Каковы же были ихъ понятія и чувства?

Древняя лѣтопись всегда указываетъ причину событія; оно объяснено обыкновенно согласно съ народными взглядами того времени, иногда же авторъ излагаетъ и свое мнѣніе; причомъ, неважная по нашему мнѣнію причина могла быть очень важною въ его глазахъ, какъ напр. это видно въ разсказѣ о борьбѣ Ярополка и Олега.

Высшая причина всему — воля Божія, Провидѣніе, заявляющее свое присутствіе въ помыслахъ и чувствахъ лучшихъ людей, въ знаменіяхъ небесныхъ; часто разсказъ начинается фразою: вложи Богъ мысль добру, или: Богъ хизю вложи въ сердце. Видна необыкновенная вѣра въ праведный судъ Божій и многія событія являются наказаніемъ за грѣхи, за преступ-

леніе креста честнаго и т. п. Причиною же злыхъ дѣлъ напротивъ постоянно являются козни дьявола.

Совершенно таковы же взгляды и западныхъ лѣтописцевъ; впрочемъ, приписывать непосредственное божеское участіе въ дѣлахъ человѣческихъ свойственно всей древней исторіографіи.

Въ Древней лѣтописи нѣтъ вѣры въ случай или сдѣленіе обстоятельствъ (какъ это есть напр. у Козьмы пражскаго), но есть вѣра въ судьбу, — Провидѣніе проявляетъ свою волю въ знаменіяхъ небесныхъ и въ необыкновенныхъ явленіяхъ природы, почему очень серіозно сообщаются подобныя явленія и имъ придается (какъ и на Западѣ) пророческое значеніе; знаменія подтверждаются свидѣтельствами и объясненіями, какъ напр. въ разсказахъ о волхвахъ, или о Гюратѣ Роговичѣ. Авторъ постоянно во всемъ даетъ себѣ отчетъ, судить, соображаетъ съ источниками и т. д., и въ этомъ отношеніи Древней лѣтописи уступаютъ всѣ лѣтописи позднѣйшія. Сухомлиновъ указываетъ еще на тенденцію лѣтописи объяснить имена народовъ (поляне, древяне и др.), или городовъ (Кіевъ, Переяславль).

Давно уже изслѣдователей, не исключая и строгаго Шлецера, поражала ясность этнографическихъ свѣдѣній Древней лѣтописи, которой нѣтъ уже въ лѣтописяхъ послѣдующихъ; поэтому Шлецеръ всегда отдавалъ Древней лѣтописи предпочтеніе и говорилъ, что безъ Нестора нельзя было бы знать исторіи Сѣвера.

Черезъ лѣтописное изложеніе въ Древней лѣтописи постоянно, и притомъ ясно и живо проглядываютъ чувства автора, что бываетъ далеко не въ во всѣхъ лѣтописяхъ; онѣ ихъ постоянно высказываетъ. Прежде всего замѣчается истинно христіанское чувство, особенно сказывающееся въ ужасѣ по поводу какого либо антихристіанскаго поступка. Затѣмъ видна любовь къ русской землѣ, любовь къ просвѣщенію, особенно къ книгамъ, напр. въ извѣстной похвалѣ Ярославу, участіе къ народнымъ бѣдствіямъ, порицаніе внутреннихъ раздоровъ и радость при извѣстїи о согласїи князей между собою.

Чувства свои лѣтописецъ выражаетъ или, какъ и западныя лѣтописцы, цитатою изъ священнаго писанія, или размышленіями и изліяніями чувствъ (иногда сходно съ поученіями). Часто авторъ обращается къ современникамъ (какъ дѣлаютъ и византійскіе и западныя лѣтописцы), или принимаетъ къ извѣстію событія аналогическія, напр. изъ библейской и византійской исторіи.

Сухомяиновъ посвящаетъ много страницъ вопросу о безпристрастіи Древней лѣтописи. Мы говорили, что новѣйшіе изслѣдователи, напр. Бестужевъ-Рюминъ, иначе смотрятъ на этотъ вопросъ и иногда, на основаніи предполагаемаго пристрастія въ каковой либо лѣтописной замѣткѣ по отношенію къ извѣстному лицу, пытаются даже опредѣлить составъ лѣтописнаго свода. Но, и принявши мнѣніе Бестужева-Рюмина, нельзя отрицать, что Древняя лѣтопись болѣе безпристрастна, чѣмъ лѣтописи позднѣйшія, или чѣмъ современныя лѣтописи западно-европейскія. Въ Древней лѣтописи видно нѣкоторое пристрастіе къ извѣстнымъ монастырямъ, городамъ или лицамъ, пожалуй къ ихъ роду, но и то иногда съ трудомъ уловимое, что даже удивительно при сложномъ составѣ Древней лѣтописи, такъ что возможно счесть ея сравнительное безпристрастіе за характеристическую черту цѣлаго литературнаго періода (припомнимъ отзывы Св. Феодосія о латинахъ). Древняя лѣтопись нерѣдко указываетъ на достоинства иноземцевъ, и даже враговъ, она не закрываетъ глаза на недостатки русскихъ, и даже князей, и порицаетъ не только ихъ дѣла, но и самыя помыслы. Извѣстенъ почти сочувственный отзывъ о Болеславѣ Храбромъ и полякахъ, который не имѣетъ ничего общаго съ извѣстными польскихъ лѣтописцевъ (напр. Мартина Галла или Кадлубка) о русскихъ и Ярославѣ¹⁾. Весьма любопытно сравнить отзывъ лѣтописи о Владимірѣ Святомъ, который сравнивается съ Соломономъ—съ прибавкою: мудръ же бѣ Соломонъ

¹⁾ Въ Обществѣ Преп. Нестора г. Туловымъ былъ читанъ рефератъ о первыхъ страницахъ лѣтописей Козьмы Пращскаго, Мартина Галла и Нестора, но въ печати онъ не появился.

и наконецъ погибѣ, съ отзывомъ напр. хотѣ Козьма Пражскаго о Болеславѣ чешскомъ, свирѣпомъ тиранѣ, котораго Козьма выставляетъ чуть ли не героемъ. Какъ ни любитъ русскій лѣтописецъ родную землю, онъ не скроетъ ея недостатковъ и расскажетъ, что порядка въ ней нѣтъ и т. п.; тогда какъ Козьма Пражскій изобразитъ Чехію своего времени самыми идиллическими красками. Это безпристрастіе Древней лѣтописи главнымъ образомъ и заставило Шлецера высказать свое известное мнѣніе о Несторѣ, что этотъ руссъ настолько же превосходитъ позднѣйшихъ исландскихъ и польскихъ историковъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣвающійся, превосходитъ безпрестанную глупость.

Любовь Древней лѣтописи къ родной землѣ сказывается и въ томъ, что она сочувственно относится и къ языческой эпохѣ и дорожитъ народными преданіями.

Въ тонѣ изложенія Древней лѣтописи господствуетъ простота и ровность; въ нихъ только мѣстахъ сказывается глубина чувства и особенно при описаніи какихъ либо народныхъ бѣдствій; печальны также описанія смерти и похоронъ любимыхъ князей. Но вообще тонъ разсказа свѣтлый въ прошедшемъ и темный въ настоящемъ. Намъ кажется, что эту разницу тона можно объяснить тѣмъ, что дѣйствительность давала мало свѣтлыхъ сторонъ и за идеаломъ взоры невольно обращались въ прошлое, которое всегда имѣетъ въ глазахъ мало размышляющихъ и болѣе чувствующихъ людей много симпатичныхъ сторонъ, особенно въ виду того, что оно не всегда хорошо и известно. Эта грусть по прошлому еще сильнѣе, если характеръ жизни измѣняется на глазахъ разсказчика; этикъ по крайней мѣрѣ Курціусъ объясняетъ грустный тонъ, который господствуетъ въ Иліадѣ, не смотря на то, что въ ней идетъ рѣчь о подвигахъ героевъ, — лицъ, по понятіямъ грековъ, идеальныхъ.

Языкъ и слогъ Древней лѣтописи.

Что касается языка и слога Древней русской лѣтописи, то и здѣсь, не будучи специалистомъ въ области русской фи-

дологін; я ограничусь лишь тѣмъ, что вкратцѣ изложу выводы Сухомлинова.

Въ языкѣ и слогѣ Древней лѣтописи ясно замѣчается два элемента: церковно-славянскій и русскій ¹⁾. Первый является въ выпискахъ изъ Священнаго писанія, приводимыхъ въ видѣ цитатъ, причомъ имѣ предшествуютъ какая нибудь связь, въ родѣ: «не вѣдая яко», и такіа цитаты приведены въ лѣтописи всегда очень умѣстно.

Но преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, какъ и слѣдуетъ тому быть,—языкъ русскій; причомъ въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго языка. Сухомлиновъ и приводитъ рядъ весьма образныхъ словъ и выраженій, причомъ нѣкоторыя, особенно излюбленныя, повторяются весьма часто. Въ изложеніи есть много древнихъ пословицъ, поговорокъ и выраженій, близкихъ къ нимъ по мѣткости и наглядности. Наконецъ, Сухомлиновъ указываетъ слова и выраженія, замѣчательныя въ филологическомъ отношеніи. Разузнется, нельзя отрицать, что нѣкоторыя слова или выраженія въ Древней лѣтописи могли быть написаны ошибочно, а тѣмъ болѣе могли быть испорчены позднѣйшими ея переписчиками. Ученые постоянно предлагаютъ читать то или другое слово известнымъ образомъ, такъ напр., Миклосичъ—на основаніи словъ лѣтописца: словѣньскъ языкъ и русьскій единъ,—положивши въ основу своего изданія Нестора старо-славянскій языкъ, попереправляя, невсегда впрочемъ удачно, въ Древней лѣтописи много словъ. Но съ вопросомъ объ ошибкахъ въ языкѣ лѣтописи (какъ и въ языкѣ иныхъ источниковъ) слѣдуетъ вообще обращаться очень осторожно, такъ какъ то, что иногда можно принять за ошибку, можетъ оказаться или архаизмомъ, или выраженіемъ, взятымъ изъ народнаго языка. Да, наконецъ, и самое изученіе древнерусскаго языка далеко не можетъ считаться законченнымъ.

¹⁾ Старое мнѣніе, что Древняя лѣтопись (какъ и всѣ памятники древней русской письменности) написана на церковно-славянскомъ языкѣ, давно отвергнуто наукою (см. Срезневскій: Мысли объ исторіи русскаго языка).

Замѣтимъ кстати, что въ послѣднее время Потебня, въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ Русскомъ филологическомъ вѣстникѣ, объясняетъ множество лѣтописныхъ словъ, давая имъ часто совершенно иное, сравнительно съ общепринятымъ, толкованіе ¹⁾).

О языкѣ же Древней лѣтописи въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніи есть нѣсколько замѣчаній у Колосова, собственно о языкѣ лѣтописныхъ списковъ: Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго, Троицкаго и нѣсколькихъ списковъ новгородской первой лѣтописи ²⁾).

У Сухомлинова есть извѣстіе, что II Отдѣленіемъ Акад. Наукъ былъ приготовленъ къ печати, составленный Карелкинымъ, словарь къ лѣтописи Нестора; но Карелкинъ умеръ, и судьба его словаря нѣ неизвѣстна.

Карелкинымъ же, еще въ бытность его студентомъ въ 184^{8/9} году, было написано сочиненіе, удостоенное золотой медали, на заданную истор.-филолог. факультетомъ Петербургскаго университета тему: Рассмотрѣть языкъ лѣтописи Нестора въ отношеніи фонетическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ, обращая вниманіе на смѣшеніе въ немъ элементовъ языка старославянскаго церковнаго и русскаго народнаго и на особенности этого послѣдняго. В. Григорьевъ (Имп. С.-Петербургскій университетъ, стр. XLIV) говоритъ, что диссертация Карелкина напечатана на счетъ университета, но нѣ она не попадалась и цитатъ на это сочиненіе у кого либо изъ писавшихъ о лѣтописи я тоже не встрѣчалъ.

Весьма трудно рѣшить, какии именно русскимъ нарѣчіемъ написана Древняя лѣтопись. Что это языкъ очень древній, это несомнѣнно; но какого именно племени? Весьма возможно, что Древняя лѣтопись, какъ памятникъ литературы южно-русскаго

¹⁾ См. еще матеріалы для археологическаго словаря въ VIII томѣ Древностей Моск. Арх. Общества и статью въ Жб. М. Н. Пр. 1880 г. № 6. Есть еще толкованія въ изслѣдованіи о лѣтописи Ки. Оболенскаго.

²⁾ Языкъ новгородскихъ лѣтописей обстоятельно рассмотрѣнъ П. А. Лавровскимъ въ сочиненіи: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.

края, написана на южно-русскомъ и нарѣчїи (имѣнїе Погодина, Максимовича и многихъ другихъ ученыхъ); причомъ, конечно, въ ней есть вставки, писанныя на иныхъ нарѣчїяхъ, напр. на новгородскомъ. Огоновскїй принимаетъ даже, что Древняя лѣтопись (какъ и Слово о полку Игоревѣ) написана на малороссійскомъ языкѣ ¹⁾ (см. объ этомъ Макушевъ въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. № 5). Мы пробовали отмѣчать въ лѣтописи слова и выраженїя, сходныя съ находящимися въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, и такихъ оказалось весьма много. Но мы не знаемъ, не встрѣчаются ли многія изъ этихъ словъ или выраженїй и въ иныхъ русскихъ нарѣчїяхъ. П. Лавровскїй склоненъ объяснять отличїя въ языкѣ лѣтописныхъ списковъ результатомъ позднѣйшихъ переписыванїй, что, разумѣется, возможно; но вообще этотъ вопросъ нуждался бы въ новомъ его пересмотрѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображенїй, нельзя отрицать справедливости и того мнѣнїя, что лѣтопись написана на общерусскомъ литературномъ языкѣ, уже сложившемся среди грамотныхъ людей XI вѣка, подъ влїяніемъ школьнаго и литературнаго образованїя, стоявшаго въ полной зависимости отъ чтенїя священныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ надо допустить, что отъ этого языка въ лѣтописи дѣлаются постоянно отклоненїя, какъ къ языку Священнаго Писанїя, такъ и къ народному; къ послѣднему въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ чувствуется особая живость разсказа. Но этотъ народный языкъ все же долженъ быть языкомъ южно-русскимъ, такъ какъ трудно допустить существованїе одного древне-русскаго народнаго языка въ IX—XI вѣкѣ. Даже принявши мнѣнїе Срезневскаго и П. Лавровскаго о единомъ русскомъ языкѣ до XIII вѣка, нельзя отрицать по крайней мѣрѣ существованїя лексическихъ отличїй въ говорѣ различныхъ мѣстностей (См. П. Лавровскїй: О языкѣ сѣв. русск. лѣтописей, стр. 7).

¹⁾ Въ некоторыхъ польскихъ исторїяхъ литературы, напр., если не ошибаемся, у Вишневскаго, лѣтопись Нестора и Слово о полку Игоревѣ причисляются даже къ польской литературѣ.

Какъ иногда сочетаются въ лѣтописномъ разсказѣ всѣ три стихія, видно напр. разсказа изъ о крещеніи Ольги.

Извѣстна еще одна особенность Древней лѣтописи, это ея разговорный слогъ: мѣсто придаточныхъ предложеній постоянно занимаютъ вносныя. Этотъ слогъ принимаетъ иногда, по выраженію Срезневскаго, даже драматическій характеръ. Шлецеръ приписываетъ такую особенность слога вліянію библіи; другіе изслѣдователи выводили ее отъ формы южно-русскихъ пѣсень; но Сухоминовъ весьма основательно указываетъ на сѣдую древность, когда именно не умѣли еще превращать главныя предложенія въ придаточныя. Припомнимъ, встаетъ, что разговорнымъ слогомъ отличаются труды Геродота и вообще всѣ сочиненія, которыми начинается историографія у какихъ бы то ни было народовъ. Кто прислушивался къ разсказамъ народа, тотъ знаетъ, что разговорный слогъ является въ этихъ разсказахъ сплошь и рядомъ.

Сухоминовъ сближаетъ слогъ Древней лѣтописи съ слогомъ западныхъ лѣтописцевъ и указываетъ на сходство его съ слогомъ наиболѣе ранняго лѣтописца — Григорія турецкаго. Слогъ Ламберта уже изящнѣе; здѣсь видна не только начитанность автора въ Священномъ Писаніи, но и обширное знакомство съ классиками. У Козьмы пражскаго замѣчается искусственное школьное краснорѣчіе, смѣшиваются ради стилистическихъ цѣлей христіанскія понятія съ языческими, наконецъ слогъ его очень цвѣтистый, съ массою фигуръ и сравненій, иногда даже переходящій въ стихъ.

Спеціальныхъ указателей къ Древней лѣтописи нѣтъ, кромѣ указателя именъ собственныхъ, приложеннаго къ изданію Древней лѣтописи Лейбовича; предметный же указатель у него слишкомъ кратокъ. Кромѣ того, можно пользоваться указателемъ Вычкова (см. выше стр. 43) и Изслѣдованіями Погодина.

Географическія указанія, находящіяся въ Древней лѣтописи, объяснены въ сочиненіи Барсова: Очерки русской исторической

географіи. Географія Древней лѣтописи (Варш. 1873 г.); при томъ необходимо пользоваться и рецензіей на это сочиненіе Л. Майкова (Ж. М. Н. Пр. 1871 г.), въ которой есть много дополненій, сдѣланныхъ преимущественно на основаніи историко-географическихъ сочиненій извѣстнаго учонаго, покойнаго профессора Новороссійскаго университета Ф. К. Бруна.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ:

Во время печатанія настоящихъ лекцій я познакомился съ нѣкоторыми сочиненіями, прежде мнѣ неизвѣстными, или совершенно новыми; иныя же изъ нихъ мнѣ стали извѣстны по рецензіямъ. При невозможности сдѣлать поправки и дополненія въ текстъ, позволяю себѣ сдѣлать таковыя особо:

Къ стр. 6-й: О государственной лѣтописи царей іудейскихъ есть специальное изслѣдованіе А. Олесницкаго въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1879 г. Авторъ доказываетъ, что Паралипоменонъ есть именно такая лѣтопись.

Къ стр. 15-й: Часть хроники Евсевія и хроника Іеронима въ русскомъ переводѣ напечатаны въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1879 г.

Къ стр. 20-й: Вышло, судя по рецензіямъ, прекрасное специальное изслѣдованіе о венгерскихъ лѣтописяхъ: *Ungarns Geschichtsquellen in Zeitalter der Arpaden* von Heinrich Marczali, Berl. 1882 г.

Къ стр. 23-й: Для сербскихъ лѣтописей еще важны сочиненія Рачкаго: *Osjena starijih izvora za hrvatsku i serbsku poviest srednjega vieka*, Zagr. 1865 г., и Качановскаго: *Сербскія житія*—въ III т. Славянскаго сборника. Недавно пр. Макушевъ нашелъ въ Бѣлградѣ и напечаталъ очень краткую сербскую лѣтопись, принимаемую имъ за древнѣйшую; но все же, по мнѣнію Макушева, лѣтописаніе въ Сербіи началось съ

половины XIV в. (Русск. филолог. вѣстникъ 1882 г. № 1: О нѣкоторыхъ рукописяхъ и т. д., стр 19 — 23. О разницѣ во взглядѣ Макушева относительно происхожденія сербскихъ лѣтописей, сравнительно съ мнѣніями иныхъ изслѣдователей, см. Варшавск. универс. изв. 1882 г., Отчетъ Макушева о занятіяхъ за границей).

Къ стр. 34 и 42-й: Недавно Иоакимовской лѣтописи посвятилъ академическую рѣчь г. Голубинскій; она напечатана въ IV-й книжкѣ Прибавленій къ твореніямъ Св. Отцевъ за 1881 г. Объ этой же лѣтописи было обширное изслѣдованіе П. Г. Буткова, которое Академія Наукъ собиралась издавать (см. переписку Погодина). Какая его судьба?

Къ стр. 34 и 65-й: Я познакомился, какъ съ сочиненіемъ Кн. М. Оболенскаго: Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи, такъ и съ приложеннымъ къ нему Сборникомъ. Въ сочиненіи о лѣтописи Кн. Оболенскій во первыхъ восстанавливаетъ древнѣйшій, по его мнѣнію, текстъ двухъ разсказовъ Древней лѣтописи: о походѣ Олега на грековъ и о пребываніи Св. Ольги въ Константинополѣ. Оба разсказа онъ комментируетъ очень подробно, такъ что представляетъ въ сущности два изслѣдованія объ этихъ вопросахъ. Древнѣйшимъ лѣтописнымъ текстомъ онъ считаетъ текстъ изданнаго имъ Лѣтописца русскихъ царей, или такъ наз. Переяславля Суздальскаго, древность котораго онъ въ своемъ изслѣдованіи и защищаетъ. Конецъ изслѣдованія посвященъ вопросу о первомъ русскомъ лѣтописцѣ, каковымъ, по мнѣнію Кн. Оболенскаго, былъ пресвитеръ Григорій (см. о немъ въ лекціяхъ).

Если бы изслѣдованіе Кн. Оболенскаго было извѣстно мнѣ во время чтенія лекцій, я, можетъ быть, попытался бы внести оцѣнку его мнѣній въ текстъ лекцій; теперь же дѣлать это слишкомъ поздно, такъ какъ это потребовало бы значительной перепланировки всего труда. Въ извиненіе повторю здѣсь то, что выше сказано въ текстѣ: Вестужевъ-Рюминъ въ своей Русской исторіи, излагая самыя разнообразныя мнѣнія по лѣ-

тописнымъ вопросамъ, о мнѣніи Кн. Оболенскаго даже не упоминаетъ. Впрочемъ, кое что о мнѣніяхъ Кн. Оболенскаго я еще буду имѣть случай сказать, когда буду говорить о Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго.

Сборникъ Кн. Оболенскаго, приложенный къ сочиненію о лѣтописи, состоитъ изъ 9 изслѣдованій и замѣтокъ, относящихся къ русскимъ и славянскимъ древностямъ. Изъ нихъ вопроса о лѣтописи касаются три: 1-ая—гдѣ есть нѣсколько страницъ о преимущественной древности Лѣтописца Переяславля Суздальскаго передъ иными лѣтописями; 2-ая—нѣсколько словъ о судьбахъ первоначальныхъ русскихъ лѣтописей, т. е. собственно о пресвитерѣ Григоріѣ и его сборникѣ, и 3-ая—черновыя замѣтки Кн. Оболенскаго, гдѣ объясняется нѣсколько мѣстъ сборника Григорія, и въ томъ числѣ Лѣтописца Переяславля Суздальскаго.

Къ стр. 34-й: Сочиненіе Szaraniewicz'a называется Die Nyratioschronik als Quellen-Beitrag zur Oesterreich. Geschichte, Lemb. 1872 г. Оно содержитъ почти исключительно одніе выдержки изъ галицко-волинской лѣтописи по Ипатьевскому списку съ весьма поверхностной оцѣнкой. Кое что объ этой лѣтописи сказано еще въ предисловіи къ галицкому ея изданію, написанномъ А. Петрушевичемъ.

Къ стр. 38-й: Есть 2-е изданіе розысканій Иловайскаго 1881 года.

Къ стр. 43: Нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія объ изданіи русскихъ лѣтописей помѣщены въ примѣчаніяхъ Е. Барсова къ недавно напечатанной перепискѣ гр. Н. П. Румянцева (Чт. М. Общ. и Др. 1882 г., кн. 1-я).

Къ стр. 67-й: Въ примѣчаніи приведена, кажется, невѣрная цитата. Статья Аристова подъ заглавіемъ: Обзоръ русскихъ лѣтописей въ церковно-историческомъ отношеніи, помѣщена въ Правосл. собесѣдникѣ 1860 г., апрѣль, май и іюнь.

Лѣтописямъ же посвящена и еще одна статья Аристова:

Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра, *ibid.* май и августъ.

Къ стр. 94: Описаній сборниковъ Импер. публ. библиотеки было нѣсколько выпусковъ, которые всѣ составили недавно вышедшій первый томъ.

Къ стр. 134-й: О сочиненіи Малалы см. Кн. Оболенскаго Сборникъ стр. 126 и слѣд.

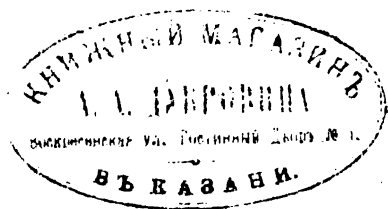
Къ стр. 136-й: Изъ переписки гр. Н. П. Румянцева (см. выше) оказывается, что П. Строевъ, вслѣдъ за Шлецеромъ, сперва тоже принималъ лѣтописнаго Георгія за Кедряна (стр. 250); но гр. Румянцевъ (вѣроятно, не зная Альтера) энергически доказывалъ, что это именно Амартолъ (стр. 224, 246, 250, 259), причошъ нѣкоторыя доказательства для него подобраны были Калайдовичемъ (стр. 249).

Къ стр. 144-й: Кн. Оболенскій вѣритъ всему разсказу о походѣ Олега на Константинополь, только объясняя слово *пръ* не въ смыслѣ парусовъ, а въ смыслѣ знаменъ, отчего сказка о шолковыхъ парусахъ пріобрѣтаетъ извѣстный смыслъ. Но объясненія автора все же очень натянуты.

Къ стр. 146-й: Нѣкоторыя свои замѣчанія уже сообщилъ г. Малышевскій въ рецензіи на Исторію русской церкви Голубинскаго (см. Отчетъ о 24-мъ присужденіи наградъ Гр. Уварова). Онъ приписываетъ сказкѣ о путешествіи Ап. Андрея варяжское происхожденіе и не думаетъ видѣть насмѣшки въ первоначальномъ разсказѣ о новгородскихъ баняхъ; хотя этотъ разсказъ и могъ позднѣе стать источникомъ для такой насмѣшки.

Къ стр. 152-й: Кн. Оболенскій вѣритъ всему разсказу о крещеніи Ольги и пребываніи ея въ Константинополь, но оцять таки придаетъ ему иное объясненіе. По его мнѣнію, въ древнѣйшемъ разсказѣ объ Ольгѣ рѣчь шла о цесарскомъ вѣнчаніи Ольги; лѣтописецъ же (Несторъ), не зная обряда такого вѣнчанія, не понялъ, въ чомъ дѣло, и подумалъ, что дѣло идетъ

о брачномъ вѣнчаніи Ольги съ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, почему и извратилъ разсказъ въ своей лѣтописи. Но и при этомъ объясненіи лѣтописнаго разсказа Кн. Оболенскій дѣлаетъ много предположеній, мало подкрѣпленныхъ фактическими основапіями.

41612/66

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

А. И. Маркевича.

ВЫПУСКЪ II.

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1885.

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

А. И. Маркевича.

ВЫПУСКЪ II.

11331

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1885.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссій-
скаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Маистра А. И. Марковича.

Кіевская лѣтопись.

Исслѣдователи, признавшіе составителемъ Древней лѣтописи преподобнаго Нестора, высказали мнѣніе, что послѣ 6618 (1110) года лѣтописи перестаютъ быть общерусскими и начинаются лѣтописи мѣстныя. Обыкновенно лѣтописецъ, переписавши лѣтопись Нестора, продолжалъ ее далѣе до извѣстнаго времени, сообщая, главнымъ образомъ, мѣстныя извѣстія; также поступалъ и слѣдующій. Поэтому исслѣдователей постоянно занималъ вопросъ о продолжателяхъ Нестора. Признавая сохранившуюся Древнюю русскую лѣтопись за сводъ начала XII вѣка, нельзя отрицать существованія мѣстныхъ лѣтописей и раньше 6618 года; почему ставить дѣло такъ, что дальнѣйшее развитіе лѣтописанія было только продолженіемъ труда составителя этого свода, уже невозможно. Конечно, можно еще сказать, что лѣтописцы продолжали вышесказаннымъ образомъ именно печерскую лѣтопись преп. Нестора; но объ этой послѣдней извѣстно слишкомъ мало, да и это малое оспаривается; поэтому такое мнѣніе почти не имѣло-бы за собой основаній. Впрочемъ, мы говоримъ лишь о времени очень близкомъ къ началу лѣтописанія, о XII вѣкѣ; въ лѣтописяхъ или, вѣрнѣе, въ лѣтописныхъ сводахъ болѣе поздняго времени, Древне русскій сводъ дѣйствительно въ началѣ переписывался — съ сокращеніями, дополненіями и измѣненіями, источниками для которыхъ могли служить и мѣстныя лѣтописи.

Существуетъ однако лѣтопись, дѣйствительно продолжающая Древне русскій лѣтописный сводъ. Лѣтопись эта представ-

лаетъ собою подобный же сводъ, составленный въ южной Руси, вѣроятно въ Кіевѣ, почему ее чаще всего и называютъ Кіевскою лѣтописью. Сводъ этотъ, подобно всѣмъ южнорусскимъ, заключаетъ въ себѣ и извѣстія, записанныя въ сѣверной Руси, подобно тому какъ и сѣверныя русскія лѣтописи и своды заключаютъ въ себѣ южно-русскія извѣстія; такъ что названіе этой лѣтописи «Кіевскою», какъ и всѣ подобныя названія лѣтописей, представляетъ нѣкоторую неточность (Замѣчаніе Соловьева). Срезневскій (Чтенія) тоже находитъ, что въ настоящее время уже трудно обособить первоначальныя части лѣтописей новгородскихъ и кіевскихъ, не только волинскихъ или кавихъ нибудь иныхъ. Но въ наукѣ названіе «Кіевскою» утвердилось за этою лѣтописью на основаніи того, что въ ней встрѣчаются по преимуществу южно-русскія извѣстія, южная-же Русь называлась часто Землею Кіевскою, такъ что нѣтъ нужды отступать отъ этого названія. Бестужевъ-Рюминъ, впрочемъ, такъ и называетъ Кіевскую лѣтопись Южно-русскимъ сводомъ, а редакторы изданія лѣтописи по Ипатскому списку 1871 г.,— даже лѣтописью Юго-Западной Руси (стр. 191, примѣчаніе), или Волинскою, хотя до 1200 г. волинскія извѣстія не имѣютъ въ ней преобладающаго значенія (сравни *ibid.* стр. 479, примѣчаніе).

Кіевская лѣтопись до того тѣсно примыкаетъ къ Древне-русской, что о мѣстѣ раздѣла ихъ идутъ споры (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 114 и слѣд.), притомъ и по характеру своему она во многомъ сходна съ Древне-русскою лѣтописью, такъ что, какъ мы видѣли, Иловайскій даже считаетъ Древне-русскую лѣтопись частью того кіевского свода, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

Сводъ этотъ представляетъ такую-же важность для исторіи, какъ и Древне-русскій, такъ какъ число иныхъ источниковъ для времени, имъ охватываемаго (XII вѣкъ), продолжаетъ оставаться незначительнымъ. Какъ памятникъ литературный, Кіевская лѣтопись тоже во многомъ сходна съ Древне-русскою.

Но не будучи столь популярною, какъ эта послѣдняя, Кіевская лѣтопись вызвала и гораздо меньше изслѣдованій. Капитальныхъ трудовъ, спеціально ей посвященныхъ, нѣтъ совсѣмъ. Важнѣе другихъ обширная глава въ сочиненіи о лѣтописяхъ Бестужева-Рюмина, посвященная составу Кіевской лѣтописи. Затѣмъ для знакомства съ этою лѣтописью важны Из-

слѣдованія Погодина (т. IV), Лекціи Костомарова, сочиненія Бѣляева, Аристова (Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ. Православный Собесѣдникъ 1860 г.), Лашнюкова и Хруцова (О древне-русскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ). Кое что о ней есть въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи того времени, которое эта лѣтопись обнимаетъ.

Кіевская лѣтопись сохранилась въ небольшомъ числѣ списковъ. Бестужевъ-Рюминъ указываетъ на Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій ¹⁾ и списокъ Публичной Библіотеки (изъ Погодинскихъ); всѣ они очень сходны, притомъ во всѣхъ четырехъ спискахъ почти одинаковые пропуски; очевидно для всѣхъ этихъ списковъ былъ одинъ подлинникъ, а если и два, то очень схожіе (Погодинъ IV, 57; Бестужевъ-Рюминъ 110). У Татищева былъ еще одинъ списокъ—Голицынскій, нынѣ утраченный.

Древнѣйшій списокъ—Ипатьевскій, не позже XV вѣка (см. о немъ вып. I-ый стр. 104) и заключаетъ, кромѣ Кіевской, еще Древне-русскую и Галицко-волинскую лѣтописи. Древнимъ былъ и Голицынскій списокъ, въ которомъ Галицко-волинской лѣтописи не было. Остальные списки поздніе. Въ Ипатьевскомъ спискѣ есть утраченные листы, но они сохранились въ сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Издана Кіевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ спискамъ во II томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, и позже, вмѣстѣ съ Древне-русской лѣтописью, Археографической комиссіей подъ редакціей С. Н. Палаузова. Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ говорится о спискахъ Кіевской лѣтописи.

Есть еще Галицкія изданія Кіевской лѣтописи, но я съ ними не знакомъ, да, кажется, представляя простыя перепечатки, они значенія не имѣютъ.

Кѣмъ составлена Кіевская лѣтопись?

Такъ какъ время, обнимаемое ею, почти столѣтіе (1111—1200 г.), то невозможно было считать эту лѣтопись трудомъ одного лѣтописца, продолжателя Нестора; повѣтому и прежніе ученые допускали, что лѣтопись писана нѣсколькими лицами. Такъ Шлецеръ допускалъ трехъ лицъ—продолжателей: первымъ

¹⁾ Ермолаевскій, впрочемъ, переписанъ съ Хлѣбниковаго недавно.

былъ Сильвестръ, описывавшій событія приблизительно до 1123 г. (когда онъ и умеръ), вторымъ, по списку Татищева,—въ 1147 г. бывший съ Бн. Игоремъ во Владимірѣ (см. объ этомъ указаніи ниже). Онъ писалъ до 1157 г.; третій писалъ до конца ея. Черевощиковъ, основываясь на томъ, что рассказчикъ упоминаетъ о себѣ подъ 1114—1123, а потомъ подъ 1151 г. и далѣе, предполагалъ, что лѣтописцевъ было два. Погодинъ думалъ, что три, такъ какъ независимо отъ того, что на пространствѣ 90 лѣтъ трудно допустить труды всего двухъ лѣтописцевъ, изъ самой лѣтописи видно, что 1140 годъ описанъ не тѣмъ лицомъ, которое писало о событіяхъ 1113—1132 г. Отъ 1140 же года писало, судя по времени (40 лѣтъ), вѣроятно, два лѣтописца. Впрочемъ, точнаго опредѣленія времени, когда писалъ каждый изъ этихъ лѣтописцевъ, у Погодина нѣтъ. Всѣ они, по мнѣнію Погодина, были кіевляне; хотя Карамзинъ одного изъ рассказчиковъ (1151 г.) и считалъ черниговцемъ, но безъ достаточнаго основанія.

Первые редакторы Полнаго собранія русскихъ лѣтописей полагали, что нѣкоторые южно-русскія извѣстія, занесенныя въ значительномъ количествѣ въ лѣтопись по Лаврентьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, представляютъ лишь суздальское сокращеніе изъ Ипатьевского списка; основывались они на томъ, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ списки эти весьма схожи. Мнѣніе это было опровергнуто Бѣляевымъ въ статьѣ: Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку (Временникъ № 2). Путемъ внимательнаго анализа, Бѣляевъ доказываетъ, что составители обѣихъ лѣтописей лишь пользовались почти одинаковыми источниками; впрочемъ, источниками этими пользовались они совершенно самостоятельно, дѣлая поправки и т. п. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ составители имѣли и разные источники, такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ даже относительно приднѣпровскихъ происшествій есть извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Ипатьевскомъ, напр. подъ 6633 г. нѣтъ исчисления церквей, погорѣвшихъ въ Кіевѣ; нѣтъ похода Ярополка на половцевъ въ 6638 г.; война Ярополка съ Ольговичами подъ 6646 г. рассказана съ большими подробностями. Нѣкоторые событія представлены съ иной точки зрѣнія: напримѣръ приходъ Ростислава Юрьевича къ Изяславу, врагу отца его, Юрія Долгорукаго Ипатьевскій списокъ (подъ 6656 г.) объясняетъ ссорой Ростислава съ отцемъ, а Лаврентьевскій—нежеланіемъ Ростис-

слава соединиться съ Ольговичами, врагами Мономаховичей, но въ данное время союзниками Юрія; очевидно, первое извѣстіе писано сторонникомъ Изяслава, второе сторонникомъ Ростислава. Наконецъ, хронологія въ обоихъ спискахъ не одинакова, напр. побѣда Кн. Глѣба надъ половцами въ Ипатьевскомъ спискѣ отнесена къ 6680 г., въ Лаврентьевскомъ—къ 6677 г. (см. ниже). Это сличеніе списковъ сдѣлано еще полѣе Бестужевымъ-Рюминымъ, подтвердившимъ окончательно мнѣніе Бѣляева.

Лашнюковъ, допуская, что Лаврентьевскій списокъ не есть сокращеніе Ипатьевского, все таки не соглашается съ выводомъ Бѣляева и, дѣлая небольшое сличеніе извѣстій по обоимъ спискамъ, приходитъ къ мысли, что Ипатьевскій списокъ Киевской лѣтописи есть именно лѣтопись, а Лаврентьевскій представляетъ сводъ, въ составъ котораго вошли сокращенныя и нѣсколько измѣненныя извѣстія изъ киевскихъ лѣтописей, съ дополненіями изъ иныхъ источниковъ. Сводъ этотъ сдѣланъ суздальцемъ, мало интересующимся южно-русскими событіями и плохо ихъ знающимъ. За то авторъ на первомъ планѣ представляетъ личность Кн. Юрія, о неблагоприятныхъ дѣлахъ котораго умалчивается; а въ особенности выставляется благоразуміе Андрея Боголюбскаго. Составленіе этого свода можетъ принадлежать монаху Лаврентію, который въ силу этого и просилъ прощенія у читателей, если что описалъ, переписалъ или недописалъ.

Въ сущности мнѣніе Лашнюкова, насколько оно касается Киевской лѣтописи, насколько не опровергаетъ мнѣній Бѣляева и Бестужева-Рюмина. Вопросъ идетъ о томъ, что многія извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, имѣютъ независимое отъ Ипатьевского списка происхожденіе. А являются ли одинаковыя свѣдѣнія въ обоихъ спискахъ изъ одинаковыхъ источниковъ, или они результатъ заимствованія, это вопросъ важный собственно для сужденія о времени составленія лѣтописи по Лаврентьевскому списку, или по крайней мѣрѣ той части ея, о которой идетъ рѣчь. Притомъ сопоставленіе списковъ сдѣлано Лашнюковымъ слишкомъ бѣгло, чтобы сравняться съ чуть не построчнымъ анализомъ Бестужева-Рюмина.

Бестужевъ-Рюмень принимаетъ существованіе въ началѣ XIII вѣка лѣтописныхъ первообразовъ для южно-русскаго и суз-

дальскаго сводовъ, которые онъ считаетъ одновременными (стр. 85); но что это за первообразы—у него объясненія нѣтъ.

Голубинскій (Исторія церкви) говоритъ о двухъ продолженіяхъ Древней лѣтописи: одно южное (собственно рядъ продолженій) находится въ разбираемой нами лѣтописи по Ипатьевскому списку; другой рядъ продолженій находится въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку и былъ веденъ сперва на югъ—въ Кіевъ, или Переяславъ, а потомъ уже въ сѣверо-восточной Руси. Но Голубинскій и ограничивается этими замѣчаніями.

Во всякомъ случаѣ южно-русскихъ лѣтописей XII вѣка было, конечно, нѣсколько; но сказать что либо опредѣленное о нихъ, помимо того, что можетъ быть сказано о лѣтописи по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, невозможно. Извѣстія изъ кіевскихъ лѣтописей XII вѣка находятся и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, напр. Никоновскомъ, Воскресенскомъ и др.; но они еще труднѣе поддаются анализу.

Костомаровъ, основываясь на характерѣ изложенія, приписываетъ веденіе Кіевской лѣтописи тоже нѣсколькимъ лѣтописцамъ, но допускаетъ сверхъ того и вставки, такъ что въ сущности признаетъ ее за сводъ. Личности нѣкоторыхъ рассказчиковъ онъ пытается даже опредѣлить и довольно удачно, но признавая лѣтопись за сводъ, удобнѣе будетъ привести соображенія Костомарова тогда, когда рѣчь пойдетъ о составѣ и источникахъ этого свода.

Голубинскій (Исторія церкви I, первая половина, стр. 652 примѣчаніе 2-ое) указываетъ на многихъ продолжателей древней лѣтописи, упоминающихъ о себѣ подъ различными годами и общающихъ свѣдѣнія, которые нельзя отнести къ одному и тому же лицу, напр. высказываются совершенно различныя симпатіи.

Что Кіевская лѣтопись есть сводъ, окончательно доказано Бестужевымъ-Рюминымъ, и тѣмъ же методомъ, какъ имъ доказано это для Древне-русской лѣтописи (О составѣ лѣтописей стр. 73—75). Онъ указываетъ вставки, очевидно разорвавшія лѣтописное изложеніе, напр. подъ 6643 и 6644, или подъ 6649 и 6650 годомъ¹⁾; совершенно различныя точки зрѣнія по по-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще двойственность извѣстія въ лѣтописи подъ 6644 г. въ описаніи битвы на рѣкѣ Сулоѣ, гдѣ два раза показаны убитымъ ввухъ Мономаха Царевичъ Василько Леоновичъ, причомъ во

воду изображаемаго событія; мѣста, которыя представляютъ совершенно особыя сказанія; мѣста сильно сокращенныя или съ пропусками; иногда по поводу изображаемаго событія сказано: о немъ же въ заднихъ лѣтахъ писано, или: ихъ же мы преди написахомъ, а прежде объ этомъ событіи вовсе не было говорено и т. п.

Впрочемъ, мнѣніе о томъ, что Кіевская лѣтопись есть сводъ, принято не всеми учеными, такъ Лашнюковъ считаетъ ее первоначальнымъ источникомъ, дѣльнымъ непрерывнымъ повѣствованіемъ нѣсколькихъ кіевскихъ лѣтописцевъ; но соображенія его слишкомъ кратки и въ нихъ есть лишь частныя замѣчанія на два-три мнѣнія Бестужева-Рюмина.

Но признаніе разбираемой нами Кіевской лѣтописи за сводъ не исключаетъ предположенія, что въ основаніе его все-же положена кіевская лѣтопись (можетъ быть и не одна); существованіе кіевскихъ лѣтописей въ доказательствахъ не нуждается, такъ какъ намъ болѣе или менѣе достаточно извѣстно развитіе лѣтописнаго дѣла у насъ на Руси въ XII вѣкѣ. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ существованіе въ Кіевѣ нѣсколькихъ лѣтописцевъ (стр. 119 и 120), напр. одинъ изъ нихъ могъ вести подробную лѣтопись о дѣлахъ кіевского Князя Изяслава Мстиславича, будучи даже его соратникомъ (стр. 103).

Относительно вопроса, гдѣмъ Кіевская лѣтопись (т. е. сводъ) составлена, есть лишь мнѣніе Иловайскаго, что она составлена игуменомъ Михайловскаго Выдубецкаго монастыря Мойсеемъ, которымъ написано оканчивающее сводъ сказаніе о постройкѣ Кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ монастырской стѣны. Съ Иловайскимъ согласенъ и Хрущовъ. Можетъ быть это и такъ, но доказательствъ нѣтъ; укажемъ развѣ на замѣчаніе Аристова, что лѣтопись часто приписываетъ успѣхъ дѣла помощи Св. Михаила.

Бостомаровъ предполагалъ, что Кіевская лѣтопись составлена игуменомъ Андреевскаго монастыря Симеономъ. Мнѣніе его основано на томъ, что лѣтописецъ говоритъ о себѣ подъ 6679 и 6680 гг. при перенесеніи тѣла Кн. Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ. Оказывается, что при перенесеніи тѣла

второй разъ онъ названъ Василью Мариничемъ (по матеря). Но Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12 стр. 307 и др.) доказано, что это были два различныя лица, и противорѣчія здѣсь нѣтъ.

было два игумна: Поликарпъ печерскій и Симеонъ андреевскій, потомъ-же о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ. Лашнюковъ и другіе писатели возражали, что при игумнахъ могли быть и иныя лица, изъ которыхъ ктонибудь и писалъ лѣтопись. Разумѣется, принимая лѣтопись за сводъ, нѣтъ необходимости въ такомъ одроверженіи; Симеонъ могъ описать лишь одно перенесеніе тѣла Владиміра.

Нѣсколько странная попытка охарактеризовать личность автора сдѣлана Аристовымъ. Онъ характеризуетъ лѣтописца всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана во II т. Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и которая заключаетъ въ себѣ лѣтопись не только Кіевскую, но и Галицко-волинскую и обнимаетъ 300 лѣтъ; какъ будто-бы одинъ лѣтописецъ могъ писать столько лѣтъ. Если даже предположить, что Аристовъ считалъ Ипатьевскій списокъ цѣликомъ составленнымъ уже послѣ того времени, до котораго въ немъ доведена лѣтопись, то какъ же онъ не замѣтилъ, что при сходствѣ многихъ мѣстъ лѣтописи по Ипатьевскому списку съ мѣстами находящимся въ иныхъ спискахъ, — позднѣйшій лѣтописецъ, на основаніи всего сообщеннаго имъ матеріала, характеризованъ быть не можетъ. Поэтому воспользоваться для характеристики составителя свода соображеніями Аристова невозможно; они пригодны лишь для характеристики самой лѣтописи.

За начало Кіевской лѣтописи принимаютъ 6619 г. Какъ мы уже говорили (вып. I стр. 122), то мѣсто, которымъ она примыкаетъ къ Древней лѣтописи, представляетъ какую-то путаницу: рассказъ о сѣздѣ князей въ Долобскѣ противъ половцевъ, находящійся въ Кіевской лѣтописи подъ 6619 г., въ Лаврентьевскомъ спискѣ помѣщенъ подъ 6611 г.; но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Оканчиваютъ Кіевскую лѣтопись всѣ изслѣдователи 6708 г. (1199—1200 г.); такъ какъ въ Ипатьевскомъ и сходнымъ съ нимъ спискахъ вслѣдъ за этимъ годомъ начинаются галицко-волинскія извѣстія. Лашнюковъ и Забѣлинъ говорятъ вообще о невозможности опредѣленнаго разграниченія лѣтописей. Погодинъ какъ будто-бы сомнѣвался, не оканчивается-ли лѣтопись въ 1187 г., или даже въ 1171 г.; но потомъ самъ-же своимъ сомнѣніемъ пренебрегъ (ср. въ IV т. стр. 44 и 47).

Въ какомъ видѣ дошла до насъ Кіевская лѣтопись? Этотъ

вопросъ не былъ обследованъ. Можно думать, что хотя лѣтопись при перепискѣ и пострадала (см. Погодинъ IV, 56), но меньше, чѣмъ Древняя лѣтопись, составленная раньше Кіевской. Разумѣется и въ Кіевской были вставки, сдѣланныя позже конца XII вѣка, и ошибки при перепискѣ и т. п. (см. Бестужевъ-Рюминъ *passim*).

Содержаніе Кіевской лѣтописи въ общихъ чертахъ слѣдующее :

Послѣ разсказа о походѣ 6614 г. на половцевъ слѣдуетъ извѣстіе о смерти В. Кн. Святополка и народномъ бунтѣ въ это время; потомъ о княженіи Мономаха (съ разсказами о стекляныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба, и о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба), дѣтей его: Мстислава и Ярополка, также и Всеволода Ольговича; о борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами; о княженіи Изяслава Мстиславича и войнахъ его съ Ольговичами, Юріемъ Долгорукимъ и Владиміромъ Галицкимъ (очень обширно); о продолженіи войнъ по смерти Изяслава, о новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ; о княженіяхъ Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича и о борьбѣ Мстислава и Ростиславичей съ Андреемъ Боголюбскимъ; о суздальскомъ епископѣ Феодорѣ; о княженіи Андрея Боголюбскаго и событіяхъ того времени въ Кіевѣ и Галичѣ; о смерти Андрея Боголюбскаго и борьбѣ вслѣдъ за этимъ за ростовскій престолъ; о княженіяхъ Всеволода Юрьевича въ Суздали и Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ; о борьбѣ южно-русскихъ князей съ половцами ¹⁾, въ томъ числѣ и о знаменитомъ походѣ Игоря князя Сѣверскаго; и, наконецъ, о княженіи Рюрика Ростиславича въ Кіевѣ и Романа Мстиславича на Волыни и въ Галичѣ.

Костомаровъ замѣчаетъ, что до 6654 г. (1146 г.) лѣтопись представляется неравномѣрною въ описаніи событій: одни, преимущественно кіевскія (напр. 1136—1138 г.), разсказываются пространнѣе, другія, особенно въ началѣ, короче; но вообще разсказъ идетъ отрывочнѣе, чѣмъ въ Древней лѣтописи. Послѣ 1146 г. лѣтопись принимаетъ характеръ подробнаго разсказа и дѣлается полнѣе и оживленнѣе. Съ 1156 г. лѣтопись перестаетъ

¹⁾ Впрочемъ половецкая война проходитъ черезъ всю лѣтопись, только въ концѣ ей посвящено больше мѣста.

быть почти исключительно киевскою и сообщает много свѣдѣній о событіяхъ въ иныхъ мѣстностяхъ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ Киевской лѣтописи и ея источникахъ, мы изложимъ здѣсь соображенія Бестужева-Рюмина, который сдѣлалъ подробный ея анализъ. Методъ его тотъ же самый, какъ и въ отношеніи къ Древней лѣтописи.

Источникомъ лѣтописи были главнымъ образомъ мелкія летучія замѣтки и историческія сказанія и повѣсти. Къ этому основному матеріалу присоединились поученія, благочестивыя размышленія лѣтописца, цитаты, словомъ все то, что есть вообще въ лѣтописяхъ, и въ частности въ Древней русской, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ. Напримѣръ, въ Киевской лѣтописи нѣтъ народныхъ преданій, такъ какъ лѣтопись поздняя; впрочемъ есть мѣста, въ которыхъ видно поэтическое творчество, только проникшее въ лѣтопись уже изъ дружиннаго эпоса.

Сказанія и замѣтки могли быть записаны въ различныхъ мѣстахъ; Бестужевъ-Рюминъ постоянно и предполагаетъ, что извѣстіе о черниговскихъ дѣлахъ записано въ Черниговѣ и т. д. Это весьма возможно, но не всегда доказательно.

Сначала выдѣлимъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ характеръ сказаній и которыя поэтому легче всего принять за вставки. Руководствуемся мы въ этомъ выдѣленіи частью Бестужевымъ-Рюминымъ, частью Хрущовымъ.

Прежде всего отмѣтимъ рассказъ 6619 г. о сѣздѣ князей въ Долобскѣ для похода на половцевъ, который Костомаровъ считаетъ особымъ сказаніемъ (онъ оканчивается словомъ аминь). О немъ нельзя сказать, къ какой лѣтописи онъ относится, такъ какъ онъ находится въ Древней лѣтописи подъ 6611 годомъ, и по нѣкоторымъ чертамъ сходенъ съ ея поэтическими сказаніями. Историки, напр. Соловьевъ, относятъ обыкновенно этотъ сѣздъ къ 1103 г., но Костомаровъ не рѣшается сказать, когда точно онъ происходилъ. Хрущовъ, у котораго сличены рассказы обѣихъ лѣтописей, принимаетъ два похода на половцевъ, хотя сходство во многихъ подробностяхъ дѣлаетъ это предположеніе мало правдоподобнымъ. Одно мѣсто изъ рассказа Хрущовъ сближаетъ съ фразою изъ Слова о полку Игоревѣ о томъ, какъ распространилась слава побѣды по иноземцамъ.

Къ рассказу Киевской лѣтописи присоединено мѣсто о дѣ-

лахъ ангеловъ, заимствованное изъ Златоуста, Епископа Кипрскаго (писатель IV вѣка) и Ипполита (См. П. с. р. л. II, приложение, гдѣ приведены источники). Хрущовъ полагаетъ, что все сказаніе было написано въ Выдубецкомъ монастырѣ, но не составителемъ Древней лѣтописи.

Подъ 6622 г. сказаніе о стекляныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба въ Ладогѣ. Это сказаніе сближаютъ съ разсказомъ Гюрты Роговича въ Древней лѣтописи, съ которымъ оно дѣйствительно сходно въ изложеніи (см. вып. I, стр. 161). Можетъ быть это часть большаго разсказа о чудесахъ. Бестужевъ-Рюминъ приписываетъ разсказу новгородское происхожденіе; онъ есть и въ первой Новгородской лѣтописи, но подъ 6624 годомъ и менѣе точенъ.

При сказаніи этомъ сдѣлана знаменитая ссылка на хронографъ, т. е. Малалу (см. Поповъ о хронографахъ стр. 18), о богахъ, съ славянскимъ обозначеніемъ именъ боговъ (Сварогъ, Дажьбогъ и т. д.). Мѣсто хоть и важное для русской мифологіи, но очень трудное для объясненія. Это указаніе на языческія божества дало основаніе думать, что эта часть лѣтописи написана лицомъ свѣтскимъ (Аристовъ).

Предъ этимъ мѣстомъ есть замѣтка о постройкѣ въ г. Ладогѣ каменной стѣны посадникомъ Павломъ. Трудно думать, чтобы сказаніе пристало сюда только потому, что упоминается Ладога; вѣрнѣе, что и эта замѣтка относится къ сказанію.

Подъ 6623 г. разсказывается о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба и разсказчикъ былъ участникомъ этого событія. Костомаровъ полагаетъ на основаніи варианта, извѣстнаго Татищеву, что разсказъ этотъ принадлежитъ Сильвестру, который составилъ Древній сводъ. Хрущовъ считаетъ это сказаніе продолженнымъ; оно попадаетъ не только въ лѣтописяхъ (см. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. Срезневскимъ).

Съ 6654 по 6662 г. находится обширное (треть всей лѣтописи) сказаніе (можетъ быть и не одно) объ Изяславѣ Мстиславичѣ, сдѣланное, вѣроятно, лицомъ, его знавшимъ, такъ какъ лицо это слышало, какъ Изяславъ: рече слово, его же и переже слышахомъ — нейдетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.

Обиліе указаній на военныя дѣла, напр. постоянно говорится о переходахъ войскъ, о числѣ ихъ, вооруженіи и т. п.,

причемъ разсказчикъ сторону Изяслава называетъ нашею, скудость церковныхъ извѣстій и отсутствіе цитатъ изъ Св. Писанія или нравственныхъ сентенцій при очень драматической формѣ изложенія, — все это, по мнѣнію Костомарова, съ которымъ согласны Бестужевъ-Рюминъ и Аристовъ, указываетъ на свѣтскаго лѣтописца, соратника князя ¹⁾. Мы думаемъ однако, что все это не исключаетъ возможности составленія разсказа и духовнымъ лицомъ, близкимъ къ князю и весьма заинтересованнымъ исходомъ изображаемыхъ имъ событій. Лашниковъ тоже считалъ автора разсказа, особенно той части гдѣ рѣчь идетъ объ убійствѣ Игоря, за монаха, и именно на основаніи общаго характера разсказа.

Что разсказъ объ Изяславѣ Мстиславичѣ имѣетъ сложный характеръ и дошелъ до насъ съ разными вставками, это было замѣчено еще Карамзинымъ, потомъ указано Соловьевымъ и особенно Погодинымъ; но подробнѣйшій и огромный по величинѣ (построчный) анализъ этого сказанія сдѣланъ Бестужевымъ-Рюминымъ (см. также сочиненіе Хруцова), который сличилъ его съ извѣстіями иныхъ лѣтописей и указалъ всѣ въ нихъ варианты, такъ какъ въ лѣтописяхъ Суздальской, Новгородской и другихъ разсказъ этотъ имѣетъ значительныя отличія, напр. есть иныя объясненія, иныя симпатіи и т. п. Бестужевъ-Рюминъ указалъ и различные источники (сказанія, мѣстные лѣтописныя замѣтки, памяти о князьяхъ), въ этомъ сказаніи перемѣшанныя. Нѣкоторые мѣста представляютъ какъ бы отрывки изъ житія Изяслава Мстиславича, можетъ быть изъ лѣтописи, которую велъ его соратникъ до 70 г. XII столѣтія (Хруцовъ, не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, думаетъ, что объ Изяславѣ было нѣсколько памятей, здѣсь и сведенныхъ). Другія мѣста обличаютъ въ авторѣ не сторонника Изяслава, а напротивъ сторонника враговъ его: Игоря и Святослава Ольговичей, и, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, принадлежатъ къ черниговскому сказанію. Это послѣднее внесено съ пропусками, на что есть

¹⁾ Диниченко присоединяетъ къ этимъ аргументамъ указаніе на благосклонность разсказа къ иновѣдцамъ, которой не видно въ иныхъ частяхъ лѣтописи, напр. въ разсказѣ о княженіи Всеволода Ольговича (Взаимн. отнош. Русь и Польша).

указанія. Есть мѣста, указывающія на сторонника Юрія Долгорукаго и записанныя, вѣроятно, въ Суздаль.

Кромѣ того Бестужевъ-Рюминъ указываетъ мѣста, имѣющія вставочный характеръ и записанныя въ Галичѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ (см. ниже). Любопытно, что въ Воскресенскомъ лѣтописномъ сборникѣ авторъ скомпилировалъ извѣстія изъ различныхъ источниковъ, не обративъ вниманія на противорѣчія въ нихъ, не указавши на заимствованія и не объясняя причинъ своего выбора.

Разсказъ объ убійствѣ Игоря Ольговича Бестужевъ-Рюминъ склоненъ считать едва-ли не особымъ сочиненіемъ, но сокращеннымъ. Хрущовъ полагаетъ, что это сказаніе написано сторонникомъ Изяслава, и наоборотъ первая редакція его находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ-же спискѣ позднѣйшая, уже распространенная. Онъ видитъ въ разсказѣ уже позднѣйшее желаніе оправдать Изяслава, что судя по тону разсказа довольно вѣроятно. Нѣкоторыя подробности, по мнѣнію Хрущова, указываютъ на существованіе особой повѣсти объ убіеніи Игоря, написанной, можетъ быть, инокомъ монастыря Св. Симеона, построеннаго Ольговичами.

Разсказъ о смерти Игоря Ольговича встрѣчается въ рукописяхъ и отдѣльно, такъ на него есть указаніе въ описаніи рукописей Царскаго Строева (№ 636); но онъ повидимому сходенъ съ болѣе изукрашеннымъ разсказомъ Степенной книги, почему Бестужевъ-Рюминъ и не можетъ рѣшить, не перешелъ ли этотъ разсказъ въ сборники уже изъ Степенной книги, или вообще изъ лѣтописей.

У Татищева встрѣчается указаніе, что лѣтописецъ зналъ Игоря Ольговича, когда князь этотъ жилъ во Владимірѣ Волынскомъ. Но есть сомнѣніе (Карамзина), что Игорь жилъ во Владимірѣ. Бестужевъ-Рюминъ подвергаетъ сомнѣнію извѣстіе Татищева еще и потому, что лѣтописецъ характеризуетъ Игоря, какъ человѣка благочестиваго лишь притворно. Въ XII вѣкѣ притворное благочестіе кажется Бестужеву-Рюмину необычнымъ явленіемъ; но самъ онъ приводитъ примѣръ Владимірка, который въ лѣтописи рисуется именно лицемѣромъ. Да и неужели же въ Россіи въ XII в. не было лицемѣровъ? ¹⁾

¹⁾ См. мнѣніе Бестужева Рюмина, что люди тѣхъ временъ были похожи на насъ (стр. 93).

Хрущовъ къ числу вставокъ въ разсказъ о борьбѣ Изяслава съ врагами еще причисляетъ лѣтописное извѣстіе объ измѣнѣ Давидовичей Святославу, писанное лицомъ духовнымъ, и по нѣкоторымъ признакамъ (подробности грабежа въ селахъ, принадлежащихъ Ольговичамъ), жителемъ Новгорода Сѣверскаго, можетъ быть даже лѣтописцемъ новгородсѣверскимъ. Не вѣрнѣ ли было бы считать отдѣльнымъ черниговскимъ сказаніемъ разсказъ лѣтописи о томъ, какъ старался Святославъ Ольговичъ выручить изъ плѣна брата своего Игоря, а потомъ хотя бы и тѣло его. Разсказъ этотъ проникнутъ очень замѣтною симпатіей къ Святославу и рѣзко подчеркиваетъ его братолюбіе. Разсказъ о битвѣ на рѣкѣ Рутѣ Хрущовъ тоже считаетъ особымъ и цѣльнымъ сказаніемъ. Эпизодомъ-же (суздальскаго происхожденія) считаетъ онъ разсказъ о подвигахъ Андрея Боголюбскаго подъ Луцкомъ. Кажется, Хрущовъ принимаетъ еще за отдѣльные эпизоды разсказы о галицкихъ дѣлахъ¹⁾; по крайней мѣрѣ такимъ является исторія посольства Петра Борисовича въ Галичъ, разсказъ о которомъ Хрущовъ считаетъ отрывкомъ изъ мемуара самаго посла.

Въ сказаніе о борьбѣ Изяслава съ врагами въ Никоновской лѣтописи вставленъ разсказъ о переяславскомъ богатырѣ Демьянѣ и слугѣ его Торопѣ, занесенный, надо думать, изъ творенія какого нибудь книжника XVI в., а не изъ сказки или пѣсни; впрочемъ имя Торопа попадаетъ въ народныхъ произведеніяхъ.

Часть особаго сказанія представляетъ подъ 6664 г. описаніе кончины Нифонта, вѣроятно, заимствованное изъ житія. По мнѣнію Костомарова и Голубинскаго авторъ разсказа былъ лицомъ духовнымъ, такъ онъ говоритъ о себѣ, что Нифонтъ ввелъ его въ алтарь. Лицо это расположено къ Нифонту, тогда какъ прежде въ лѣтописи говорится съ участіемъ о врагѣ Нифонта митрополитѣ Климѣ, напр. подъ 6655 г. Сказаніе это встрѣчается въ житіи Нифонта, только уже новымъ (Памятники старинной русской литературы), куда оно могло попасть изъ лѣтописи; но Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это сказаніе цѣльнымъ, такъ что предполагать лѣтописный источникъ трудно.

¹⁾ Мы несомнѣнно точно понимаемъ употребленіе Хрущовымъ термина повѣствованіе; повѣсть ли это, или всякое записанное извѣстіе?

Разсказъ подъ 6680 г. о суздальскомъ Епископѣ Фодорцѣ настолько кратокъ, что нельзя рѣшить, было-ли это особое сказаніе ¹⁾. Хрущовъ, считая разсказъ о Фодорцѣ особымъ сказаніемъ, обличаетъ его еще съ двумя сказаніями: объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и о чудѣ Десятинной Богородицы въ Кіевѣ (см. ниже) и думаетъ, что всѣ эти три сказанія составляли часть сборника сказаній о чудесахъ Пресвятой Богородицы. Сказанія эти писаны лицами, преданными князю Андрею Боголюбскому. Два изъ этихъ сказаній происхожденія владимірскаго, а третье хотя и кіевское, но относится къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ братъ Андрея Боголюбскаго Глѣба, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ третій братъ ихъ Михаило.

Соловьевъ полагалъ, что источникомъ сказанія о Фодорцѣ было посланіе митрополита, но слѣдовъ этого посланія слышномъ мало.

Сказаніе 6683 г. объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Самостоятельность сказанія несомнѣнна уже изъ его цѣльности и обстоятельности. Написано оно, судя по мельчайшимъ сообщаемымъ подробностямъ (по Хрущову, даже не позже вокняженіи Всеволода во Владимірѣ въ 1177 г.), очевидцемъ событія, по догадкѣ Бестужева-Рюмина—Кузьмищемъ кияниномъ, разговоръ котораго съ однимъ изъ убійцъ подробно приведенъ въ сказаніи. Этимъ предположеніемъ можетъ быть объяснено, почему несмотря на то, что здѣсь сообщены событія Суздальской земли, самый полный текстъ сказанія находится въ Кіевской лѣтописи. Можетъ быть Кузьмище былъ лицо духовное, по крайней мѣрѣ суффиксъ *ще* позднѣе употреблялся для обозначенія духовныхъ лицъ (Бестужевъ-Рюминъ Русск. Исторія, Введ. стр. 27). Похвала Андрею впрочемъ написана не Кузьмищемъ (въ ней есть противорѣчіе съ его сказаніемъ), а вѣроятно какимъ либо владимірцемъ (Хрущовъ). Въ другихъ лѣтописяхъ есть это сказаніе въ сокращенномъ видѣ, хотя и съ вариантами. Въ Тверской лѣтописи оно даже выдѣлено въ особую повѣсть; но ис-

¹⁾ См. Труды Кіевской Дух. Академіи 1884 г. № 12 Малышевскій: Кіевскіе церковные соборы, стр. 517.

точникъ былъ одинъ и въ наибольшей полности и цѣлости сказаніе сохранилось въ Кіевской лѣтописи (смотри о разныхъ редакціяхъ его у Корсакова: Меря и Ростовское княжество, стр. 114, прим. 18). Нельзя не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ убійствѣ Андрея Боголюбскаго нѣкоторыя черты напоминаютъ смерть Альбоина, короля лонгобардовъ, другія—смерть В. Князя Михаила Ярославича Тверскаго, наконецъ третьи—одно событіе изъ болѣе поздняго времени русской исторіи; но сходство здѣсь, конечно, случайное.

Сказаніе 6683—6685 гг. (или рядъ сказаній—см. Хрущовъ) о распрѣ братьевъ Кн. Андрея Боголюбскаго съ племянниками. Сказаніе это, по предположенію Бестужева-Рюмина, оканчивается побѣдою Всеволода Большое Гнѣздо надъ племянниками и имѣетъ одинъ общій характеръ: показывается торжество города Владиміра надъ старыми городами Ростовомъ и Суздалемъ. Сказаніе явно владимірское, такъ какъ оно все наполнено похвалами городу Владиміру. Въ Суздальской лѣтописи оно сохранилось полнѣе; хотя Кіевская, кромѣ него, имѣла и особый источникъ, извѣстія изъ котораго кое гдѣ и прибавила. Сличеніе этихъ сказаній есть тоже кое гдѣ у Корсакова (op. cit. стр. 117, прим. 2). Авторъ сказанія, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, былъ владимірскій горожанинъ. Можетъ быть желаніе прославить икону Владимірской Божьей Матери указываетъ на клирика города Владиміра.

Описаніе чуда образа Владимірской Божьей Матери изъ этого сказанія вошло въ гораздо позже составленный рассказъ о всѣхъ чудесахъ образа, находящійся въ Степенной книгѣ.

Сказаніе 6693 г. о походѣ Игоря на половцевъ. Въ лѣтописи оно вполнѣ сохранило свою цѣльность и стройность разсказа. Подробности, изъ которыхъ нныя представляютъ намеки, ясныя въ свое время, а теперь мало понятныя, и числовыя показанія указываютъ на автора—участника въ походѣ. Между прочимъ въ разсказѣ о плѣнѣ авторъ не сообщаетъ чиселъ, а только дни недѣли: въ плѣну онъ потерялъ счетъ чиселъ. Сказаніе это составлено по возвращеніи изъ плѣна, по воспоминаніямъ, почему иногда обозначеніе времени въ немъ примѣрное (столько-то дней стояли, столько-то бились). Сказаніе это представляетъ неудачу похода, какъ наказаніе Божіе за грѣхи. Самъ

Игорь считаетъ свой шлѣнъ возмездіемъ за свои жестокіе поступки 1).

Сказаній о походѣ Игоря было нѣсколько; однимъ изъ нихъ пользовался составитель Суздальской лѣтописи, откуда оно перешло и во всѣ позднѣйшія. Дослове носходство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа о походѣ указываетъ, что оба сказанія пользовались какимъ-то общимъ источникомъ. Наконецъ особое поэтическое сказаніе объ этомъ-же походѣ представляетъ знаменитое Слово о полку Игоревѣ, въ которомъ, несмотря на сильное различіе относительно идеи, способа изложенія и слога, все же есть мѣста, сходныя съ извѣстными лѣтописными (см. хотя у Хрущова).

Сказаніе 6707 г. о построеніи Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной стѣны въ Михайловскомъ Выдубецкомъ монастырѣ и похвала Кн. Рюрику Ростиславичу, сказанная игумною этого монастыря Моисеемъ и, по предположенію Голубинскаго, сказанная именно въ присутствіи Кн. Рюрика, писавы, очевидно въ Выдубецкомъ монастырѣ и, по мнѣнію Иловайскаго, игумною Моисеемъ. Бередииковъ считалъ ихъ частью лѣтописи Выдубецкаго монастыря; но Бестужевъ-Рюминъ сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ на лѣтопись эту вообще нѣтъ никакихъ указаній, равно какъ и слѣдовъ ея въ видѣ какихъ либо записей о монастырѣ.

Можетъ быть въ составъ Кіевской лѣтописи вошли и еще какія нибудь сказанія, но теперь уже трудно, по ихъ краткости, выдѣлить ихъ изъ ея состава. Такими напр. предполагаетъ Бестужевъ-Рюминъ разсказы о первомъ походѣ 6652 г. Всеволода Ольговича на Владиміра, о походѣ князей въ 6678 г. на половцевъ по приглашенію Кн. Мстислава, рѣчь котораго начинается словами: «а лѣпо ны было, братье»..., о борбѣ Кн.

1) Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ за Арцыбашевымъ, спрашиваетъ, гдѣ былъ гор. Глябовъ у Переяслава, о которомъ говорилъ Игорь, такъ какъ въ лѣтописяхъ онъ не встрѣчается. Можетъ быть это было укрѣпленіе, выстроенное Кн. Глябомъ, отцемъ Кн. Владиміра Глябовича, въ Переяславѣ, гдѣ онъ долго жилъ и былъ княземъ (съ 1154—1171 г.). Голубовскій (Печенѣги, торги и половцы. Кіевск. универ. изв. 1883 г. № 9, стр. 411) указываетъ с. Глябовку на р. Альтѣ въ 4-хъ верстахъ отъ Переяслава. Конечно, прежній Переяславъ былъ дальше нынѣшняго и это мѣсто могло входить въ составъ его укрѣпленій.

Михалка Юрьевича съ половцами, о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, о смерти въ 6705 г. Давида Ростиславича—съ обширною ему похвалою. Авторомъ послѣдняго сказанія Хрущовъ предполагалъ тоже Выдубецкаго игумна Моисея.

Хрущовъ въ числѣ сказаній приводитъ еще слѣдующія четыре мѣста, считаемыя имъ за особыя сказанія характера церковнаго (такъ какъ веденіе всей лѣтописи до 6648 г. онъ приписываетъ рукамъ монашескимъ): 1) рассказъ 6632 г. о походѣ и гибели Ярослава Святполковича у стѣнъ г. Владимира, имѣющій видъ поученія, обращеннаго къ другимъ и какъ будто передѣланнаго изъ проповѣди; 2) рассказъ объ отраженіи въ 6634 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ половцевъ; 3) рассказъ 6636 г. о нарушеніи подѣ влияніемъ духовенства Кн. Мстиславомъ клятвы, данной черниговскимъ князьямъ, болѣе сочувствующій князю, чѣмъ духовенству; 4) рассказъ 6636 же года о походѣ князей на полоцкую землю, уже совершенно свѣтскаго характера. Всѣ эти рассказы очень кратки.

Затѣмъ Хрущовъ указываетъ, какъ на сказанія, еще на три извѣстія о чудесахъ Пресв. Богородицы. Объ одномъ (о Епископѣ Фодорцѣ) мы говорили; два другихъ онъ безъ всякихъ колебаній признаетъ сказаніями: 1) рассказъ подѣ 6680 г. о чудѣ Десятинной Богородицы. Этотъ послѣдній рассказъ Хрущовъ считаетъ дружиннымъ поэтическимъ произведеніемъ съ извѣстными эпическими чертами, но уже обработаннымъ духовнымъ лицомъ и въ такомъ видѣ внесеннымъ въ лѣтописи¹⁾; и 2) рассказъ подѣ 6681 г. объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго, переданный съ иной точки зрѣнія, чѣмъ рассказъ новгородскій, сохранившійся въ проложномъ сказаніи о новгородскомъ знаменіи и въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Сказаніями же Хрущовъ считаетъ и два рассказа (6691 г. и 6692 г.) о походѣ на половцевъ В. Кн. Святослава Всеволодовича и др. князей; но очень схожіе рассказы о борьбѣ этихъ князей съ половцами есть и раньше. Намъ кажется, что характеръ отдѣльнаго сочиненія носитъ бесѣда Кн. Ростислава съ игумномъ Поликарпомъ,

¹⁾ Съ этимъ рассказомъ схожъ и болѣе краткій рассказъ о побѣдѣ Михалка надъ половцами подѣ 6681 г.

которая внесена въ лѣтопись при извѣстїи о смерти Ростислава подъ 6677 годомъ.

Въ Погодинскомъ спискѣ подъ 6659 годомъ помѣщенъ обширный рассказъ о крещенїи Св. Владимира, очевидно, появившійся въ силу того, что были спутаны листы ¹⁾.

Число заимствованій изъ иностранныхъ, даже изъ византійскихъ источниковъ невелико: подъ 6621 г. по случаю затмѣнїя солнца указано событїе, бывшее въ Иерусалимѣ во время Царя Антиоха; оно указано уже и въ Древней лѣтописи.

Наконецъ извѣстїа о взятїи въ 6695 г. сарацинами Иерусалима (неправильное, тогда былъ взятъ Аскалонъ, а Иерусалимъ позднѣе) и особенно подъ 6698 г. о 3-мъ крестовомъ походѣ, вѣроятно заимствованы изъ западныхъ источниковъ, именно, похвалу крестоносцамъ Беренниковъ считалъ отрывкомъ изъ какой нибудь латинской легенды.

Лѣтописныя замѣтки Киевской лѣтописи имѣютъ обыкновенный лѣтописный характеръ; относительно же ихъ происхожденїя Бестужевъ-Рюминъ тоже сдѣлалъ очень обстоятельный погодный анализъ. Главныя ихъ источниги, конечно, кїевскїе; напр. однѣ, по мнѣнїю Бестужева-Рюмина, были записаны въ кїевскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ въ Печерскомъ, такъ какъ онѣ говорятъ и о монастырскихъ дѣлахъ ²⁾, другїя касаются рода князей Мономаховичей. Но есть замѣтки происхожденїя черниговскаго и новгородсѣверскаго, переяславскаго, волынско-галицкаго, полоцкаго, новгородскаго, псковскаго и суздальскаго, даже рязанскаго. Такимъ образомъ, Киевская лѣтопись въ значительной степени имѣетъ общерусскїй характеръ (см. Бестужевъ-Рюминъ стр. 115 и друг.).

Основанїа для опредѣленїя такого источника у Бестужева-Рюмина не всегда надежны, хотя и весьма просты: черниговское извѣстїе записано въ Черниговѣ, полоцкое въ Полоцкѣ и т. д. Хотя въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, если не въ Псковѣ, могло быть съ наибольшою вѣроятностью записано извѣстїе о томъ, что Всеволодъ Мстиславичъ скончался въ Псковѣ 11 февраля

¹⁾ Указанїе примѣчанїа на стр. 338 въ изданїи 1871 г. опровергается въ указателѣ опечатокъ.

²⁾ Диниченко указываетъ, что такой характеръ особенно носятъ лѣтописныя замѣтки о княженїи Всеволода Ольговича (I. с.).

въ четвергъ на масляной недѣлѣ? Вѣроятность опредѣленія источника такимъ путемъ иногда довольно значительна. Затѣмъ для Бестужева-Рюмина служатъ указаніемъ на источникъ симпатіи автора записи къ тому или другому лицу, что тоже иногда очень вѣроятно.

Изъ лѣтописи же видно, что многія записи сдѣланы не только современниками, но даже очевидцами и участниками событий, такъ извѣстіе о перенесеніи тѣла Князя Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ было, по всей вѣроятности, записано игуменомъ Андреевскаго монастыря (см. выше стр. 8), въ которомъ тѣло было и похоронено. Всѣ подходящія мѣста подобраны Погодиномъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

Въ концѣ лѣтописи, по наблюденію Бестужева-Рюмина, особенно много замѣтокъ посвящено роду смоленскихъ Мономаховичей, что, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ въ концѣ XII в. родъ этотъ княжилъ въ Кіевѣ.

Вопросъ о томъ: внесены ли въ южно-русскій сводъ, записанныя съ различныхъ мѣстностяхъ, замѣтки непосредственно, или уже изъ мѣстныхъ сводовъ, Бестужевъ-Рюминъ считаетъ неразрѣшимымъ по отсутствію источниковъ.

Кіевскія замѣтки относительно XII вѣка находятся и въ Суздальской и въ иныхъ лѣтописяхъ. Сличеніе ихъ есть у Бестужева-Рюмина, причемъ очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ не одного источника съ занесенными въ Ипатьевскій списокъ. Въ Воскресенскомъ сборникѣ находится много извѣстій, пропущенныхъ въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Вопросъ о достовѣрности лѣтописей вообще, какъ мы уже неразъ говорили, въ настоящее время не существуетъ, уступивъ мѣсто вопросу о достовѣрности того или другаго лѣтописнаго показанія; но это уже дѣло специальной исторической критики, которая должна принять въ соображеніе и положеніе лица, которое могло сообщить данное извѣстіе, и его симпатіи и антипатіи и т. д. Всѣ эти соображенія приложимы и къ Кіевской лѣтописи, почему на вопросъ о ея достовѣрности мы не останавливаемся.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Кіевскою лѣтописью, касаются преимущественно южной Руси, но мы видѣли, что она въ значительной степени имѣетъ и общерусскій характеръ, сообщая много свѣдѣній о всевозможныхъ русскихъ мѣстностяхъ. Очень

важнымъ источникомъ можетъ служить Кіевская лѣтопись для исторіи половцевъ и другихъ инородцевъ южной Руси, а также для исторіи поляковъ и венгровъ въ XII столѣтіи.

Какъ и Древняя лѣтопись, Кіевская лѣтопись служитъ превосходнымъ источникомъ для знакомства съ народнымъ бытомъ: въ ней, говоритъ Лашнюковъ, обращено болѣе вниманія на положеніе народа, отношеніе его къ власти и къ Землѣ, чѣмъ на междунаѣжскія отношенія. Народъ, являющійся въ ней на сцену, не масса безъ опредѣленной роли и положенія—дѣйствовавшая въ извѣстныхъ только случаяхъ, какъ это было въ смутахъ позднѣйшаго времени въ московскомъ государствѣ, а народъ, заявлявшій опредѣленные требованія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Кіевская лѣтопись столь же художественно, какъ и Древняя, рисуесть намъ политическую жизнь южнорусскаго народа и по той же самой причинѣ: въ XII вѣкѣ еще не утратилось политическое значеніе народа и вѣчевое устройство городовъ было полно жизни. Даже новгородскія лѣтописи не рисуютъ намъ такъ ярко картины городскаго политическаго движенія, какъ связаніе о смерти Игоря Ольговича, которое, по общему мнѣнію, принадлежитъ по своей художественности къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ древней русской письменности.

Такъ какъ вопросъ о хронологіи Кіевской лѣтописи не подвергался спеціальному изученію, то нужно полагать, что она въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ лѣтописей. Нѣсколько показаній ея, впрочемъ, провѣрены Погодинымъ, и даты Ипатьевского списка, доступныя провѣркѣ, оказались до 1125 г. довольно вѣрными, причо́мъ Погодинъ предполагаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описки. Лаврентьевскій же списокъ до этого времени несовсѣмъ вѣренъ. Съ 1125 г. роли мѣняются: Лаврентьевскій вѣренъ, а Ипатьевскій идетъ впередъ на годъ; такъ, до 1134 года. Съ 1134—1338 года оба списка сходны, а съ 1139 г. Ипатьевскій списокъ опять идетъ годомъ впередъ до 1146 г.; потомъ до 1157 г. показанія Кіевской лѣтописи довольно вѣрны, а съ 1157—1175 г. опять невѣрны, уходя впередъ на годъ (впрочемъ суздальскія событія обозначены вѣрно), съ 1167 г. на два, а съ 1173 д. даже на три года. Хронологія съ 1171 г. по Ипатьевскому списку (съ 1169 г. по Лаврентьевскому) очень запутана, а съ 1185 г. вѣрна. Но самъ

Погодинъ не считалъ своихъ соображеній окончательными, и анализъ долженъ быть сдѣланъ болѣе подробный, напримѣръ такой, какой сдѣланъ Погодинымъ же въ изслѣдованіи о жизни Андрея Боголюбскаго (Изслѣдованія т. VI).

Никѣмъ не сдѣлана и характеристика Кіевской лѣтописи, какъ памятника литературнаго. Всѣ изслѣдователи обыкновенно лишь говорятъ, что Кіевская лѣтопись представляетъ въ этомъ отношеніи полное сходство съ Древнею лѣтописью; поэтому къ ней приложимы соображенія о Древней лѣтописи Сухомлинова (смотри изложеніе ихъ у насъ въ 1-мъ выпускѣ).

Небольшая характеристика Кіевской лѣтописи по Ипатьевскому списку есть въ статьѣ Аристова, о которой мы уже упоминали. Замѣтимъ притомъ, что составитель свода, группируя матеріалъ, не слишкомъ заботился придать ему извѣстное единство. Аристовъ приводитъ примѣръ, какъ лѣтопись сперва считаетъ дѣломъ дьявольскимъ мысль Давидовичей изгнать Игоря Ольговича, потомъ торжество враговъ Игоря достигается пособіемъ Божиимъ, силою честнаго креста, заступленіемъ Св. Михаила и молитвами Богородицы, а потомъ изгнаніе Игоря является дѣломъ дьявола. Если же, за исключеніемъ подобныхъ противорѣчій, Кіевская лѣтопись представляетъ (по Аристову) многія общія черты, то, очевидно, что мы опять встрѣчаемся съ извѣстною южнорусскою литературною школою XII вѣка.

Вотъ какія лѣтописныя черты можемъ мы, слѣдуя Аристову, извлечь изъ Кіевской лѣтописи, если выдѣлить изъ нея все то, что характеризуетъ уже Галицко-волинскую лѣтопись.

Лѣтопись почти исключительно состоитъ изъ описаній внутреннихъ несогласій князей, кровопролитныхъ усобицъ за волости, походовъ на вѣщнихъ враговъ и ихъ набѣговъ. Мы прибавимъ къ этому, что при всѣхъ этихъ случаяхъ сообщаются и политическія движенія самаго народа. Особенно останавливается лѣтопись, по мнѣнію Аристова, на военныхъ событіяхъ, сообщая самыя мелкія подробности о нихъ. Она съ любовью обращаетъ вниманіе на устройство и расположеніе войска, на военные походы и бранное искусство, отмѣчаетъ всѣ движенія и станы войска и распоряженія военачальниковъ, сообщаетъ мельчайшія, однако краснорѣчивыя подробности въ описаніи битвъ. Отмѣчаются военные хитрости и случайности, военная ловкость и оборотливость; охотно говорится о тѣлесной силѣ,

храбрости и удалствѣ въ войнѣ и на охотѣ, приводятся военныя рѣчи, которыми предводители возбуждали мужество войскъ, и перебранки непріязненныхъ сторонъ, затрогивающія самолюбіе. Лѣтопись иногда какъ-бы обращается съ увѣщаніемъ къ дружинѣ, иногда передаетъ острия пословицы и сама прибѣгаетъ къ насмѣшкамъ. Вообще, честь и слава, позоръ и стыдъ передъ людьми производятъ сильное впечатлѣніе. Не мало мѣста отведено военнымъ играмъ и забавамъ, подаркамъ лошадьми и оружіемъ, красивому и блестящему вооруженію и убранству, угощенію, музыкѣ и пѣнію. Впрочемъ, почти всѣ приведенныя Аристовымъ примѣры замѣтнованы изъ той части лѣтописи, гдѣ рѣчь идетъ о войнахъ Изяслава Мстиславича (или изъ лѣтописи Галицко-волинской) которая, какъ мы уже сказали, занимаетъ треть всей лѣтописи.

Наоборотъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщается неособенно много и лѣтопись касается только тѣхъ, которые выдаются изъ ряду обыкновенныхъ. Аристовъ указываетъ даже на нѣкоторый по отношенію къ католичеству религіозный индивидуализмъ. Впрочемъ, въ Кіевской лѣтописи это не такъ замѣтно, какъ въ Галицко-волинской. Изъ приведенныхъ Аристовымъ примѣровъ подходит лишь уже указанная нами похвала крестоносцамъ.

Правоучительныхъ замѣчаній и сентенцій весьма мало и выражены онѣ весьма кратко; Костомаровъ находитъ ихъ лишь въ послѣднихъ годахъ лѣтописи. Изрѣченія слова Божія также весьма немного и тѣ, какія есть, большею частью настолько общезвѣстны, что вошли уже въ народную рѣчь. Есть ссылка на Священную Исторію, напр. на Книги Царствъ, но и ихъ немного.

Причина всякаго событія по прежнему воля Божія, на все дурное наводитъ злокозненный дьяволъ, Игорь Сѣверскій попадаетъ въ плѣнъ за грѣхи и т. п. Но часто въ лѣтописи ищутся причины поступковъ болѣе близкія къ жизни: Ростиславъ Юрьевичъ приходитъ къ Изяславу, руководствуясь извѣстными соображеніями (см. выше, стр. 4), и тѣхъ объясненій много.

Затѣмъ въ лѣтописи замѣтна манера характеризовать извѣстныя лица и такія характеристики иногда очень живы, осо-

бенно въ разсказѣ о борьбѣ Изяслава съ Ольговичами. Татищевъ считалъ эти характеристики дѣломъ того разсказчика, который зналъ Игоря Ольговича волынскаго (см. выше, стр. 13). Очень мѣткі характеристики народныхъ массъ.

Языкъ Кіевской лѣтописи почти такой же, какъ и въ Древней лѣтописи (вып. I, стр. 179—181); пожалуй, онъ еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому; мы по крайней мѣрѣ, нашли въ этой лѣтописи еще болѣе малороссійскихъ словъ и выраженій; но опять таки, повторяемъ, мы не можемъ ручаться, что многія изъ нихъ не встрѣчаются въ иныхъ русскихъ нарѣчійхъ (См. П. Лавровскій: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей стр. 16 и др.; впрочемъ и онъ отмѣчаетъ одну хоть и рѣдко встрѣчающуюся особенность — смѣшеніе «и» и «ы»). Напротивъ, церковно-славянскихъ словъ и выраженій въ языкѣ Кіевской лѣтописи значительно меньше. Надо полагать, что образовавшійся въ XII вѣкѣ литературный русскій слогъ уже подвергся тому обычному историческому процессу, которому подвергаются всѣ литературные языки при существованіи болѣе или менѣе развитыхъ мѣстныхъ нарѣчій. Онъ сталъ отдѣляться отъ словъ и выраженій, проникшихъ путемъ школы и нѣкогда считавшихся и художественными и обязательными, и пополняться словами и выраженіями изъ мѣстныхъ нарѣчій. Еще рельефнѣе замѣчается этотъ процессъ въ южной Руси съ XIII вѣка, какъ объ этомъ можно судить по Галицко-волынской лѣтописи.

П. Лавровскій (I. с., и другія сочиненія,—см. Житецкій: Очеркъ звуков. ист. малор. нарѣч. стр. 10), на основаніи филологическихъ соображеній, предполагаетъ, что послѣдній переписчикъ Ипатьевской лѣтописи былъ сѣверно-русскаго происхожденія. Колосовъ (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русск. языка съ XI—XVI столѣт. стр. 177) думаетъ, что лѣтопись на сѣверѣ была передѣлана. Это мнѣніе принимаетъ и Житецкій (Op. с. стр. 42, 49, 379 и мн. др.). Погодинъ даже прямо утверждалъ, что всѣ южно-русскія лѣтописи писаны по великорусски (Исслѣд. VII, 425 и др.); но это мнѣніе находится въ связи съ извѣстнымъ споромъ о существованіи до XIII вѣка въ южной Руси особаго южно-русскаго племени. Разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь было бы неумѣстно, тѣмъ болѣе, что

теперь онъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ (см. соч. Житцаго ¹⁾).

Болѣе чѣмъ гдѣ либо обстоятельное обозрѣніе языка Кіевской лѣтописи, впрочемъ лишь относительно звуковъ и формъ, сдѣлано въ указанномъ выше сочиненіи Колосова. Въ важнѣйшемъ трудѣ, посвященномъ малороссійскому языку, въ нѣсколько разъ уже цитированномъ нами сочиненіи Житцаго, о языкѣ южно-русскихъ лѣтописей почти не говорится, такъ какъ Житцакій, мы видѣли, считаетъ сохранившіеся древнія южно-русскія лѣтописи пострадавшими отъ сѣверно-русской ихъ передѣлки.

Лашнюковъ указываетъ, что въ Кіевской лѣтописи (стр. 110—170) формы церковно-русскаго языка соблюдены въ точности, тогда какъ напр. въ Суздальской онъ уже подверглись измѣненію въ духѣ народнаго языка, такъ вмѣсто «и» въ окончаніяхъ является «й», вмѣсто «градъ»—«городъ», вмѣсто «Андрей»—«Андрѣй». По примѣры эти несомнѣнъ доказательны и вопросъ требовалъ бы болѣе серьезнаго анализа.

Нѣкогда Мацѣевскій приписывалъ лѣтописи по Ипатьевскому списку (какъ и Слово о полку Игоревѣ) польское происхожденіе, и именно на основаніи языка ея; но слабыхъ его доказательствъ опровергнуты П. Лавровскимъ (Op. cit.).

Слогъ и способъ изложенія Кіевской лѣтописи весьма художественны; во многихъ мѣстахъ эта лѣтопись не только не уступаетъ, но и превосходитъ Древнюю лѣтопись. Нѣкоторыя мѣста, какъ напримѣръ рассказъ о притворной болѣзни Владимірка, о походѣ Игоря Сѣверскаго на Половцевъ и особенно о смерти Игоря Ольговича, отличаются замѣчательною картинностью. Выраженія ея необыкновенно мѣткі, есть много пословицъ, поговорокъ, но мало библейскихъ выраженій и цитатъ изъ Священнаго Писанія. Драматическая разговорность слога существуетъ тоже меньшая, чѣмъ въ Древней лѣтописи (см. напр. разговоръ Игоря Святославовича съ дружиною по поводу солнечнаго затмѣнія). Есть много рѣчей. Историки литературы, начиная съ Шевырева, любятъ сближать лѣтопись по Ипатьевскому списку съ художественной стороны съ Словомъ о полку Игоревѣ.

¹⁾ Въ последнее время споръ этотъ снова поднятъ проф. Соболевскимъ, но результаты его еще недостаточно выяснились

Костомаровъ указываетъ, что въ Киевской лѣтописи можно различать по способу изложенія и слогу нѣсколькихъ рассказчиковъ; но, повидимому, онъ предполагаетъ здѣсь такое различіе, какое всегда окажется между рассказчиками, хотя бы принадлежащими къ одной литературной школѣ. Напр. въ концѣ лѣтописи (съ 1175 г.) употребляется два раза слово полкъ въ смыслѣ войска; есть выраженіе: русальная недѣля; всего этого раньше не было. Нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ Ипатьевскомъ (и сходныхъ съ нимъ) спискѣ, выраженія Колосовъ, какъ мы видѣли, объясняетъ тѣмъ, что списокъ этотъ былъ переписанъ въ послѣдній разъ, а можетъ быть и передѣланъ, въ сѣверной Руси.

Спеціальныи указатель къ Киевской лѣтописи приложенъ къ изданію всей лѣтописи по Ипатьевскому списку 1871 г., слѣдовательно онъ обнимаетъ и Древнюю и Галицко-волинскую лѣтопись, но лишь по этому списку. Указатель есть именъ, лицъ и предметовъ. Можно пользоваться еще указателемъ Бычкова и сочиненіями Погодина. Есть нѣсколько статей, посвященныхъ біографіи того или другаго лица или опредѣленію мѣста ¹⁾, упоминаемаго въ этой лѣтописи; но это замѣчаніе приложимо ко всѣмъ лѣтописямъ безъ исключенія.

Лашнюковъ замѣчаетъ, что Киевская (и Галицко-волинская) лѣтопись представляетъ очень важный интересъ для топографіи юго-западнаго края, такъ какъ многіе города и даже мѣстечки и села, и понынѣ существующіе въ юго-западномъ краѣ, упоминаются въ Киевской лѣтописи.

Киевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ оканчивается въ 6708 году, но, конечно, она была продолжаема и далѣе, только списки ея утратились. Паденіе Киева, начавшееся собственно уже съ половины XII столѣтія и потомъ еще болѣе значительное въ XIII в., особенно послѣ разоренія его Батыемъ, если и не было столь рѣшительно, какъ

¹⁾ Такъ намъ попались недавно статьи М. Андреевскаго о Перепетовскомъ полѣ и о городѣ Юрьевѣ (Киевская Старина 1882—83 года), въ которыхъ рѣчь идетъ о мѣстностяхъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе относительно событій, изображенныхъ въ Киевской лѣтописи.

это предполагали прежде, говоря о полномъ запустѣннн Кіева (См. о Кіевѣ XIV—XVI в. статьи Антоновича въ Кіевской Старинѣ за 1882 г.), но все таки было значительно. Важнѣе всего, что съ одной стороны центръ политической жизни южной Руси былъ перенесенъ въ Галичъ, а съ другой, Кіевъ, вмѣстѣ со всею южной Русью, какъ то оторвался отъ Руси сѣверной и сѣверо-восточной. Поэтому литература Кіевской Земли и города Кіева (а слѣдовательно и лѣтописаніе) имѣла лишь узкое мѣстное значеніе; памятники ея почти не переписывались въ остальной Руси и сохранялись лишь у себя. Присоединеніе къ Польшѣ имѣло слѣдствіемъ, между прочимъ, и рядъ литературныхъ измѣненій и въ томъ числѣ измѣненіе въ характеръ историческаго повѣствованія; почему лѣтописныя произведенія такъ называемаго Казацкаго періода южной Руси сохраняютъ лишь небольшое сходство съ лѣтописями удѣльно вѣчеваго періода. Эти лѣтописи, какъ памятники древней литературы, могли сохраниться въ южной Русн, особенно въ ея монастыряхъ, но имъ не придавали большаго значенія въ то время, когда всѣхъ интересовали по преимуществу произведенія богословской литературы, которыхъ и сохранилось очень много. Большинство мѣстныхъ спеціально историческихъ сочиненій могло погибнуть во время тѣхъ невзгодъ, которымъ подвергалась Малороссія. Впрочемъ, мы увидимъ, что традиціи лѣтописанія не совсѣмъ прекратились въ южной Русн; но позднѣйшимъ лѣтописямъ (Казацкаго періода) мы посвятимъ особую главу.

Однако слѣды кіевскихъ лѣтописей встрѣчаются, какъ въ лѣтописяхъ XIII вѣка, написанныхъ въ Суздаль или Новгородъ, такъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, особенно въ такъ называемомъ Воскресенскомъ. Костомаровъ считаетъ извѣстія 1204 г.—о разореніи Кіева, и 1224 г.—о битвѣ при Калкѣ, находящаяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, занесенными туда, повидимому, изъ Кіевской лѣтописи. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ то же относительно кіевскихъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волинской лѣтописи, записанныхъ въ иныхъ лѣтописяхъ, напр. въ Суздальской и позднѣйшихъ. Кіевскою лѣтописью пользовался и Длугошъ, выборку изъ извѣстій котораго до XIV вѣка, касающихся Русской исторіи, Бестужевъ-Рюминъ прило-

жилъ къ своему сочиненію о лѣтописяхъ. Какъ увидимъ далѣе, Кіевскими лѣтописями пользовались и иные польскіе хронисты и историки.

Говоря о кіевскихъ лѣтописяхъ, мы постоянно имѣли въ виду лѣтописи, писанныя въ г. Кіевѣ; но лѣтописи были, конечно, ведены и въ другихъ мѣстахъ Кіевской (въ тѣсномъ смыслѣ) Руси, гдѣ были и монастыри и все же довольно значительные города, напр. Звенигородъ или Бѣлгородъ; только лѣтописи эти уже утрагались, послуживъ, можетъ быть, матеріаломъ для лѣтописей сохранившихся. Бестужевъ-Рюминъ при своемъ анализѣ постоянно предполагаетъ, что звенигородское извѣстіе было записано въ Звенигородѣ и т. д. Хотя не всѣ такія его соображенія убѣдительны, но вопросъ о существованіи такихъ мѣстныхъ лѣтописей намъ кажется даже не нуждающимся въ доказательствахъ.

Еще болѣе вѣроятно существованіе лѣтописей въ Переяславѣ (русскомъ), городѣ важномъ въ самую раннюю эпоху существованія русскаго государства. Опять таки ихъ нѣтъ и слѣдовъ, хотя и есть извѣстія, которыя съ большою вѣроятностью могли быть записаны въ Переяславѣ.

Но что болѣе всего странно, это отсутствіе лѣтописей черниговскихъ, тогда какъ Черниговъ долго былъ вторымъ городомъ южной Руси. Впрочемъ извѣстій черниговскихъ въ лѣтописяхъ очень много и мы видѣли (выше стр. 12—14), что ученые принимаютъ существованіе черниговскихъ лѣтописей. Съ извѣстною вѣроятностью можно допустить существованіе лѣтописей новгородъ-сѣверскихъ, курскихъ и даже тмутараканскихъ, гдѣ видимо образовался свой литературный центръ, и слѣды этой мѣстной литературы даже сохранились. О записяхъ, которыя могли быть сдѣланы во всѣхъ этихъ мѣстахъ, можно прочесть у Бестужева-Рюмина.

Галицко-волинская лѣтопись.

Волинь—Земля древлянская очень рано слилась съ Кіевскою Землею и вошла въ составъ древней Руси. Червонная же Русь или Галичъ была присоединена нѣсколько позднѣе; хотя и это позднее время надо понимать относительно: во второй половинѣ XI в. червонорусскіе города (Перемышль, Теревовль и др.) совершенно слились съ остальною Русью. Обѣ эти области не только обособились въ XII вѣкѣ, но, видимо, стали значительнѣе, чѣмъ самая поддѣпровская Русь; а еще черезъ сто лѣтъ они то именно и стали южно-русскимъ государствомъ, въ которомъ старый Кіевъ имѣлъ второстепенное значеніе.

Близость Волини къ Кіеву и долгая общая ихъ исторія были, вѣроятно, причиною, что на Волини не могла рано развиться мѣстная литература, зачатки которой мы находимъ напр. въ Новгородѣ или Ростовѣ. Но, разумѣется, и въ обителяхъ волинскихъ городовъ (напр. во Владимірѣ) монахи трудились надъ обычными литературными занятіями, и въ томъ числѣ надъ лѣтописаніемъ, группируя доставшіяся имъ раннія погодныя замѣтки и цѣлыя сказанія. Таже работа, но нѣсколько позднѣе должна была происходить и въ Червонной Руси, напр. въ Перемышлѣ. Древнихъ лѣтописей волинскихъ и галицкихъ, конечно, было не мало (см. Бестужевъ-Рюминъ: О лѣтописяхъ, стр. 4, примѣч. 7), такъ какъ области были богатая и монастырей было много, но всѣ лѣтописи впоследствии утратились и лѣтописцы намъ неизвѣстны. Татищевъ, между прочимъ, говоритъ о волинскомъ лѣтописцѣ игумнѣ Нисонтѣ (Ист. Россіи I, 57), но на какомъ основаніи—неизвѣстно.

Первыя извѣстія о Волини находятся въ Древней лѣтописи; можетъ быть они были записаны сперва на Волини. Срезневскій (Чтенія) напр. предполагаетъ это относительно из-

вѣстїа подѣ 6422 г. о дани, взятой съ древлянъ Игоремъ, причомъ она сравнивается съ данью, взятой съ нихъ Олегомъ. Намъ кажется, что какъ этотъ примѣръ, такъ и два другіе (о дѣлахъ Свенельда), могли быть записаны и не въ Древланской землѣ, а въ Кіевѣ.

Но въ XI вѣкѣ извѣстїи о Волыни и Червонной Руси въ Древней лѣтописи есть уже больше и нѣкоторыя несомнѣнно тамъ и записаны. Такъ извѣстный разсказъ о Василькѣ (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 160) составляетъ галицко-волынское сказаніе, написанное какимъ-то Василиемъ волынцемъ (владимірцемъ), и, по мнѣнію Соловьева, есть отрывокъ изъ первой части Галицко-волынской лѣтописи; по крайней мѣрѣ по слогу и способу изложенїа онъ имѣетъ большое сходство съ сохранившеюся Галицко-волынскою лѣтописью.

Еще болѣе извѣстїи о Волыни и Галичѣ находится въ Кіевской лѣтописи, гдѣ многія записи по складу рѣчи напоминаютъ Галицко-волынскую лѣтопись. Княженіе Романа Мстиславича на Волыни и Владимірка и Ярослава Осмомысла въ Галичѣ описаны въ Кіевской лѣтописи дотого подробно, что само собою является мысль, что не только волынскїа и галицкїа замѣтки и сказанїа, но именно лѣтописи этихъ мѣстъ послужили источникомъ для составленїа Кіевской лѣтописи. Мы видѣли, что издатели лѣтописи по Ипатьевскому списку готовы даже были признать Кіевскую лѣтопись за Волынскую (см. выше стр. 2).

Костомаровъ указываетъ, что при составленїи Кіевской лѣтописи нѣкоторыя галицко-волынскїа извѣстїа были пропущены; такъ подѣ 6653 г. упоминается о хитромъ взятїи Володаря яхами и замѣчено, что въ заднихъ лѣтахъ о томъ писано; а прежде объ этомъ не было сказано вовсе. Далѣе, Костомаровъ предполагаетъ заимствованными изъ галицкихъ и волынскихъ лѣтописей извѣстїа, сохранившїяся у польскихъ историковъ, напримѣръ касающїяся исторїи Кн. Романа Мстиславича, его послѣдняго похода въ Польшу и смерти. Что Длугошъ зналъ галицко-волынскїа извѣстїа изъ недошедшей до насъ лѣтописи, это принимаетъ и Дашкевичъ. Бестужевъ-Рюминъ тоже допускаетъ, что многія извѣстїа Длугоша могли быть записаны въ Галичѣ.

Но относительно XIII в. сохранилась лѣтопись, т. е. лѣтописный сводъ, описывающїй исключительно галицко-волын-

скія событія и составленный гдѣ либо на Волыни, или въ Галичѣ.

Лѣтопись эта представляетъ очень важный источникъ для исторіи Россіи въ XIII в., только болѣе спеціальный, чѣмъ Древняя и Кіевская, такъ какъ въ ней преобладаютъ галиція и волынскія дѣла. Но для исторіи Галича и Волыни въ XIII в. это первый по важности источникъ и почти единственный, такъ какъ всѣ остальные русскіе источники если и дополняютъ его, то сравнительно весьма мало. Важнѣе источники иностранные, польскіе и венгерскіе, такъ какъ исторія Волыни, а особенно Галича въ XIII в. тѣсно связана съ исторіею Польши и Венгріи; но и эти источники по своей важности для исторіи юго-западной Руси все же значительно уступаютъ нашей лѣтописи.

Наконецъ, и какъ памятникъ литературный, Галицко-волинская лѣтопись имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ многія мѣста въ ней по художественности не уступаютъ лучшимъ памятникамъ древней русской литературы.

Несмотря на такую важность Галицко-волинской лѣтописи, сочиненій, посвященныхъ ей, весьма мало. Сочиненіе Шараневича (Szaraniewicz: Die Hupatios Chronik als Quellen Beitrag zur Oestreichische Geschichte. Lemberg 1872) содержитъ почти исключительно одніе выдержки изъ Галицко-волинской лѣтописи, съ весьма поверхностной ихъ оцѣнкой. Предисловіемъ Петрушевича къ галицкому изданію этой лѣтописи мы воспользоваться не могли, да оно считается и неважнымъ. Въ сочиненіи Бестужева-Рюмина Галицко-волинской лѣтописи посвящено всего 6 страницъ; Хрущовъ оканчиваетъ обзоръ сказаній XII вѣкомъ; такъ что остаются лишь Излѣдованія Погодина, Лекціи Костомарова и статьи Аристова и Дашнюкова, да еще нѣсколько замѣчаній въ немногочисленныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи юго-западной Руси и ея отношеніямъ къ Польшѣ и Венгріи, особенно въ сочиненіи Дашевича о Князѣ Данилѣ Галицкомъ.

Лѣтопись называютъ Галицко-волинскою (обозначеніе Костомарова), или Волынско-галицкою (сперва Бестужевъ-Рюминъ); Карамзинъ, первый обратившій на нее вниманіе, называлъ ее прямо Волынскою; иные — Галицкою. Мы предпочли первое названіе, такъ какъ, представляя много извѣстій, запи-

писанныхъ на Волини, лѣтопись все таки болѣе говоритъ о дѣлахъ Галича.

Галицко-волинская лѣтопись сохранилась въ тѣхъ же спискахъ, какъ и Кіевская, т. е. въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ, и представляетъ ея продолженіе. Была еще копія Волинской лѣтописи въ библіотекѣ перемышльскихъ кримошанъ, но, кажется, уже утратилась (см. Труды Кіевск. Археологическаго Съѣзда, приложенія, статья Калужняцкаго, стр. 271).

Галицко-волинская лѣтопись и издается вмѣстѣ съ Кіевскою; поэтому, какъ о спискахъ ея, такъ и объ изданіяхъ см. выше (стр. 3). Есть и отдѣльное изданіе А. Петрушевича (вып. I, Львовъ 1871 г.).

Вѣмъ ведена была Галицко-волинская лѣтопись? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ точности невозможно; но что многія мѣста ея записаны очевидцами, это вѣ сомнѣній: рассказчики постоянно сами на себя указываютъ. См. указанія у Погодина Костомарова, или Бестужева-Рюмина.

Погодинъ допускалъ всего двухъ лѣтописцевъ: первый изъ нихъ жилъ около 1226 г. Зубрицкій считалъ его духовникомъ Князя Мстислава Удалого, Тимофеевъ, о которомъ въ этой лѣтописи подъ 6713 г. сказано, что онъ былъ премудрый книжникъ и родомъ изъ Кіева (см. Исторію галицкаго княжества). Другой лѣтописецъ, по мнѣнію Погодина, упоминается подъ 1289 годомъ. Но для цѣлаго вѣка, обнимаемаго лѣтописью, двухъ лѣтописцевъ слишкомъ мало. Костомаровъ указываетъ на измѣненіе въ характерѣ лѣтописи съ 1261 г. и, кажется, допускаетъ участіе тоже двухъ лѣтописцевъ, притомъ лицъ свѣтскихъ, принимавшихъ участіе въ изображаемыхъ ими событіяхъ. Впрочемъ Костомаровъ допускаетъ и вставки. Наконецъ, Бестужевъ-Рюминъ, допуская официальность лѣтописи, считаетъ, хоть не столь рѣшительно и съ меньшимъ числомъ доказательствъ, и эту лѣтопись сводомъ, только съ претензіей на на цѣльность и нѣкоторый, такъ сказать, прагматизмъ.

Доказательства Бестужева-Рюмина все тѣ же: подъ 6714 г. авторъ обѣщается рассказать о Галичиной могилѣ и началъ Галича—и не исполняетъ этого обѣщанія; обѣщается въ началѣ лѣтописи рассказать о княженіи Романа, а рассказъ на-

чинается временемъ послѣ смерти Князя Романа ¹⁾; есть непонятные намеки, или явно поддѣйшія вставки и мѣста совсѣмъ безсвязныя; сведены разныя мнѣнія; въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи видны различныя симпатіи и т. д.

Дашнюковъ, хоть и менѣе рѣшительно, чѣмъ о предыдущихъ лѣтописяхъ, все же признаетъ Галицко-волынскую лѣтопись составленною однимъ авторомъ, и именно лицомъ духовнымъ, лѣтописцемъ по профессіи, знакомымъ съ греческими хронографами и себя называющимъ хронографомъ, интересующимся церковными событіями и личностями епископовъ и пристрастнымъ къ княжескому дому. Аристовъ дѣлаетъ относительно Галицко-волинской лѣтописи ту же ошибку, что и относительно Кіевской (см. выше стр. 8). Специалистомъ же и лицомъ какъ бы сознающимъ свою обязанность, подобно хронографу, все записывать, глубоко преданнымъ своему дѣлу и исполняющимъ его съ важностью, считаетъ автора (по крайней мѣрѣ одной части лѣтописи) и Дашкевичъ, видя въ немъ лицо свѣтское и отчасти оффиціальное. Впрочемъ онъ допускаетъ, что инныя мѣста лѣтописи записаны духовными лицами, но почему то изъ блага духовенства. Линниченко тоже считаетъ составителя лѣтописи лицомъ свѣтскимъ, такъ какъ духовное лицо иначе выражалось бы о польскихъ полахъ, діаконахъ и игуменахъ (Взаимн. отн. стр. 6).

По мнѣнію Костомарова, Галицко-волинская лѣтопись была сначала писана въ видѣ повѣсти, безъ годовъ и послѣ уже разбита на годы ²⁾ и довольно неискусно. Случается, что подъ какимъ либо годомъ, когда распредѣлитель не могъ помѣстить изъ сплошнаго разсказа ничего, потому что по своей хронологіи не находилъ ничего къ этому удобнаго, онъ вставлялъ выраженіе: бысть тишина, или—не бысть ничеосоже, и при этомъ вставка видна очень ясно, такъ какъ между разрозненными ею

¹⁾ Костомаровъ приводитъ еще извѣстіе подъ 6672 г. объ убійствѣ Войшелгомъ Остаѣя Константиновича, причеиъ сказано: о немъ же прежде псахомъ; а прежде будто бы ничего не было. Но объ Остаѣи было написано подъ 6670 г., и видно, что именно это мѣсто лѣтописецъ имѣетъ въ виду.

²⁾ По мнѣнію Срезневскаго лѣтопись, заключаая въ себѣ въ концѣ разсказъ современника, имъ же самимъ написана и вся по другимъ лѣтописямъ; такъ она выдержана вся по изложенію и такъ отлична отъ всѣхъ другихъ лѣтописей; годы добавлены въ ней послѣ.

фразами не прерывается грамматическая связь, напр. (6721)... Данилови же приѣхавши въ Володимирь. 6722... Бысть тишина. 6723 Божиимъ повелѣніемъ пригласа князи литовскіи и т. д.

Въ лѣтописи, говоритъ Костомаровъ, сравнительно очень мало краткихъ извѣстій, какія обыкновенно попадаютъ въ большомъ числѣ въ иныхъ лѣтописяхъ. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, распредѣлитель иногда переставлялъ мѣста повѣсти, измѣнялъ рассказъ и т. д.

Всѣ эти соображенія Костомарова нельзя не признать основательными, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ списковъ (Погодинскомъ) годы совсѣмъ не выставлены, а для нихъ лишь оставлены мѣста. Но все вопросъ этотъ нуждался бы въ подробномъ анализѣ, каковой Бестужевымъ-Рюминымъ, къ сожалѣнію, для этой лѣтописи не сдѣланъ.

Впрочемъ Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что Галицко-волинская лѣтопись представляетъ въ нашемъ лѣтописаніи совершенно особенное явленіе: составитель ея имѣлъ въ виду нѣчто болѣе стройное, чѣмъ простая погодная лѣтопись. Такъ подъ подъ 6762 г. онъ самъ говоритъ: Вта же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужда есть писати все и вся бывшая, овогдаже писати в передняя, овогда же возступати в задняя: чѣтый мудрыи разумѣть; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антивохѣйскимъ соромъ (сѣборомъ, въ иныхъ спискахъ) алумпиядамъ, грѣцкими же численицами, римскыи же висикостомъ, яко же въ Евсѣвий Памфилъ и иныи хронографы списаша отъ Адама до Хрѣтоса; вся же лѣта спешемъ росчетъше во задняя¹⁾.

Правомъ систематизаціи составитель лѣтописи иногда и пользуется, группируя рассказъ съ нарушеніемъ при этомъ хронологіи. Такъ, сообщая подъ 6721 г. о женитбѣ Данила на дочери Мстислава Удалого, онъ тутъ же говоритъ о дѣтяхъ Данила отъ этого брака. Подъ 6731 г. онъ приводитъ цѣлый рядъ владимірскихъ епископовъ, и о каждомъ сообщаетъ какія нибудь извѣстія. Подъ 6765 г. пишетъ: по великимъ бо князѣ Романѣ никто же не бѣ воевалъ на нѣ въ рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила, Богомъ же дана ему дань, послушество

¹⁾ Поповъ сближаетъ съ этимъ мѣстомъ довольно сходное мѣсто изъ одного хронографа (см. Обзоръ хронографовъ I, 69): хронографу нужда есть писати вся, елико же есть и т. д.

створи Лядскою Землею, сирѣчь во память дѣтемъ своимъ, яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣяннѣ во вѣки святятся. Яко же сказахомъ о ратехъ многихъ, сиже написаномъ о Романѣ: древлѣ бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть въ послѣдняя. Еще много подобныхъ примѣровъ указано у Бестужева-Рюмина и Костомарова.

Костомаровъ полагаетъ, что лѣтопись Галицко-волинская прежде была ведена въ Галичѣ, приблизительно до 6709 года, послѣ чего рассказъ переходитъ къ Волини. Бестужевъ-Рюминъ не соглашается съ этимъ, на основаніи одного мѣста подъ 6711 г., которое писано едва ли не на Волини: княгиня же Романова взявше дѣтять своя и бѣжа въ Володимеръ. И еще же хотящу Володимеру искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичанамъ и т. д. Но и помимо этого мѣста самое начало лѣтописи сообщаетъ много извѣстій о Володимерѣ Волинскомъ и извѣстія галицкія начинаютъ рѣшительно преобладать съ того времени, когда въ галицкихъ дѣлахъ начинаетъ принимать участіе Кн. Даниилъ Романовичъ.

Развивая и дополняя мнѣніе Костомарова, Дашкевичъ находитъ, что часть лѣтописи, обнимающая Даниилово время, распадается на два отличныя другъ отъ друга и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Одно (первая, большая часть) прямо можетъ быть названо частною лѣтописью, занимающеюся Кн. Данииломъ. Лѣтописи обыкновенно слѣдятъ за князьями съ того времени, когда они выступаютъ въ качествѣ дѣятелей; здѣсь же повѣствованіе съ самаго начала сосредоточивается около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее главнымъ образомъ рассказчикъ обращаетъ вниманіе и прямо заявляетъ, что предметъ лѣтописи—ихъ исторія. Во всемъ рассказѣ видна искренняя и глубокая (и отнюдь не оффиціальная) любовь и уваженіе къ Даниилу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человекъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ, галицкихъ бояръ, называетъ безбожными, нечестивыми, невѣрными, а противъ одного изъ нихъ Жирослава выражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (подъ 6734 г.). Каждый успѣхъ Даниила авторъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Даниилъ находится подъ Божіей охра-

вою. Дашкевичъ отмѣчаетъ еще и такую любопытную мелочь, что авторъ постоянно называетъ Данила княземъ до его коронованія, и королемъ послѣ него.

Другое повѣствованіе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за рассказомъ о нашествіи Бурандай (подъ 8769 г.) и написано во Владимірскомъ княжествѣ и вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра-Волынскаго. Оттого въ немъ такъ мало сказано о Даниловой дѣятельности послѣ нашествія Бурандай и объ его смерти и такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, если бы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предыдущее; напротивъ въ первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ 2-ой части лѣтописи называетъ «короля» Данила иногда княземъ. Рассказъ 2-ой части не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи; наонецъ Дашкевичъ находитъ разницу и въ языкѣ.

Впрочемъ Дашкевичъ считаетъ трудно допустимымъ, чтобы первая часть лѣтописи была составлена однимъ лицомъ, такъ какъ она обнимаетъ 54 года; она могла выйти изъ подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенною однимъ лицомъ по нѣсколькимъ извѣстіямъ. Но во всякомъ случаѣ эта первая часть была проредактирована однимъ лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, на что указываетъ упоминаніе при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто неособенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Напр. подъ 8713 годомъ онъ говоритъ о венгерской королевѣ Елисаветѣ, уже нынѣ святу нарекають, прежде же имя ей Кинеза; много бо послужи Богови по мужи своемъ... А Св. Елисавета канонизирована въ 1238 г. Дашкевичъ приводитъ и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Лѣтописецъ этотъ несомнѣнно былъ близокъ къ Данилу. Дашкевичъ даже доказываетъ, что находящіяся въ этой части лѣтописи вставки (см. ниже) сдѣланы ея редакторомъ; словомъ, мы имѣемъ сочиненіе очень цѣльное. Вторая же часть лѣтописи—волынская, не отличается такою цѣлостью. Въ ней есть вставки, не принадлежащія къ ея составу, и мѣста заимствованныя изъ противоположныхъ по характеру источниковъ. Въ цѣломъ же лѣтопись все таки представляетъ сводъ; но вопросъ о мѣстѣ его окончательнаго составленія имѣетъ второстепенное

значеніе, разъ мы знакомы съ мѣстомъ, гдѣ записаны его источники.

Начинается Галицко-волинская лѣтопись 6709 годомъ, причемъ въ началѣ ея тоже есть путаница; оканчивается она 6813 годомъ. Костомаровъ признаетъ за окончаніе ея 6808 г. (1200), считая остальное, на основаніи слога и хронологіи, позднѣйшими вставками. Даже извѣстія 6798 и 6799 онъ считаетъ чуть ли не припискою. Погодинъ тоже оканчиваетъ лѣтопись 1289-мъ годомъ; редакторы же изданія 1871 года оканчиваютъ 6800 г. (1292), считая остальное приписками съ 6808, т. е. послѣ 8 лѣтъ перерыва, и по 6813 годъ.

Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ дошла до насъ Галицко-волинская лѣтопись, т. е. отрывокъ ея о XIII вѣкѣ, не подвергался обсужденію; но, принимая во вниманіе, что Погодинъ не отмѣчаетъ въ ней мѣстъ испорченныхъ, можно думать, что она сохранилась еще лучше, чѣмъ Киевская. Это весьма возможно и потому, что лѣтопись оканчивается послѣдними годами XIII вѣка, а списокъ ея мы имѣемъ не позже XV вѣка. Но опять таки нельзя не допустить, что послѣ составленія этой лѣтописи, въ началѣ XIV в., были не только сдѣланы приписки, но кое что и вставлено и переправлено; кромѣ того при перепискѣ могли оказаться и ошибки; напр. вставкою могли быть нѣкоторыя мѣста Ипатьевского списка, не находящіеся въ иныхъ спискахъ, напр. извѣстіе объ убіеніи 500 болгаръ подъ 6716 г. (Костомаровъ).

О содержаніи Галицко-волинской лѣтописи Аристовъ говоритъ, что оно обрисовывается слѣдующими словами самой лѣтописи: велику мятежу воставшу въ Землѣ Русской оставившима жеся двѣма сынона его (т. е. Романа—Давиду и Васильку)—единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ... Начнемъ же свазати бесчисленные рати и великия труды, и частыя войны и многыя мятежи и частыя возстанія... Посемъ скажемъ многыя мятежь, великия льсти (обманы), бесчисленные рати и т. д. (Особыя частныя заглавія въ лѣтописи).

Дѣйствительно лѣтопись занимается преимущественно военными дѣлами.

Начинается она въ Ипатьевскомъ списокѣ частнымъ заглавіемъ (какія, впрочемъ, постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ): Въ лѣто 6709 начало княженія великого князя Романа Само-

держца бывша всеи Руской Земли князя Галичкого. Разсказъ же начинается именно временемъ послѣ смерти Романа, о которомъ лишь приведено нѣсколько обрывковъ повѣстическаго содержанія. Притомъ есть путаница: многіе извѣстные факты изъ исторіи начала XIII в., находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ, пропущены, а разсказы такіе, который случились раньше. Затѣмъ идетъ разсказъ о борьбѣ за Галичъ русскихъ князей, поляковъ и венгровъ въ малолѣтство Даниила Романовича и во княженіе въ Галичъ Мстислава Удалого. Среди разсказа находится сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Далѣе слѣдуютъ: борьба за Галичъ послѣ смерти Мстислава и во княженіе Даниила въ Галичъ и Василька во Владимірѣ Волинскомъ; княженіе Даниила (важнѣйшая часть лѣтописи) и, среди разсказа, нашествіе Батые; событія послѣ смерти Даниила въ княженіе его сына Льва (особенно дѣла литовскія); смерть Василька и княженіе во Владимірѣ Волинскомъ сына его Владимира Васильковича; обширный разсказъ о болѣзни и смерти Владимира Васильковича и его завѣщаніи, и наконецъ начало княженія во Владимірѣ Мстислава Даниловича ¹⁾.

Весь лѣтописный разсказъ, какъ мы сказали, посвященъ преимущественно войнамъ, рѣдко касаясь событій церковнаго или гражданскаго характера.

Обращаясь къ составу Галицко-волинской лѣтописи, видно, что изъ всей лѣтописи можно выдѣлить весьма немного особыхъ, вошедшихъ въ нее, сказаній; по крайней мѣрѣ Бестужевъ-Рюминъ выдѣляетъ лишь слѣдующія мѣста: Подъ 6732 г. сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Оно находится во всѣхъ лѣтописяхъ, иногда въ той же редакціи, какъ въ спискахъ Галицко-волинской лѣтописи, иногда нѣсколько сокращено; причѣмъ бываютъ и добавленія, впрочемъ не важныя (см. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 154, прим. 248). Писано оно очевидцемъ, сообщающимъ всѣ подробности, толки, разговоры и, вѣроятно, волинцемъ или галичаниномъ, такъ какъ видно особенное сочувствіе къ князю Даниилу.

Сказаніе о нашествіи Батые. Миѣ кажется, что въ эту

¹⁾ Въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ въ окончаніи большая путаница, см. примѣчаніе къ изданію 1872 года.

лѣтопись оно попало подѣ двумя годами 6745 и 6748, смѣшавшись съ лѣтописнымъ изложеніемъ; въ другихъ же лѣтописяхъ сказаніе это сохранилось совершенно въ иныхъ редакціяхъ. Всѣ указанія приведены Бестужевымъ-Рюминымъ (стр. 155, прим. 252) и имъ же сдѣлано краткое сличеніе. Сказаніе это могло, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, составиться изъ различныхъ мѣстныхъ сказаній, и одна часть его, собственно сказаніе объ опустошеніи Рязани, вполне обследована Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, вып. IV).

Сказаніе подѣ 6796 г. о болѣзни и смерти князя Владимира Васильковича. Это—обширная повѣсть, даже слогомъ рѣзко отличающаяся отъ остальной лѣтописи, написанная человѣкомъ, близкимъ къ Князю Владимиру. Оканчивается она похвалою этому князю въ видѣ проповѣди и потомъ двумя особыми рассказами, находящимися въ Погодинскомъ и Ермолаевскомъ спискахъ: краткимъ—объ обрѣтеніи тѣла Владимира, и болѣе подробнымъ, въ которомъ перечисляются дары его различнымъ храмамъ. Бестужевъ-Рюминъ думаетъ, что сказаніе это, собственно первая часть его, написано для наследника князя Владимира—Мстислава Даниловича; но указанная имъ мѣста обличаютъ только сторонника этого князя и были бы черезчуръ грубою лестью, если бы написаны были именно для него.

Въ лѣтописи подѣ 6795 г. уже было говорено о болѣзни Кн. Владимира и приведено даже его рукописаніе (т. е. завѣщаніе). Этихъ рукописаній было три: два Князю Мстиславу на свое княженіе и третье княгинѣ; это третье здѣсь и записано. Всѣ эти грамоты были писаны писцомъ Федорцемъ. Мы думаемъ, что здѣсь собственно сокращенное изложеніе грамоты, такъ какъ, несмотря на оффиціальное начало, въ лѣтописи очень мало оффиціальнаго дати, существующихъ въ дошедшихъ до насъ актахъ XIII вѣка.

Составитель лѣтописи имѣлъ подѣ рукою еще оффиціальныи актъ: такъ онъ говоритъ подѣ 6762 годомъ о договорѣ венгерскаго короля Бѣлы IV съ Романомъ Даниловичемъ, — «его же за множество весь не списахомъ».

Наконецъ грамота же или, вѣрнѣе, сокращеніе ея помѣщено подѣ 6797 г., и это мѣсто важно потому, что на него, какъ мы имѣли случай говорить, ссылаются въ доказательство оф-

официальности летописей, и притомъ это указаніе наиболѣе раннее ¹⁾: жители города Берестья вмѣсто Кн. Мстислава призвали племянника его Кн. Юрія Львовича, котораго Мстиславъ и изгналъ. Пріѣхавши въ Берестье, Мстиславъ спросилъ у бояръ: «естъ ли ловчинъ здѣ? Они же рекоша: нѣтъ, господине, изъ вѣка. Мстиславъ же рече: язъ такъ уставляю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь, и повелѣ писцю своему писати грамоту».

Хотя далѣе, судя по началу, и записана грамота: Се азъ Князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьянъ и т. д.; но все же она въ летописи очень коротка, при ней нѣтъ никакихъ официальныхъ датъ и притомъ въ разныхъ спискахъ она находится на разныхъ мѣстахъ, почему вѣрнѣе видѣть здѣсь ея краткое изложеніе. Оканчивается это мѣсто словами: «А вопсалъ естъ въ летописѣцъ коромолу ихъ». О пониманіи нами этого мѣста мы говорили въ вып. I, стр. 71 ²⁾.

Наконецъ, отрывками какаго то поэтическаго сказанія считаетъ Бестужевъ-Рюминъ (Р. Ист. I Введ. стр. 28) и тѣ мѣста въ началѣ летописи, въ которыхъ говорится о Кн. Романѣ Мстиславичѣ. Дашкевичъ доказываетъ, что эти отрывки внесены самымъ редакторомъ той части летописи, которая посвящена княженію Данила.

Вотъ и всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ быть выдѣлены.

При обзорѣ иныхъ летописей оказывается, что записи подъ годами вообще неособенно велики, такъ что, если въ видѣ исключенія, является большой рассказъ, то нѣкоторые ученые, напр. Бестужевъ-Рюминъ или Хрущовъ, склонны принимать его за особое сказаніе. Къ Галицко-волинской летописи эта мѣрка вполне неприменима, такъ какъ въ ней погодныя записи постоянно очень обширны и выдѣлены изъ рассказа быть не могутъ. Поэтому, какъ мы видѣли, Костомаровъ и Бестужевъ-Рюминъ считаютъ Галицко-волинскую летопись сочпненіемъ особеннаго характера.

¹⁾ Влывевъ почему то видитъ доказательство официальности летописи еще въ описаніи мятежа и ратей въ Галичѣ 6738—6743 г.

²⁾ Здѣсь мы не замѣтили довольно грубой опіски, вмѣсто Мстислава Даниловича названъ Василько Мстиславичъ.

Можно бы полагать, что тѣ мѣста лѣтописи, которыя имѣють особыя частныя названія представляютъ и особыя, внесенныя въ лѣтописи сказанія; но издатели лѣтописи 1872 г. отмѣчаютъ, что названія эти приписаны инымъ почеркамъ и именно, западно-русскимъ XVIII в. (вѣроятно одного изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописи).

Пользовался ли составитель лѣтописи какими нибудь иностранными источниками? Конечно, Священное Писаніе онъ зналъ и цитируетъ извѣстныя мѣста изъ него такимъ же образомъ, какъ и всѣ лѣтописцы. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, онъ ссылается на хронографъ, и именно на хронографъ Малалы (въ переводѣ), изъ котораго взята и фраза подъ 6737 годомъ: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ (*Σκίρτος ποταμός σκίρτσει καὶ σκίρτῆματα πόλιταις*). Малала рассказываетъ, что наводненіемъ рѣки Скрыта была потоплена Эдесса и потомъ на этомъ мѣстѣ найденъ былъ камень съ этою надписью, вошедшею въ поговорку. Лѣтопись примѣнила ее къ Днѣстру: тако и Днѣстръ злу игру сыгра уграмъ; причомъ тоже получилась игра словъ. Фраза эта понравилась лѣтописцу, такъ какъ онъ повторилъ ее еще и подъ 6728: Сюю же наричють Белжане злу ноць: сню бо ноць злу игру имъ сыгра ¹⁾).

Затѣмъ знаетъ лѣтопись Евсевія Кессарійскаго, а можетъ быть, и другихъ хронографовъ. Дашкевичъ находитъ даже, что лѣтописцу былъ извѣстенъ Гомеръ, которому онъ будто бы удачно подражалъ. Такимъ подражаніемъ считаетъ Дашкевичъ мѣсто подъ 6764 г.: одинъ же воинъ управи десъницу свою, иземъ рогатицю ис пояса своего далече вѣргъ, срази князя ятвяжскаго съ коня своего и летяще ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ. Образъ дѣйствительно сходный съ нѣкоторыми мѣстами Иліады, но вѣроятно сходство случайное. Положимъ, въ лѣтописи подъ 6741 даже называется Омиръ и приводится будто бы изъ него цитата: О лествъ зла есть! Якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ, конецъ золь приметъ; о злѣе зла зло есть! Но Пыпинъ указываетъ, что такого мѣста ни въ Иліадѣ, ни

¹⁾ Терновскій допускаетъ, что это извѣстіе о разливѣ р. Скрыта могло быть заимствовано и изъ Амартола (Изучен. Виз. Ист. I, 13 примѣч.).

въ Одиссеѣ не встрѣчается (Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей стр. 50).

Западно-европейскія, особенно польскія извѣстія въ лѣтопись занесены, кажется, не столько изъ писанныхъ источниковъ, сколько на основаніи сообщеній очевидцевъ, каковыми иногда могли быть, конечно, и самые лѣтописцы. На очевидца напр. указываетъ извѣстіе подъ 8793 г.: начаша повѣдати, оже въ нѣмцнхъ вышедъ море и потопило землю гнѣвомъ Божиимъ: болѣе шьстидесять тысячъ душъ потонуло, а цервѣи каменныхъ одинадесять и сто, опроче деревяныхъ.

Ливниченко говоритъ, что въ Галицко-волинской лѣтописи есть только одно мѣсто, обличающее знакомство съ западными хрониками, именно рассказъ объ ослѣпленіи Петра Власта и бѣгствѣ его въ Русь, да и то считаетъ позднѣйшей вставкой, какого либо читателя, а объ ослѣпленіи Власта даже легендою (Взаимн. отн. Руси и Польши стр. 6 прим. и въ дополн. vi). Впрочемъ Ливниченко указываетъ на знакомство лѣтописца съ латинскимъ и польскимъ, а можетъ быть и съ венгерскимъ языкомъ, что отыскивается въ языкѣ лѣтописи. Извѣстіе о смерти Филиппа Гогенштауфена подъ 6715 г. Дашкевичъ тоже считаетъ вставкою, но проникшею изъ какой либо западной хроники (Дан. Галицк. стр. 5). Лѣтопись знаетъ и предшествующую отечественную исторію, заимствуя ее, конечно, изъ прежнихъ лѣтописей.

Братскихъ погодныхъ замѣтокъ очень мало; но тѣ, которыя есть, имѣютъ обыкновенный характеръ. Нѣсколько больше ихъ въ концѣ лѣтописи; но онѣ все же обширнѣе, чѣмъ записи въ иныхъ лѣтописяхъ. Преобладаютъ въ нихъ извѣстія галицко-волинскія, такъ что лѣтопись имѣетъ вполне мѣстный характеръ; можетъ быть поэтому Бестужевъ-Рюминъ и не счелъ нужнымъ дѣлать имъ подробный анализъ.

Лѣтописныя извѣстія записаны тоже не только современниками, но и очевидцами и участниками событій; но точнѣе опредѣлить кого нибудь изъ нихъ невозможно. Можно развѣ, судя по симпатіямъ, высказываемымъ въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи, полагать, что тотъ или другой рассказъ записанъ лицомъ, близкимъ къ извѣстному князю. Такъ Дашкевичъ считаетъ редактора первой части лѣтописи лицомъ близкимъ къ Даниилу; Костомаровъ указываетъ, что рассказчикъ повѣсти о

последнихъ дняхъ Владиміра Васильковича относится менѣе благосклонно къ Кн. Льву Мстиславичу, чѣмъ тотъ, который сдѣлалъ приписки послѣ 1289 г. и т. п.

Относительно Галицко-волинской лѣтописи ученые (Погодинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.), основываясь на обиліи военныхъ подробностей въ ней, еще настойчивѣе утверждаютъ, что составители ея были лица свѣтскія. Мы уже столько разъ касались этого вопроса, что нѣтъ цѣли говорить о немъ еще: скажемъ только, что прямого указанія на свѣтскій характеръ рассказчиковъ нѣтъ; а по тону рассказа судить трудно¹⁾. Лашнюковъ именно на основаніи тона рассказа считаетъ составителя лѣтописи лицомъ духовнымъ. Особенно сильно выдаетъ свой характеръ духовнаго лица составитель повѣсти о смерти Владиміра Васильковича. Говорили мы и о томъ, какъ понимать оффиціальность этой лѣтописи, которую допускаетъ даже Лашнюковъ.

Достоверность историческихъ извѣстій, сообщаемыхъ Галицко-волинскою лѣтописью, не подвергается сомнѣнію. Правда, очень многія извѣстія, о которыхъ эта лѣтопись сообщаетъ, ничѣмъ и не могутъ быть проверены; но другія подтверждаются изъ польскихъ и венгерскихъ источниковъ. Впрочемъ, гораздо чаще извѣстія, сообщаемыя этими источниками, подвергаются проверкѣ по лѣтописнымъ извѣстіямъ. Это совершенно понятно, такъ какъ рассказъ очевидца въ XIII вѣкѣ можетъ отличаться нѣкоторою тенденціозностью, напр. онъ можетъ быть нѣсколько пристрастивъ къ русскимъ, чѣмъ къ литовцамъ, полякамъ или венграмъ, и событія могутъ быть изложены въ болѣе благопріятномъ для русскихъ свѣтѣ, чѣмъ они происходили на самомъ дѣлѣ; но сознательное искаженіе истины допустить уже трудно. Отмѣтимъ, впрочемъ, особую благосклонность лѣтописи къ княжескому дому Романовичей, и преимущественно къ Даніилу, и очень враждебное отношеніе къ галицкому боярству, а въ особенности, подмѣченное Лашнюковымъ, нерасположеніе къ движеніямъ народныхъ массъ, въ которыхъ выражалось противодѣйствіе власти. Эти свойства лѣтописи могли,

¹⁾ Погодинъ, напримѣръ, по поводу извѣстія 6721 г., что Мстиславъ Удагой подарилъ Даніилу коня своего борзого сиваго, говорить, что монахъ не замѣтилъ бы масти лошади.

пожалуй, нѣсколько повліять на ея безпристрастіе. Въ литературѣ нашей этотъ вопросъ затронуть, впрочемъ, не былъ, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній Дашкевича. По его мнѣнію, хотя лѣтописецъ и желаетъ выставить съ самой лучшей стороны Данила, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ; иногда только онъ, можно сказать неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Но и о Данилѣ въ лѣтописи встрѣчается не только одно хорошее, напр. подъ 6738 г. сказано: «нѣкое слово похвально рещу (Данилу), его же Богъ не любитъ». Данилѣ не можетъ быть въ 6743 г. Звенигорода: «бѣ бо Святая Богородица въ немъ чудная икона». Враги Данила награждаются иногда несовѣтмъ лестными эпитетами; но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣ о ихъ дѣяніяхъ.

Базъ мы уже нѣсколько разъ говорили, свѣдѣнія, сообщаемыя Галицко-волынскою лѣтописью, касаются преимущественно галицко-волынской исторіи XIII в., представляя для нея самый важный историческій источникъ. Впрочемъ, есть извѣстія и о кievской Руси, даже о сѣверныхъ русскихъ княжествахъ.

Помимо исторіи былевой, лѣтопись эта представляетъ, какъ и всѣ лѣтописи, очень важный источникъ и для исторіи быта югозападной Руси, преимущественно Галича. Какъ извѣстно, въ Галицкой Землѣ подъ вліяніемъ сосѣдства съ Венгріей (а также и съ Польшей) и, можетъ быть, въ силу еще несовѣтмъ понятныхъ намъ экономическихъ условій страны, въ которой, благодаря характеру мѣстности и торговымъ отношеніямъ, могли образоваться крупно-земельныя владѣнія, сложилась довольно сильная аристократія. Галицкіе бояре явились не только въ роли совѣтниковъ княжескихъ, но были зачастую распорядителями въ Галицкой Землѣ и, лишь благодаря ихъ взаимнымъ ссорамъ и подкапыванію другъ противъ друга, могла иногда торжествовать княжеская власть. Политическое же значеніе народа, замѣтное въ Червонной Руси еще въ половинѣ XII вѣка (напр. при Кн. Владиміркѣ), въ XIII вѣкѣ совершенно исчезаетъ; о народныхъ вѣчахъ ничего не упоминается. Это преобладающее значеніе боярства изображено въ лѣтописи чрезвычайно рельефно; поэтому отсюда черпали постоянно массу извѣстій тѣ историки, которые пытались изобразить бытъ русскаго боярства въ смыслѣ аристократіи. Съ другой стороны прежніе историки Червонной Руси (Зубрицкій, Соловьевъ, Смирновъ), изображая бытъ Гали-

ціи, преимущественно въ аристократическихъ ея чертахъ, о народѣ сообщали свѣдѣнія довольно отрывочныя.

Новѣйшіе исторіи Галича, напр. Дашкевичъ (см. его сочиненія о Болховской Землѣ и о Кн. Данилѣ Галицкомъ) и особенно Шараневичъ (впрочемъ преимущественно для болѣе поздняго времени, см. Очеркъ внутреннихъ отношеній Галича во второй половинѣ XV вѣка) сумѣли извлечь изъ лѣтописи много свѣдѣній, живо рисующихъ и бытъ народа въ Галиціи, напр. промышленность, торговлю, заселеніе городовъ и т. п. Къ сожалѣнію исторія Галицкаго княжества еще не написана, какъ слѣдуетъ, русскими учеными, и этотъ пропускъ не можетъ быть пока восполненъ трудами ученыхъ галицкихъ или иностранныхъ, такъ какъ даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ Шараневичъ, зная всѣ иностранные источники, необходимые для изученія галицкой исторіи, и будучи кромѣ того хорошо знакомы со всею, касающеюся Галича литературою, въ томъ числѣ съ Ипатьевскою лѣтописью и известными актами, все же мало знакомы съ остальными источниками русской исторіи, разумѣется безусловно необходимыми для пониманія исторической жизни Червонной Руси ¹⁾.

Исторія Волыни разработана еще слабѣе; въ русской историографіи нѣтъ ни одного спеціальнаго сочиненія ей посвященнаго, почему еще далеко не изучены даже тѣ извѣстія лѣтописи, которыя сообщаютъ свѣдѣнія о волынскихъ дѣлахъ; сочиненіе же Шараневича: Исторія Галицко-Владимірскаго Княжества болѣе говорить о Галичѣ.

Галицко-волынская лѣтопись даетъ много указаній и на бытъ князей и понятно почему: въ разсказахъ видно пристрастіе къ княжескому дому Романовичей, обусловленное близкими къ нему отношеніями.

Наконецъ Галицко-волынская лѣтопись, кромѣ интереса для русской исторіи, очень важна и для исторіи Литвы, представляя опять таки едва ли не единственный по важности источникъ для времени до XIV вѣка. Какъ былевая, такъ и бытовая исторія Литвы изображена въ ней очень обстоятельно (см. Антоновичъ: Исторія В. Кн. Литовскаго); о ятвягахъ мы только и знаемъ что нибудь благодаря этой лѣ-

¹⁾ Нѣкоторыя сочиненія о Галицкой Руси, напр. Делевеля *Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie*, известны намъ, впрочемъ, лишь по названію.

тописи. Затѣмъ сообщается множество извѣстій для исторіи и быта Польши, Венгріи, черноморскихъ степей во время пребыванія въ нихъ татаръ, и даже странъ болѣе отдаленныхъ, напр Ливонскаго Ордена, Германіи (въ половинѣ XIII вѣка) и, между прочимъ, Австріи и Чехіи. Извѣстія эти, впрочемъ, почти что не провѣрены учеными, и Лашнюковъ считаетъ ихъ темными и перепутанными, такъ какъ лѣтописецъ заимствовалъ многія извѣстія изъ устныхъ разсказовъ современниковъ, и потому невѣрно записалъ названія мѣстностей, переименовалъ собственные имена, перепуталъ событія. Намъ кажется, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ: переименованіе собственныхъ именъ и названій мѣстностей—широко распространенный въ историографіи грѣхъ, а отъ человѣка XIII столѣтія трудно и ожидать правильнаго ихъ употребленія. Что же касается до извращенія самыхъ событий, то это еще нуждается въ доказательствахъ.

Хронологія Галицко-волинской лѣтописи очень неправильна, и вотъ по какой причинѣ. Кіевская лѣтопись оканчивается 6708 г. Тотъ, кто переписалъ ее (или нашелъ ее въ такомъ видѣ переписанною — это не дѣлаетъ разницы), имѣлъ подъ руками лѣтопись Галицко-волинскую, начинающуюся смертію Романа, и прямо пристегнулъ ее къ Кіевской, а, такъ какъ первая часть Галицко-волинской лѣтописи въ основѣ своей можетъ быть составлена была безъ годовъ, то составитель, желая подражать Кіевской лѣтописи (мнѣніе еще Карамзина); и разставилъ числа. Разставляя годы, онъ началъ непосредственно 6709 ¹⁾ годовъ, тогда какъ Романъ Галицкій умеръ въ 6713 году, почему хронологія лѣтописи подалась на четыре года назадъ. Разумѣется, эта грубая ошибка была бы легко поправима, если бы она прошла черезъ всю лѣтопись; но распределитель чиселъ видимо сознавалъ, что у него въ иныхъ мѣстахъ хронологическія даты выставлены неправильно, такъ какъ въ источникахъ его лѣтописи были и записи съ годами. Онъ пытался свою хронологію исправить, для чего иногда событія одного и того же года раздѣлены и занесены подъ двумя годами и сдѣланы вообще различныя пертурбаціи (см. выше стр. 33 ²⁾).

¹⁾ Событія, происходившія во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волинской, нѣсколько, впрочемъ, известны изъ другихъ лѣтописей, напр. изъ нѣкоторыхъ списковъ Суздальской и изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ.

²⁾ Погодинскій списокъ такъ и остался съ невыставленными годами.

Легко понять, какую путаницу произвела эта манера въ хронологіи лѣтописи. Дашкевичъ объявляетъ ее прямо незаслуживающею никакого довѣрія и сожалѣетъ, что историки еще продолжаютъ ею пользоваться. Онъ приводитъ примѣры, какъ походъ Мстислава Удалого въ Галичу оказался и подъ 6724 г. и подъ 6727 годомъ, а подъ 6726 г. написано: бысть тишина. Или, одна и таже битва Романовичей съ венграми показана въ двухъ годахъ: въ 6739 и 6740 г. и мн. др.

Но всѣ эти соображенія о хронологіи Галицко-волинской лѣтописи имѣютъ общій характеръ, въ частности же она предметомъ особаго изслѣдованія не послужила. Лишь въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи Юго-западной Руси XIII в., попадаются спеціальныя изслѣдованія объ одной или нѣсколькихъ хронологическихъ датахъ этой лѣтописи ¹⁾. О томъ, что составитель лѣтописи иногда сводилъ подъ однимъ годомъ событія многихъ лѣтъ, имѣвшія между собою историческую связь, и дѣлалъ это сознательно—было уже говорено.

Какъ памятникъ литературный, Галицко-волинская лѣтопись признается всѣми весьма замѣчательной; однако съ этой стороны она до сихъ поръ никѣмъ не была разсмотрѣна, если не считать нѣсколькихъ случайно брошенныхъ о ней замѣчаній.

Ученые указываютъ на ея художественный характеръ; но художественность эта не похожа на художественность Древней и Кіевской лѣтописи, художественныхъ именно своею простотою и непосредственностью. Художественность лѣтописи Галицко-волинской уже искусственная, она достигается умышленнымъ подборомъ извѣстныхъ образовъ и систематическимъ расположеніемъ словъ, чѣмъ лѣтопись эта сходна съ Словомъ о полку Игоревѣ. Оба эти памятника созданы не въ народной средѣ, даже не въ средѣ, хотя и подвергшейся вліянію византійскаго образованія, но все еще сохраняющей народныя традиціи, рѣзко отъ него отличающіяся, а уже совершенно въ особой умственной атмосферѣ. Въ XIII вѣкѣ главные источники умственной жизни русскаго общества, народныя вѣрованія, византійское вліяніе, даже до нѣкоторой степени западно-европейское вліяніе, (особенно въ Юго-западной Руси) настолько уже слились между собою, что болѣе образованные люди этого

¹⁾ См. напр. хронологическую записку Вл. Бузескуда о занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ (Ж. М. П. 1881 г. № 3), или любое сочиненіе по исторіи Галицкаго Княжества.

времени отличались совершенно дѣльнымъ умственнымъ развитіемъ, усвоившимъ себѣ и византійскія теоріи, но не чуждымъ и народнаго творчества. Люди несомнѣнно религіозные, они не ставили себѣ аскетическихъ идеаловъ; они интересовались и политикою, и тѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и удовольствіями жизни. Религія сознательно не заслоняла въ нихъ патріотизма, къ народнымъ вѣрованіямъ относились они благосклонно, не считая ихъ зазорными или грѣшными; вообще умственное развитіе ихъ отличалось достаточно свѣтскимъ характеромъ. Такой типъ образованныхъ людей могъ сложиться при княжескихъ дворахъ, и не только у людей свѣтскихъ, но и у духовныхъ, которые втягивались въ интересы тѣхъ кружковъ, къ которымъ они принадлежали; хотя, по существу дѣла, умственное развитіе лицъ духовныхъ было болѣе подвержено византійскому вліянію. Даже въ монастыряхъ, при общеизвѣстной близости ихъ къ князьямъ, были лица раздѣлявшія господствовавшія идеи XIII вѣка, и они то, какъ люди все же самые образованные, могли вести лѣтописи.

Какія же характеристическія черты замѣчаются въ Галицко-волинской лѣтописи?

Аристовъ, какъ мы сказали выше (стр. 22), сдѣлалъ общую характеристику всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана во II томѣ Полнаго собранія лѣтописей. Приведа эту характеристику раньше, въ этомъ же выпускѣ, мы не имѣемъ основанія повторять ее теперь во второй разъ; скажемъ только, что всѣ указанныя Аристовымъ черты несравненно сильнѣе замѣчаются въ Галицко-волинской лѣтописи, чѣмъ въ Кіевской: она еще обстрѣлнѣе говоритъ о военныхъ событіяхъ, сообщая о нихъ все до мельчайшихъ подробностей. Напротивъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщено очень мало (даже тѣ немногіе, которые есть, Аристовъ склоненъ считать вставками, но это уже черезчуръ смѣлое предположеніе). По отношенію къ религіи лѣтопись отличается значительнымъ индифферентизмомъ, она благосклонна и къ католичеству. Такъ лѣтописецъ придаетъ значеніе папскому проклятію, очень восхваляетъ католическихъ святыхъ, напр. Св. Елисавету, или польскихъ королей, напр. Конрада (подъ 6759 г.), или Болеслава, князя краковскаго. Впрочемъ, это не мѣшаетъ лѣтописцу приписывать успѣхъ какого либо дѣла Св. Николаю

или Св. Михаилу; образъ Пресв. Богородицы останавливаетъ успѣхъ Данила и т. п. Наконецъ, правоучительныхъ сентенцій, изреченій слова Божія и ссылокъ на Священное Писаніе, кажется, еще меньше, чѣмъ въ Кіевской лѣтописи.

По художественности даваемыхъ ею образовъ Галицко-волынская лѣтопись, т. е. собственно часть ея, посвященная княженію Данила, занимаетъ первое мѣсто между всѣми лѣтописями. На каждомъ шагу, при описаніи чуть ли не каждаго событія, рассказчикъ старается дать картину и часто успѣваетъ въ этомъ. Битва ли, военная игра, боярскія смуты — все это встаетъ въ лѣтописи передъ нами, какъ живое. Характеристики лицъ сдѣланы мастерски; иногда какимъ либо однимъ мѣткимъ выраженіемъ лѣтописецъ прекрасно обрисовываетъ извѣстную личность. Важнѣйшій образъ — конечно, Данилъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ сильной любовью, когда онъ еще такъ молодъ былъ, что и матери своей не зналъ. Онъ слѣдитъ за всѣми его трудными дѣйствіями въ теченіи всей его жизни, съ тѣхъ поръ какъ онъ выучился ѣздить на конѣ, какъ за первые подвиги мужества получилъ похвалу и подарокъ, какъ онъ на Калкѣ получилъ глубокія раны и не чувствовалъ ихъ по своей молодости и силѣ, не спалъ сряду по три дня и по три ночи, какъ помогалъ ему Богъ на всѣхъ трудныхъ путяхъ жизни, вѣнчалъ его труды славою и честью. Очень характеристично то мѣсто, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о путешествіи Данила въ орду къ Батыю (подъ 6758 г.): О злѣ зла честь татарская! Даниловн Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си инѣми странами: нынѣ сѣдять на колыну и холопомъ называється, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарская! Замѣчательно, говоритъ Аристовъ, что о Михаилѣ Свatomъ, князѣ черниговскомъ, который боролся съ Даниломъ за Галичъ, лѣтописецъ отзывается несовсѣмъ благопріятно (passim, особенно подъ 6746 г.) и весьма коротко говоритъ о его мученической кончинѣ въ ордѣ.

Очень художественны также рассказы о нашествіи татаръ и опустошеніи ими Галицкой Земли, о битвѣ подъ Ярославлемъ, о болѣзни Владиміра Васильковича и много другихъ мѣстъ.

Какъ памятникъ, составленный современниками изображае-

мыхъ событій, Галицко-волинская лѣтопись не можетъ хранить народныхъ преданій, но кое какія легенды случайно въ нее попасть могли. Такою легендою отзывается разсказъ объ основаніи города Холма Кн. Данииломъ Романовичемъ. Дашкевичъ приводитъ въ параллель къ этому разсказу еще нѣсколько преданій (Кіевск. унив. изв. 1882 г. № 2 стр. 53 прим. 4). Есть черты сходства съ этимъ преданіемъ въ народной легендѣ о постройкѣ города Каменца (Кіевская Старина 1884 г. № 5 стр. 17).

Слогъ Галицко-волинской лѣтописи тоже очень художественъ и во многихъ мѣстахъ напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ. Таково напр. мѣсто о Кн. Романѣ въ началѣ лѣтописи: По смерти же великаго Князя Романа, приснопамятнаго Самодержца всея Руси, одолѣвши всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ, устремилъ бо ся бяша на поганя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко крокодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храбръ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему. Мономаху, погубившему поганя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшу Отрока во Обезы за желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимерь Мономахъ пилъ золотомъ шелономъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю окаянныя агаряны. Или: . . . родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву... Или: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко облаку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же влекъшущимъ и плавающимъ крылома своимъ и воспрометающимся на воздухъ (въ этомъ мѣстѣ чувствуется даже ритмъ). Или... щить ихъ яко заря бѣ, шеломи же ихъ яко солнцу восходящу и мн. др.

Выраженія лѣтописи часто очень мѣткі и образны: сразились челомъ будто громъ грянулъ; шли камни съ забралъ, какъ дождь сильный; еще бо ему (Льву) не сошла оскомины Телебужины рати и мн. др. Костомаровъ находилъ, что почти безпрестанное употребленіе въ лѣтописи дательнаго самостоятельнаго падежа уже показываетъ страсть къ образности и поэтическую натуру писателя. Но онъ находить, что хотя складъ лѣтописи блещетъ поэзіей (не поэзіей простоты первобытнаго разсказа, а цвѣтистой удалой раскидистой поэзіей, напоминающей Слово о полку Игоревѣ), но тѣмъ не менѣе Галицкая лѣтопись не отличается ясностью изложенія. Ея качество, можно

сказать, таково, что многія мѣста, взятая отдѣльными періодами, представляютъ изящный образъ, но въ соединеніи ихъ мало стройности; поэтому въ изложеніи, не смотря на поэтическій колоритъ разсказа, есть какая то тяжеловѣсность. Разсказъ о Владимірѣ Васильковичѣ напротивъ отличается необычайною простотою и ясностью.

Любопытно, что въ Галицко-волинской лѣтописи встрѣчаются указанія на древнія пѣсни и древнихъ пѣвцовъ; а извѣстно, что этихъ указаній вообще чрезвычайно мало. Вотъ указанія лѣтописи: подъ 6749 г. упоминается словутный пѣвецъ Митуса древле за гордость не восхотѣвшій олужить Кн. Данилу, а потомъ раздранный, аки связанъ, къ нему приведенный ¹⁾.

Подъ 6759 г. освобожденные Даниломъ и Василькомъ изъ плѣна у Ятвяговъ «пѣснь славу пояху има».

Извѣстно еще указаніе на половецкаго пѣвца подъ 6709 году: По смертѣ же Володимерѣ (Мономаха) оставшю у Сырчана (хана половецкаго) единому же гудѣцю же Ореви, посла и въ Обези (къ загнанному туда Мономахомъ хану Отроку) река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкыя; оже ти не восхочеть дай ему поухати зелья, именовъ евшанъ (или емшанъ). Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелья; оному же обухавшю и восплававшю рче: да луче есть во своей землѣ костью лечи, нели на чюже славу быти, и приде во свою землю.

Языкъ Галицко-волинской лѣтописи, какъ намъ кажется, будучи обычнымъ лѣтописнымъ языкомъ южной Руси, еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому, что сказывается и въ сходствѣ словъ и особенно въ его фонетикѣ; впрочемъ этотъ вопросъ нуждается въ серьезномъ изслѣдованіи.

И къ Галицко-волинской лѣтописи, какъ сохранившейся въ Ипатьевскомъ спискѣ, примѣнимо соображеніе П. Лавровскаго и Колосова, что она переписана гдѣ либо въ сѣверной Руси. О языкѣ этой лѣтописи, кромѣ указанныхъ уже по поводу прежнихъ лѣтописей общеизвѣстныхъ сочиненій Макси-

¹⁾ Впрочемъ Максимовичъ, кажется, правильно думаетъ, что Митуса былъ церковный пѣвчій (см. замѣтку о Митусѣ соч. М.—ча I, 129).

мовича, Лавровскаго, Колосова и Житецкаго, недавно напечатаны еще замѣчанія Соболевскаго (Очерки изъ исторіи русскаго языка стр. 64—66); но неособенно существенныя и тоже касающіяся всего Ипатьевскаго списка.

Дашкевичъ отмѣчаетъ, что, судя по языку, рассказъ о Владимірѣ Васильевичѣ написанъ на Волини, напр. р. Сянъ называется Санъ. Линиченко же указываетъ на множество польскихъ и латинскихъ словъ въ этой лѣтописи. Наконецъ, приписки въ концѣ лѣтописи, по мнѣнію Костомарова, отличаются языкомъ позднѣйшимъ, напр. Крижани прусскіе Егданскъ взяли и збурили; Люблинъ ляхи отшукали отъ Руси и т. д. Это дѣйствительно языкъ юго-западныхъ русскихъ памятниковъ болѣе поздняго времени.

Указатели къ Галицко-волинской лѣтописи тѣже, что и къ Киевской (см. выше стр. 26). Къ сожалѣнію, даже при бѣгломъ обзорѣ нами замѣчены были ошибки въ указателяхъ къ изданію 1871 г. Ипатьевскаго списка лѣтописи, напр. г. Глѣбовъ смѣшанъ съ Глѣблемъ и др. ¹⁾

Замѣчаніе Лашинюкова относительно значенія Галицко-волинской лѣтописи для топографіи Юго-западной Руси приведено нами выше (стр. 26).

Галицко-волинская лѣтопись, какъ мы уже сказали, дошла до насъ всего одна; однако о волинско-галицкихъ дѣлахъ существовала и другая лѣтопись, которою пользовался Татищевъ, знавшій изъ разбираемой лѣтописи лишь начало (характеристику Романа). Но лѣтопись известная Татищеву, по мнѣнію Дашкевича, едва ли была писана въ Галичѣ или на Волини, такъ какъ въ ней въ подробностяхъ, отсутствующихъ въ Галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются нерѣдко неточности въ въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія.

Нѣкоторыя Галицко-волинскія извѣстія находятся въ одной изъ позднѣйшихъ южно-русскихъ лѣтописей, такъ называемой Густинской; но эти извѣстія взяты изъ той же лѣтописи, какъ и находящіяся въ Ипатьевскомъ спискѣ, только позднѣйшей редакціи. Мы скажемъ о нихъ въ то время, когда будемъ говорить о Густинской лѣтописи.

¹⁾ Молчановскій (Очерки Подольской земли стр. 148) указываетъ, подъ 1255 г. въ слова маліи сдѣлано собственное имя Малій, что совершенно извратило смыслъ мѣста.

Дополненія къ I выпуску.

Къ стр. 9: Для греческой логографіи смотри на русскомъ языкѣ новое сочиненіе Шеффера: Очерки греческой исторіографіи—Кіевскія университетскія извѣстія за 1884 годъ.

Къ стр. 15: Для исторіи Сократа и Созинена вышли новыя сочиненія Іееса и Гарнака: см. Прибавл. къ творен. Св. Отц. 1885 г. II, А. Л.

Къ стр. 18: Г. Голубовскій въ рецензіи на 1-й выпускъ моего труда о лѣтописяхъ (Кіевская Старина 1883 г. № 8) указалъ, что древніе польскіе лѣтописцы не знали русскихъ лѣтописей. Я дѣйствительно употребилъ неточное выраженіе: такихъ польскихъ писателей, какъ Длугошъ, а тѣмъ болѣе Стрыйковскій, неудобно называть *древними* лѣтописцами. Впрочемъ, я имѣлъ въ виду еще и Кадлубка, жившаго въ началѣ XIII вѣка; но онъ, можетъ быть, русской лѣтописи не зналъ, а писалъ о галицкихъ событіяхъ, какъ очевидецъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о знакомствѣ польскихъ лѣтописцевъ съ русскими лѣтописями нуждался бы въ особомъ изслѣдованіи.

Къ стр. 20: О польскихъ лѣтописяхъ есть сочиненіе Смолки Польскія лѣтописи до начала XIV вѣка.

Къ стр. 22: Есть еще и грузинскія лѣтописи, о которыхъ см. въ статьѣ Патканова: О ванскихъ надписяхъ (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12), но онѣ очень поздняго времени.

Къ стр. 40: И. Тихомировымъ написаны еще 2 статьи: О псковской лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 10) и О Лаврентьевской лѣтописи (ibid. 1884 г. № 10). Последнее заглавіе, впрочемъ, неточно; рѣчь идетъ о такъ наз. Суздальской лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Затѣмъ недавно явилось небольшое изслѣдованіе — О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода І. Сенигова (Ж. М. Пр. 1884 г. № 6).

Къ стр. 71 и далѣе, къ вопросу объ официальнойности лѣтописей: Можно привести еще аналогичныя примѣры пользованія лѣтописями; но и они точно также не даютъ никакого доказательства официальнойности лѣтописей:

Въ первой Псковской лѣтописи подъ 7018 г. записана ссылка псковичей на лѣтописцевъ при переговорахъ съ дьякомъ, присланнымъ В. Княземъ Василиемъ Ивановичемъ.

Западно-русскіе епископы, избирая митрополитомъ Григорія Цамвлака, ссылались на примѣръ избраніи кievскаго митрополита соборомъ при В. Князѣ Изяславѣ кievскомъ: «то нашли ясно написано стоитъ въ лѣтописцѣхъ русскихъ, въ кievскомъ и володимерскимъ и въ иныхъ» (Акты Зап. Россіи т. I, стр. 36).

Выдубецкіе монахи, споря въ 1656 г. съ новопечерскими о правѣ владѣнія на перевозъ черезъ р. Днѣпръ противъ устья р. Лыбеди, приводили въ доказательство переправу Кн. Василька Ростиславича въ 1097 г., «беручи» этотъ «доводъ Несторомъ кройниваромъ, або лѣтописцомъ печорскимъ кievскимъ за фундаментъ sprawy своея» (Кievск. Стар. 1882 г., № 11, стр. 369).

Недавно за официальность псковскихъ лѣтописей высказался Тихомировъ, въ указанной выше статьѣ О псковской лѣтописи (стр. 235, примѣчаніе): «Можетъ быть официальнымъ характеромъ псковскихъ лѣтописей объясняется то, что въ нихъ вошло посланіе Симеона митрополита о попѣхъ, о которомъ замѣчено: «а сія грамота легла предъ посадники псковскими и священники у лавицы августа въ 11 день». Это посланіе, конечно, имѣло чисто официальный характеръ. Посланіе игумена Памфила вошло въ лѣтопись, какъ адресованное псковскому наместнику».

Для насъ все это небогѣе убѣдительно, чѣмъ замѣчаніе Бостомарова, о которомъ мы говорили на стр. 76; мало ли какіе официальные акты могли найти себѣ мѣсто въ лѣтописяхъ.

Еще стр. 92: Въ pendant къ окончанію того послѣсловія, которымъ завершается Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, приведемъ приписку въ одномъ прологѣ: «Вы же господье, когда кто коли чтете, да еще гдѣ будемъ описалися или преступили собою, исправяще чтите, а насъ многогрѣшныхъ не клените Бога дѣля. Аминь». (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 5, Критика, стр. 73). Въ такомъ же родѣ послѣловіе и къ одному изъ прологовъ, приведенное Срезневскимъ въ Славяно-русской палеографіи стр. 190.

Еще стр. 103. Впрочемъ Лаврентьевскій и Троицкій списки лѣтописи не сходятся въ хронологіи; такъ въ Троицкомъ спискѣ 6393 г. соединенъ съ слѣдующимъ 6394, почему съ этого года

Лаврентьевскій списокъ относительно Троицкаго идетъ на годъ впередъ до 6453 г., когда хронологія обоихъ списковъ опять становится согласною.

Къ стр. 106: Переводъ Бѣлевскаго, кажется, сдѣланъ въ сущности Вагилевичемъ (см. Киевск. Стар. 1883 г. № 7, статья Я. Г. (т. е. Головацкаго) о Вагилевичѣ стр. 466).

Изъ новыхъ переводовъ Древней лѣтописи укажемъ на только что (въ 1884 г.) вышедшій французскій переводъ съ комментаріями Луи Леже; но при пользованіи имъ необходимо имѣть въ виду и поправки къ нему, сдѣланныя въ рецензіи Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. № 10).

Къ стр. 111—112: Для сопоставленія житій Св. Бориса и Глѣба см. Киевск. Стар. 1885 г. № 6 М. Андріевскаго Давыдова Боженка.

Къ стр. 131: О Мееодіѣ Патарскомъ есть специальная статья Модестова въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ за 1857 г. Смори также извѣстное изслѣдованіе А. Веселовскаго; Объ исторіи развитія христіанской легенды.

Къ стр. 137: О спискахъ Георгія Амортюла есть особый этюдъ Де Боара (см. о немъ Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12, Критика, стр. 489).

Къ стр. 138: Относительно извѣстія лѣтописи о волхвѣ Кунопѣ подъ 6578 г. см. Тернопскій: Изученіе византійской исторіи вып. 1-ый, стр. 50, примѣч. 2; впрочемъ авторъ не высказывается окончательно.

Къ стр. 144—145: Срезневскій однако указываетъ, что въ лѣтописномъ житіи Свв. Кирилла и Мееодія есть свѣдѣнія, въ паннонскихъ житіяхъ не находящіяся, и приводитъ выдержки (Ж. М. Н. Пр. 1882 г. № 8, Славяно-русская палеографія, ст. 2-я, стр. 301 и слѣд.).

Къ стр. 145: Для сказанія о хожденіи Апостола Андрея см. еще Труды кievскаго археологическаго съѣзда стр. LXIV изложеніе реферата В. И. Григоровича.

Къ стр. 146: Какъ курьезно понимали впоследствии, именно въ XVI в., лѣтописное извѣстіе о расселеніи славянъ—см. Замысловскаго Герберштейнъ стр. 56.

Къ стр. 149: Относительно народныхъ преданій объ обрахъ см. Симашкевича историко-географическій и этнографическій очеркъ Подолія, вып. 2-ой, стр. 29.

Къ стр. 151—152: Въ собр. сочиненій Якушкина есть много преданій о Рюрикѣ, Ольгѣ и т. д.; но они имѣють уже книжное происхожденіе.

Къ стр. 152: Способъ, какимъ былъ умерщвленъ древланами Игорь, практиковался, по видимому, у весьма различныхъ народовъ. Такъ былъ казненъ римскій солдатъ Императоромъ Аврельяномъ (Гиббонъ I, 380); такъ же былъ убитъ въ царствованіе И. Валента тиранъ Прокопій (*ibid.* III, 77, примѣч. 3). Въ Отечественн. Запискахъ 1865 г. въ статьѣ Кузьма—мордовскій богъ, указывается, что подобнымъ же способомъ въ началѣ XIX в. убитъ мордвою исправникъ; впрочемъ этотъ фактъ опровергается (см. Истор. Вѣстникъ 1884 г. № 9, стр. 479). Такимъ же способомъ былъ убитъ недавно въ Сибири своими товарищами бродягами извѣстный преступникъ Горскій (Русская Мысль 1883 г. № 11, Сибирскіе колонизаторы, стр. 301).

Къ стр. 153: Въ pendant по словамъ Добрыни (подъ 6493 г.) по поводу камскихъ болгаръ: суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти; поидемъ искать лапотниковъ,—можно привести рассказъ о Робертѣ Гюискарѣ. Когда онъ шолъ на завоеваніе южной Италіи, то говорилъ братьямъ, что страна эта обильна всѣми дарами природы, что люди въ ней невоинственны и ходять на деревянныхъ ногахъ т. е. въ деревянныхъ башмакахъ. Нами этотъ рассказъ взятъ изъ одной статьи А. Веселовскаго.

Къ стр. 155—156: Дашкевичъ сближаетъ рассказъ о крещеніи Св. Владиміра съ извѣстіемъ о крещеніи Ягейла и находитъ черты сходства—Кіевск. ун. изв. 1885 г. № 5, стр. 205.

Къ стр. 161: Относительно рассказа лѣтописи о Югрѣ см. еще статью Латкина—Пятисотлѣтіе зырянскаго края (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12, стр. 300 и д.) и Герберштейнъ Замысловскаго (стр. 84).

Стр. 161: Такое же мнѣніе относительно рассказа объ убійствѣ Итлара недавно высказано Голубовскимъ (Кіев. унив. изв. 1883 г. № 9, Печенѣги, торги и половцы стр. 413).

Къ стр. 180: Много мелкихъ замѣчаній о языкѣ Древней лѣтописи разсыпано въ статьяхъ по филологіи Максимовича, нынѣ собранныхъ во II томѣ его сочиненій.

